

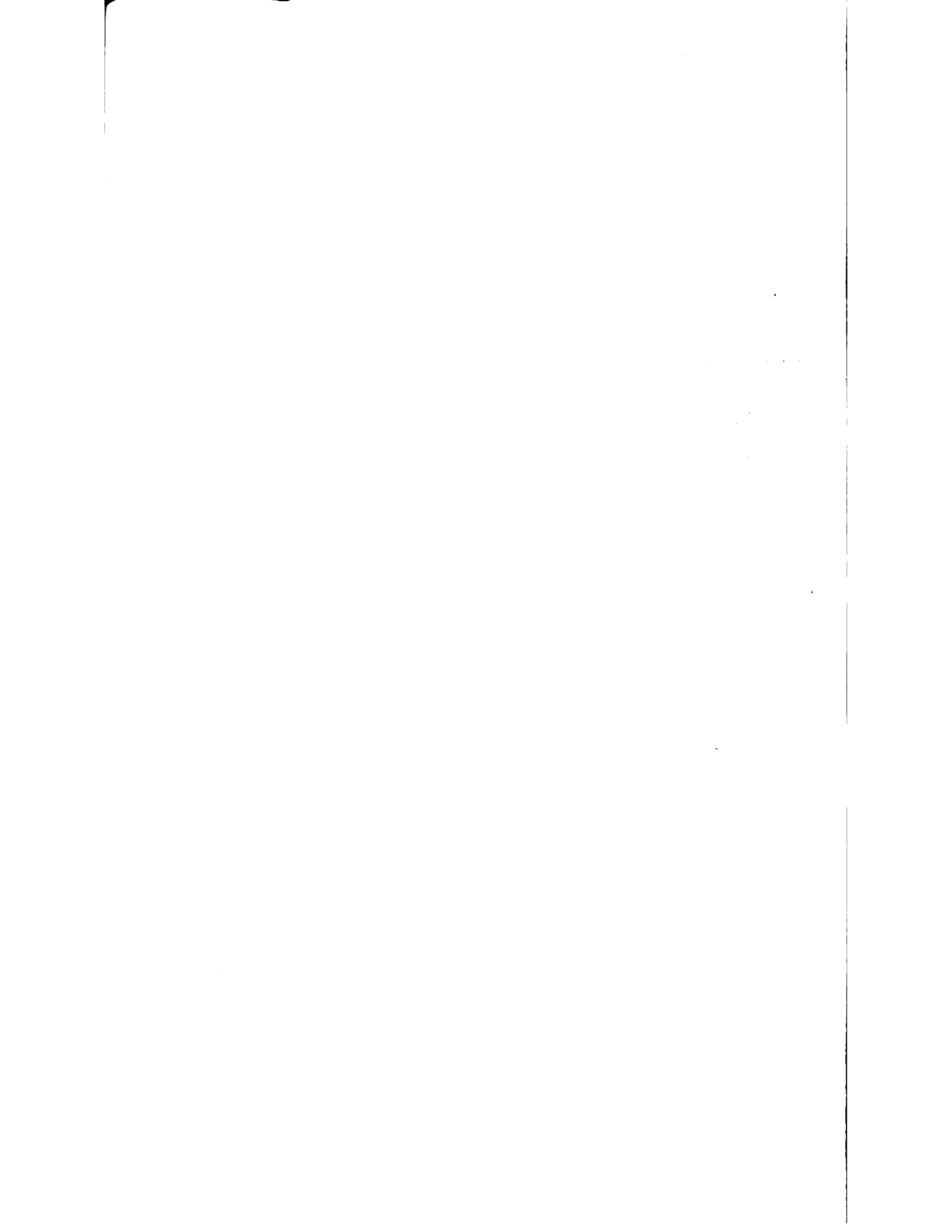
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. П. КАРЕВА

ПРАВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ПРАВА

М. П. КАРЕВА

ПРАВО
И НРАВСТВЕННОСТЬ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва—1951

Ответственный редактор

кандидат юридических наук

Г. И. ФЕДЬКИН

ВВЕДЕНИЕ

В свете гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», поднявшего на новую высоту марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке, о роли надстройки, о соотношении ее частей, особенно ясной стала актуальность и важность такой проблемы, как проблема взаимодействия права и морали в социалистическом обществе.

Изучение соотношения и взаимодействия социалистического права и коммунистической морали позволяет глубже уяснить специфику социалистического права как права нового, высшего типа, его принципиальные качественные отличия от эксплуататорского права, его роли в осуществлении функций социалистического государства, методы воздействия социалистического права на сознание и поведение людей.

Но значение проблемы гораздо шире, так как ее разработка необходима не только для изучения социалистического права, но и для изучения закономерностей формирования и развития социалистического общества, закономерностей перехода к коммунизму, для выявления огромной творческой роли социалистической надстройки в целом. Не только юристы и государственоведы, но и философы, экономисты, как и представители ряда других общественных наук, не могут успешно разрабатывать проблемы развития советского общества, игнорируя роль взаимодействия социалистического права и коммунистической морали в формировании и развитии социалистического базиса, в формировании духовного облика членов социалистического общества, в создании как материально-технической базы коммунизма, так и идеологических предпосылок перехода к коммунизму.

Актуальность данной темы особенно возросла с успешным продвижением нашей страны под водительством И. В. Сталина к коммунизму, а равно с укреплением в итоге второй мировой войны позиций социализма во всем мире, отпадением ряда

зарубежных стран от империалистической системы, вступлением их на путь строительства социализма, использованием опыта нашей страны, учитывая огромную международную роль СССР, возглавляющего лагерь социализма и являющегося моральным оплотом для всего прогрессивного человечества в борьбе за мир во всем мире.

Отсюда понятно теоретическое и политическо-практическое значение исследования соотношения права и нравственности в СССР, позволяющего раскрыть все величие и благородство их общих ведущих принципов, полное соответствие советского социалистического права нравственным воззрениям и убеждениям советского народа, его понятиям о справедливости, моральную красоту нашего общественного и государственного строя, выявить весь тот арсенал специфических методов воздействия на поведение и сознание людей, который применяется нашим правом в порядке содействия осуществлению стоящей перед социалистическим государством задачи коммунистического воспитания.

Соотношение права и нравственности в социалистическом обществе принципиально отличается от подобного соотношения в любом эксплуататорском обществе, что объясняется в конечном счете коренным различием их базисов, обуславливающим и глубокое принципиальное различие надстроек.

В свете марксистско-ленинского учения, всесторонне развитого далее в гениальных трудах И. В. Сталина, с предельной ясностью вскрываются порочность буржуазных и добуржуазных учений о соотношении права и нравственности и служебное назначение этих учений. Идеологи буржуазии (как и предшествующих эксплуататорских классов) исходят отнюдь не из анализа реального соотношения права и нравственности в условиях определенного общественного строя, а из отвлеченных предвзятых идей о праве и нравственности и их соотношении, из абстрактных, антинаучных общих определений того и другого безотносительно к определенной эпохе. Опираясь исключительно этими абстракциями, игнорируя глубокое различие как права, так и нравственности в различные эпохи, в различных общественно-экономических формациях, они выводят дедуктивным путем из этих абстрактных понятий соответствующие, приспособленные к интересам господствующих эксплуататорских классов выводы о соотношении права и нравственности «вообще», т. е. в любую эпоху. Понятно, что эти искусственные формулы, формально-логические конструкции, созданные чисто умозрительным путем и претендующие на универсальность, на применимость к любой эпохе, в действительности непригодны ни для какой эпохи; они не разъясняют реального соотношения права и нравственности, но

зато при помощи такого приема идеологи эксплуататорского общества придают нравственным и правовым взглядам меньшинства своей эпохи видимость надклассовых, непреходящих норм права и нравственности. Так создается искусственный нравственный ореол вокруг политических и правовых учреждений соответствующего эксплуататорского общества, объявляется нравственным, соответствующим «вечной» справедливости весь экономический строй этого общества.

Маркс и Энгельс впервые поставили на научный фундамент проблему права и нравственности, разоблачив антинаучность буржуазных и добуржуазных учений о морали «вообще», о «вечных истинах» в области права и нравственности. Маркс и Энгельс показали порочность буржуазных учений о морали, трактующих ее как мораль индивидуума, как совокупность воззрений, норм, вырабатываемых сознанием этого индивидуума независимо от общества и от своего классового положения. В действительности, как это установили классики марксизма, мораль есть форма общественного сознания. «...Сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»¹. Личность является всегда членом определенного общества, а пока существуют классы — и членом определенного класса. Сознание личности обуславливается в конечном счете экономическим строем общества на данном этапе его развития и формируется под воздействием, прямым и косвенным, всех форм общественного сознания определенной эпохи, определенной страны, определенного класса, в частности под воздействием определенной системы морали данного общества и обосновывающих ее учений.

Специфика морали как формы общественного сознания состоит в том, что она содержит представления о добре и зле, давая тем самым критерий для оценки поведения людей, вырабатывает нормы морального поведения, конструирует соответствующие моральные (нравственные) идеалы. Критикуя Дюринга, Энгельс писал: «Представления о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»². Более того, даже в одном и том же эксплуататорском обществе одной и той же эпохи сосуществуют самые различные системы морали. Анализируя мораль в капиталистическом обществе, Энгельс писал: «Какая мораль проповедуется нам теперь? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 21.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 87.

на католическую и протестантскую, причем опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до шаткой просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последнею — пролетарская мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали. Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной завершенности; но, конечно, та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, которая в настоящем выступает за низвержение современного строя, защищает будущее, следовательно, — мораль пролетарская.

Но если каждый из трех классов современного общества, феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль, то мы можем сделать отсюда лишь тот вывод, что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых происходят производство и обмен»¹.

Развивая марксистское учение о морали, В. И. Ленин на примере исторического развития России показал, что «...система присвоения прибавочного труда прикрепленных к земле крепостных крестьян создала нравственность крепостническую; система „свободного труда“, работающего „за чужой счет“, на владельца денег, — создала взамен ее нравственность буржуазную»².

Критикуя народников, отмечая непростительное замазывание ими факта раскола нравственности, как и политических идей, В. И. Ленин доказал неизбежность того, что государство в эпоху капитализма «...должно становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, должно потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества»³.

Мораль (нравственность, этика) каждого общества производна от его базиса, т. е. экономического строя общества на данном этапе его развития. Господствующие в обществе этические взгляды, составляя неотъемлемую часть религиозных, философских и иных взглядов господствующего класса, входят в состав надстройки. «Надстройка, — учит И. В. Сталин, — это политические, правовые, религиозные, художественные,

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 88.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 363.

³ Там же, стр. 367—368.

философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»¹.

И. В. Сталин, конкретизируя и развивая марксистско-ленинское понимание надстройки, подчеркивает ведущую роль взглядов в составе надстройки, указывает, что политические и иные учреждения строятся в соответствии со взглядами общества. А так как господствующими в обществе являются взгляды того класса, который осуществляет политическое господство, то отсюда ясно, что входящие в состав надстройки политические, юридические и иные учреждения соответствуют взглядам именно этого класса. Назначение надстройки в целом, всех ее частей — в обслуживании базиса данного общества. «Надстройка,— учит И. В. Сталин,— для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогла ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой»².

Это значит, что не все взгляды и учреждения, известные данному обществу, входят в состав надстройки этого общества. Так, марксистские взгляды, в том числе правовые и этические взгляды, зарождаются и развиваются еще в недрах капиталистического общества. Однако они не могут рассматриваться, разумеется, как составная часть надстройки капиталистического общества, так как имеют своей целью не обслуживание, не защиту и укрепление капиталистического базиса, а революционную замену этого базиса новым, социалистическим базисом, а вместе с тем и революционный слом всей, обусловленной капиталистическим базисом, надстройки. То же самое следует сказать, конечно, и в отношении таких

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1950, стр. 5—6.

² Там же, стр. 7.

политических учреждений, как коммунистические партии и иные общественные организации, действующие под идейным руководством коммунистической партии в различных капиталистических странах. Если в капиталистическом обществе могут существовать только такие государственные и юридические учреждения, которые обслуживают капиталистический базис, т. е. буржуазные государственные и юридические учреждения, то в отношении политических, правовых и этических взглядов, а равно моральных норм положение иное. Угнетенный класс формирует в процессе борьбы со своими эксплуататорами и угнетателями не только свои, принципиально отличные политические взгляды, а в лице своих партий — свои политические учреждения, но и свои, принципиально отличные от буржуазных правовые и этические взгляды, свои моральные нормы поведения. И. В. Сталин подчеркивает, что «...идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны»¹.

Естественно поэтому, что идеи, представления, нравы, нравственные принципы пролетариата капиталистических стран, как и создаваемые им свои политические учреждения в целях борьбы за свое освобождение, не могут входить в состав надстройки капиталистического общества.

Прямая противоположность моральных взглядов и моральных норм пролетариата капиталистических стран моральным взглядам и нормам морали буржуазии не означает, что буржуазная растленная мораль не имеет влияния на трудящихся, что моральная деградация буржуазии, все усиливающаяся по мере приближения капитализма к своему концу, безопасна для трудящихся масс. Сам капиталистический способ производства, обрекающий на нищету, на беспросветную нужду трудящиеся массы, разлагающее влияние образа жизни паразитических классов, господствующая роль в обществе идей, представлений, взглядов господствующего класса, т. е. в данном случае буржуазии,— все это обуславливает и господство «диких нравов» в капиталистическом обществе в целом.

Основоположники марксизма-ленинизма давно разоблачили классовую ограниченность тех буржуазных моралистов, которые, приходя в ужас от нравов, царящих в буржуазном обществе, от характерного для него роста преступности, не видят, не хотят или не могут видеть, что эти нравы, эти «дикие» чувства и взгляды, этот рост преступности являются

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 16.

органическим порождением самого капиталистического строя, его основ. «При развитом капиталистическом способе производства,— писал Энгельс,— ни один человек не разберет, где кончается честная нажива и где начинается мошенничество»¹.

Маркс, вскрывая всю гнусность рассуждений различных буржуазных морализирующих писак, показал, что капитал «...источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»². Там же приводит Маркс слова одного добросовестного исследователя капиталистической экономики, который писал: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»³.

Капиталистический способ производства порождает те «дикие» нравы и взгляды, которые характеризуют капиталистическое общество, моральный уровень как самой буржуазии, так и тех слоев остальных классов этого общества, которые находятся в плену буржуазной идеологии.

«Старое общество,— говорил В. И. Ленин на III Всероссийском съезде комсомола,— было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент,— словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 456.

² К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1949, стр. 764.

³ Там же.

сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа»¹.

Ленин и Сталин в своих работах вскрывают лживость тех теорий эксплуататорских идеологов, согласно которым «дикие» чувства и нравы людей определены самой природой человека. «Что касается „диких“ чувств и взглядов людей,— писал И. В. Сталин в 1906 г.,— то они не так уж вечны, как это некоторые предполагают: было время, время первобытного коммунизма, когда человек не признавал частной собственности; наступило время, время индивидуалистического производства, когда частная собственность овладела чувствами и разумом людей; наступает новое время, время социалистического производства,— и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями. Разве бытие не определяет собой „чувства“ и взгляды людей?»².

Отсюда следует единственно правильный вывод, сформулированный И. В. Сталиным в том же труде: «Если сознание людей, их нравы и обычаи определяются внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, то ясно, что мы должны способствовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и его политические порядки»³.

Таким образом, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин исчерпывающе доказали несостоятельность, абсурдность буржуазных (и добуржуазных) учений о морали, провозглашающих существование «вечного» и «неизменного» закона нравственности, «вечных» истин в области морали.

С возмущением отвергая попытку Дюринга навязать рабочему классу «...моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона...», попытку, делаемую под тем предлогом, что якобы «...мир морали также имеет свои непреходящие принципы, которые стоят выше истории и национальных различий», Энгельс заявлял: «Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор развивалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, когда угнетенный класс становился достаточно силь-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 269.

² И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 338.

³ Там же, стр. 320.

ным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных»¹.

Значит ли это, что Энгельс отвергал возможность единой для общества, не знающей классовых антагонизмов, истинно человеческой морали? Нет, не значит. Напротив, Энгельс указывал, что в будущем обществе, изжившем классовые противоречия, установится именно такая мораль. Он писал в том же труде: «Мораль истинно человеческая, стоящая выше классовых противоречий и всяких воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда не только будет уничтожена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни»².

Что представляет собою эта мораль, в чем ее глубочайшее отличие от всех систем морали, известных антагонистическим обществам, можно судить по социалистической морали, утвердившейся в нашем обществе. Конечно, при этом необходимо учитывать, что социалистическая мораль есть мораль общества, находящегося в первой фазе коммунизма, общества, в котором хотя и изжиты классовые антагонизмы, но не изжиты еще полностью пережитки старого в сознании людей. Но это — уже сформировавшаяся в своих основах та самая, истинно человеческая мораль, которой принадлежит будущее.

С такой же отчетливостью основоположники марксизма-ленинизма раскрыли и классовую сущность права, показали обусловленность его в конечном счете материальными условиями существования господствующего класса. Разоблачая буржуазные учения, Маркс и Энгельс в Манифесте Коммунистической партии, обращаясь по адресу буржуазии, говорили: «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»³.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, доказывая, что государство и право обуславливаются материальными условиями существования господствующего класса, писали: «Помимо того, что господствующие при этих отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства*, они должны придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 89.

² Там же, стр. 89.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, М., 1948, стр. 73.

которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право. Подобно тому как от их идеалистической воли или произвола не зависит тяжесть их тел, так от них не зависит и то, что они проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них. Их личное господство должно в то же время конституироваться как общее господство. Их личная сила основывается на жизненных условиях, которые развиваются как общие для многих индивидов и сохранение которых они, в качестве господствующих индивидов, должны утвердить против других индивидов, и притом в виде действительных для всех условий. Выражение этой воли, обусловленной их общими интересами, есть закон»¹.

Дав материалистическое объяснение права, вскрыв его классовую сущность, показав закономерности, определяющие его развитие, смену одного типа права другим, основоположники марксизма в области учения о праве совершили такой же глубокий переворот, как в области философии и всех других общественных наук.

Доказав неизбежность и необходимость пролетарской революции, неизбежность смены капиталистической формации коммунистической, основоположники марксизма сформулировали главный вывод из своего учения в целом — вывод о диктатуре пролетариата как государстве переходного периода от капитализма к коммунизму, создали основы учения о социалистическом обществе, указав на две фазы коммунизма, на различия между социализмом, как первой фазой коммунизма, и полным коммунизмом. Они выдвинули при этом огромной важности положение о том, что и при социализме необходимо право, определяемое в своем содержании материальными основами социалистического общества.

Естественно, что Маркс и Энгельс не могли создать развернутого учения о государстве и праве при социализме. Они ограничились в отношении социалистического права лишь теми положениями, которые могли быть сделаны в порядке научного прогноза на основании раскрытых ими законов общественного развития.

Дальнейшее мощное развитие марксистского учения в целом, и в частности и в особенности учения о государстве и праве при социализме, является бессмертной заслугой Ленина и Сталина, научно обобщивших опыт эпохи империализма и пролетарских революций, опыт создания социалистического государства и права в нашей стране.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т IV, стр. 311.

Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин в своих работах исчерпывающе показали, что право возникло именно в силу раскола общества на противоположные классы и на всех ступенях развития классового общества являлось выражением воли господствующего класса, определяемой материальными условиями его существования. Только путем анализа этих материальных условий, а следовательно, экономической структуры данного общества, характерного для него строя производственных отношений, можно раскрыть специфику каждого исторического типа права.

Доказав, что и мораль и право обуславливаются в конечном счете экономическим базисом общества, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин учат, что необходимо учитывать и то огромное влияние, которое оказывают на мораль общественная надстройка, все ее части, в том числе государство и право.

Материальные условия жизни общества являются той главной силой, которая обуславливает возникновение и развитие или отмирание каждой системы морали, каждого исторического типа права, но это не означает, что при изучении того и другого можно проходить мимо влияния на них других различных факторов. Столь же ошибочно было бы понимать положение об определяющем значении для морали и права материальных условий общества как положение, якобы отрицающее обратное воздействие морали и права на эти условия. И. В. Сталин в своем замечательном труде «О диалектическом и историческом материализме» пишет: «Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества.

Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной

жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений»¹.

Достаточно напомнить о той реакционной роли, которую выполняют старые идеи и теории морали в современном капиталистическом обществе. Их значение именно в том и состоит, чтобы путем оболванивания масс тормозить развитие общества, его продвижение вперед. И наоборот, новые идеи, передовые учения и нормы морали имеют огромное прогрессивное значение. Марксистско-ленинское учение о морали, идеи, понятия, нормы морали, вырабатываемые в ходе революционной борьбы рабочим классом, руководимым коммунистической партией, наконец, те новые идеи, понятия, нормы морали, которые возникли и утвердились в нашей стране в результате победы социалистической революции и в процессе строительства социализма, в условиях победы и развития социалистического общественного строя, выполняют огромную организующую, мобилизующую и преобразующую роль, являются факторами колоссального прогрессивного значения.

Марксистско-ленинское учение в целом и учение о праве и морали в частности — не только единственное учение, правильно объясняющее действительность, объекты своего изучения, но и учение, зовущее к преобразованию этой действительности, указывающее единственно правильный путь, обеспечивающий человечеству освобождение от всех форм эксплуатации и построение нового светлого мира — мира коммунизма.

Капитализм идет к своему концу. В стремлении отсрочить, задержать этот неизбежный конец, беря курс на фашизацию государственной машины и открытое применение силы для подавления трудящихся масс, империалистическая буржуазия хватается за самые реакционные учения прошлого, приспособляя их для защиты эксплуататорского строя, для одурачивания масс.

В борьбе против буржуазной идеологии нельзя забывать ту реакционнейшую роль, которую по сей день играют в арсенале идеологического оружия современной империалистической буржуазии религиозные учения, включающие в качестве своей органической части учения о религиозной морали, и выставляемые ими нормы морального поведения. Не случайно империалисты США, которые стоят во главе всего империалистического и антидемократического лагеря, фактически

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546—547.

приняли Ватикан на свое содержание и руководят его реакционной политикой. В католицизме империалистическую буржуазию прельщают прежде всего выработанные им за многие века существования методы и навыки оболванивания масс, удержания их в узде.

Ныне, как никогда еще в истории буржуазного общества, широко пропагандируются и культивируются учения Фомы Аквината и других мракобесов средневековья — идеологов католицизма.

Дипломированные слуги империалистической буржуазии выступают с университетских кафедр с заявлениями о том, что все бедствия, переживаемые народами, объясняются забвением тех учений, которые были несколько веков назад выработаны католицизмом. Уже после первой мировой войны Ренар и многие другие известные во Франции юристы, Дабэн и другие католические юристы Бельгии, особенно многочисленный отряд католических юристов в Италии и Испании стали с университетских кафедр и со страниц «ученых» трудов рьяно агитировать за возврат к учению Фомы Аквината и к католической морали, провозглашая ее единственно достойной человека моралью. Юрист и государственный деятель современной послевоенной Франции Кост-Флоре (являвшийся, кстати сказать, докладчиком в Учредительном собрании о проекте новой французской конституции) в книге «Основные проблемы права» (Париж, 1945), содержащей прочитанный им курс лекций, уверяет, что учение Фомы Аквината в целом и, в частности, его учение о праве и морали, подчиняющее право католической морали, выдержало-де испытания веков и доказало свою правоту. Рьяным защитником католицизма и его морали в частности выступил в многочисленных писаниях французский философ Маритэн.

Появившаяся в США и других капиталистических странах католическая литература, особенно о Фоме Аквинате, буквально необозрима.

Стремление буржуазии найти в учениях прошлого обоснование своего права на существование, идеологическое оружие против своего могильщика-пролетариата — одно из красноречивейших свидетельств ее глубокого идейного кризиса, ее слабости.

Как ни сильно еще в известных слоях капиталистического общества влияние религии, нельзя не видеть обреченности попыток империалистической буржуазии использовать в борьбе за спасение изжившего себя капиталистического строя догмы религии и религиозной морали. Рост классовой сознательности трудящихся масс и сама действительность капиталистического общества во всех ее проявлениях ведет к освобождению

масс от религиозного дурмана. Так, например, даже те слои трудящихся масс, которые продолжают оставаться верующими католиками, самым ходом событий вовлекаются в борьбу против капиталистического строя, в борьбу против планов поджигателей новой войны, отказываются следовать предписаниям католической церкви, требующей беспощадной борьбы с коммунистическими идеями, призывающей к «крестовому походу» против СССР и стран народной демократии. Один факт открытого неодобрения огромными массами католиков в ряде стран послания римского папы (летом 1949 г.), отлучившего от католической церкви не только коммунистов, но и всех сочувствующих им, говорит сам за себя.

Империалистическая буржуазия, пытающаяся навязать массам предписания католической или другой религиозной морали и ханжески проповедующая устами своих политиков и моралистов необходимость добродетельного образа жизни и нравственного самоусовершенствования личности, находится в состоянии глубочайшего морального распада и маразма.

Это находит свое выражение, в частности, в чудовищном росте преступности¹, разврата и прочих пороков, порождаемых эксплуататорским строем, в цинизме, в культе грубой физической силы, во всей хищнической, человеконенавистнической внутренней и внешней политике империалистических государств.

Чрезвычайно ярко моральный распад современной буржуазии отражается в том хаосе, который господствует в учениях о морали, в понижающем их пессимизме, в проповеди иррациональности, в признании невозможности научного обоснования этики.

Один из советских исследователей современной буржуазной этики правильно отмечает: «В то время когда буржуазия еще сохраняла уверенность в прочности своего господства, в ходу были буржуазно-апологетические теории, согласно которым рука об руку с „успехами разума“, с развитием науки и техники идет „моральный и политический прогресс“. Буржуазные моралисты утверждали „вечные“ критерии добра и зла, создавали различные идеалистические системы, доказывавшие „незыблемость“ капитализма, претендовавшие на истину в последней инстанции. Теперь у буржуазии и ее идеологов нет больше уверенности в своих позициях, в своем будущем»².

¹ См. по этому вопросу: А. А. Герцензон. Преступность в США М., 1948; его же: Преступность в странах империализма. М., 1951.

² А. Ф. Шишкин. Маразм англо-американской этики. «Вопросы философии», 1948, № 3, стр. 253.

Первым предвестником морального маразма империалистической буржуазии явилось уже на самом пороге империализма человеконенавистническое учение о морали Ницше с его призывом отказаться от традиционной морали, оставив ее для рабов, для масс, черни, с его проповедью аморализма для «господ», с его пренебрежительной оценкой всех тех учений о морали, которые пытались обосновать ее. В 1909 г. появилась книга Абеля Рея, подвергнутая уничтожающей критике В. И. Лениным в его «Философских тетрадах». Абель Рей отчетливо выразил «новые» веяния в области буржуазных теорий морали. Он провозгласил: «...Новые философии, стало быть, прежде всего являются моральными учениями. И, кажется, эти учения можно определить так: мистицизм действия». «...Новая философия должна была привести к узаконению иррациональной морали: порыв сердца или подчинение авторитету, мистицизм или традиционализм»¹. Нетрудно видеть, что эти «новые» веяния на самом деле были возрождением в новых условиях старой реакционной идеи, лежащей в основе всех систем религиозно-моральных учений, характеризующихся как раз иррационализмом, мистицизмом и традиционизмом, апеллирующей не к разуму, а к вере. Измышления Киркегарда, Парето и многих других апостолов иррациональной морали, релятивизма, отрицающего наличие каких-либо объективных критериев в сфере морали, в «царстве ценностей», и легли в основу современных писаний большинства буржуазных идеологов о морали. Эти псевдотеории были широко использованы фашизмом для «обоснования» человеконенавистнической морали и их каннибальского учения о морали. Главарь американских фашистов Лоуренс Деннис, прозванный в США американским Муссолини и являющийся, как и тот, последователем Парето в вопросах морали, писал в своей книге «Грядущий американский фашизм», что арбитром между диаметрально противоположными системами норм морального поведения может быть только физическая сила, так как никаких объективных моральных ценностей не существует.

Американские фашисты пропагандируют фашистскую вредоносную идеологию и, в частности, фашистскую расистскую «мораль». Хваленый американский образ жизни и господствующая в США мораль, закрепляя расовую дискриминацию во всех сферах жизни, создали весьма благоприятную обстановку для пропагандирования идей фашизма, а политика фашизации, проводимая правящими кругами США, всячески поощряет эту пропаганду.

¹ Цит. по кн.: В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 381, 382.

Только в условиях полной моральной деградации господствующего класса могут оставаться безнаказанными и даже всемерно поощряться государством пропаганда фашизма, пропаганда преступных планов поджигателей новой войны, изувержские теории расового господства и прочие человеконенавистнические бредни. Не случайно именно в США эта пропаганда достигла особенно большого размаха. Характерный для всех империалистических стран моральный разброд, моральный маразм выявился в США с особенной силой, получив яркое проявление и в «теориях» современных буржуазных американских моралистов.

Очень показательно следующее признание одного американского «моралиста»: «Кризис ценностей создает кризис в теории ценностей. Наша неуверенность в теории — симптом бессознательной неуверенности в самих ценностях. Кризис в нашей теории морали, может быть, в конце концов, есть кризис наших нравственных убеждений. Может быть, те, кто будут писать эпитафию нашей культуре, будут рассматривать наши споры, как многочисленные иллюстрации отчаянных усилий буржуазной цивилизации возобновить уверенность в себе»¹.

Другой американский «моралист» прямо заявляет: «Наш век — век без норм. Нет общей веры, нет общего главного принципа, нет общей моральной и интеллектуальной дисциплины»².

Таких выдержек из многочисленных работ современных буржуазных специалистов по вопросам морали можно было бы привести огромное количество. Во всех них сквозят безнадежность, страх перед приближающимся концом капитализма, отчаяние, безвыходность, признание полной моральной деградации буржуазии, и все это чередуется с проповедью человеконенавистничества и международного разбоя.

Теоретики современной буржуазной морали, которые видят только в фашизации и развязывании новой мировой войны возможность спасения капиталистического строя, как идеологи своего класса не могут понять неизбежности его крушения, понять, что новая цивилизация, новая, неизмеримо высшая культура, идущая на смену капиталистической культуре, уже создана.

Но теоретики буржуазной морали, включая правосоциалистических «моралистов», вроде прожженного ренегата Леона

¹ Parker. Reflexions on the Crisis in Theory of Value, «Ethics». April 1946, № 3, стр. 193.

² R. Livingstone. Education for a World Adrift, Cambridge, 1944, стр. 11—29.

Блюма¹ и ему подобных, воюют против передовых идей, против подлинно научного учения о морали, каким является лишь марксистско-ленинское учение о морали, против тех прогрессивных сил, которые ведут борьбу за свержение старого строя вместе с его волчьей моралью, полны ненависти к СССР, являющемуся надеждой и моральной опорой всего человечества, и к странам народной демократии — этим новым очагам социализма, успешно использующим опыт СССР.

Современные буржуазные учения о морали и праве, на какие бы направления, течения, школы они ни разделялись, выступают единым фронтом на стороне воинствующей империалистической реакции. Они отстаивают капиталистическое рабство, защищают прогнивший капиталистический мир, буржуазное право, закрепляющее отжившие капиталистические производственные отношения вместе с его надстройкой, освящают каждый шаг реакционной империалистической клики, пытающейся разжечь новую империалистическую войну, направленную против СССР. Клевета на СССР и страны народной демократии, буржуазные «моралисты» и «теоретики» права стремятся помешать массам убедиться в неизмеримом превосходстве нового общественного строя, новой культуры и цивилизации, новой идеологии, новой морали, превосходства социалистического мира перед миром капиталистическим во всех отношениях. Но трудящиеся массы ныне уже не те, что ранее. Они все лучше и лучше разбираются в том, что представляет собой новая культура, идущая на смену капитализму, в чем ее огромные преимущества перед капиталистической, обрекающей подавляющее большинство населения на невежество, рабство и нищету.

Эта новая культура и цивилизация, уже давно созданная в СССР, с каждым днем укрепляется и развивается. Она успешно создается и в странах народной демократии, вступивших на путь строительства социализма. Для социалистического общества, созданного в СССР и успешно развивающегося по пути постепенного перехода к коммунизму, характерно подлинное морально-политическое единство народа. Это

¹ Являясь ярким противником марксизма-ленинизма и его учения о морали, Блюм стоял на позициях традиционных буржуазных учений о морали, провозглашая ее внеклассовость, уверяя, что источником морали является «тайнственная нравственная природа». Этот предатель интересов рабочего класса, посвятивший всю жизнь защите капиталистического строя, не стеснялся открыто солидаризироваться с воинствующим католицизмом, восхваляя его учение о морали. Блюм призывал рабочий класс не к борьбе, не к свержению капитализма, а к моральному самоусовершенствованию, требуя проникнуться духом «жертвы и дисциплины» во имя спасения капитализма.

морально-политическое единство означает наличие у двухсот миллионов людей — членов этого общества — общих норм поведения, общей уверенности в правоте и справедливости своего дела, наличие общего главного принципа, которым является здесь принцип подчинения поведения людей интересам борьбы за коммунизм, т. е. интересам всего трудящегося народа. По пути строительства социалистического общества, используя опыт СССР, идут сейчас 600 млн. людей в зарубежных странах, отколовшихся от системы империализма, за этот путь ведут борьбу все прогрессивные силы капиталистических стран, колониальные и полуколониальные народы.

* * *

Социалистические производственные отношения составляют базис, который обуславливает новые формы общественного сознания, новый общественный и политический строй, новое право и новую мораль, принципиально отличные от права и морали капиталистического общества. Основой социалистических производственных отношений является общественная собственность на средства производства. В СССР «... уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципа: „кто не работает, тот не ест“. Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»¹.

Полное соответствие производительных сил и производственных отношений представляет собой важнейший источник развития советского общества².

Экономические законы социалистического общества не являются теми «демоническими повелителями», каковыми выступают экономические законы капиталистического общества, обуславливающие стихийное развитие и неизбежную гибель капитализма. Познание качественно новых по сравнению с экономическими законами капитализма и предшествующих

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 558.

² См. П. Юдин. Важнейший источник развития советского общества. (О полном соответствии производительных сил и производственных отношений в СССР.) «О советском социалистическом обществе», М., 1949, стр. 5—42.

формаций экономических законов социалистического общества позволяет большевистской партии и социалистическому государству сознательно направлять развитие этого общества, переход его к полному коммунизму.

Социалистические производственные отношения возникли не стихийно, не в недрах капитализма. Они явились результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции, перехода государственного руководства обществом в руки самого передового класса — пролетариата, результатом руководства вооруженной марксистско-ленинской теорией коммунистической партии — этой ведущей и направляющей силы в социалистическом государстве. Социалистические производственные отношения, представлявшие в первой фазе нашего государства лишь один из пяти различных экономических укладов, победили, стали безраздельно господствующими благодаря руководству партии Ленина — Сталина и активной творческой деятельности сплотившихся вокруг нее народных масс. Главным орудием построения социализма явилось социалистическое государство.

«Надстройка, — учит И. В. Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Это положение относится к любой надстройке, т. е. и к надстройке эксплуататорского общества. То принципиально новое, что характеризует взаимодействие социалистической надстройки со своим базисом, заключается в том, что такие важные части социалистической надстройки, как государство и право, возникают при отсутствии или почти отсутствии готовых форм социалистического уклада, в то время как буржуазное государство и право складываются, возникают на базе уже созревшего в недрах феодального общества капиталистического уклада. Именно потому, что социалистическое государство (а вместе с ним и право) возникают при отсутствии или почти отсутствии готовых форм социалистического уклада, оно выступает как могучее и основное орудие формирования этого нового уклада, формирования и развития социалистического базиса. Отсюда качественно новая, огромная творческая

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 7.

роль социалистического государства, неизменно прогрессивная на всех этапах его развития. В осуществлении этой роли социалистического государства принимают активное участие все части надстройки, находящиеся между собою в тесном взаимодействии и гармонической согласованности. Социалистической морали и социалистическому праву, их взаимодействию в осуществлении направляющей и руководящей роли социалистического государства, принадлежит большое и важное место в общем процессе активного, творческого воздействия надстройки советского общества на его базис. Коммунистическая партия — руководящая сила нашего общества, направляя всю деятельность государства диктатуры пролетариата, умело использует все части социалистической надстройки, в том числе право и нравственность, для построения социалистического базиса, а после его построения — для создания материальных и идеологических основ коммунистического общества. Цельное и законченное учение И. В. Сталина о социалистическом государстве раскрывает со всей полнотой творческую роль, осуществляемую социалистическим государством и всей социалистической надстройкой в целом под руководством коммунистической партии.

Правильное уяснение соотношения права и нравственности в социалистическом обществе, соотношения, обусловленного в конечном счете материальными основами этого общества, возможно лишь при условии учета во всей полноте творческой роли социалистического государства в построении социализма и постепенном переходе к коммунизму, решающего значения руководства партии Ленина — Сталина, определяющей основы строго научной политики социалистического государства, направляющей его деятельность, мобилизующей, организующей и воспитывающей народные массы.

Г л а в а 1

СОВЕТСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК НОВЫЙ, ВЫСШИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП ПРАВА

«Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества... На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм».

(И. Сталин)

На опыте Великой Октябрьской социалистической революции получил свое блистательное подтверждение научный тезис марксизма-ленинизма о том, что «пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле „налаживания“ социалистического хозяйства»¹. В грозе и буре Великого Октября, положившего конец буржуазно-помещичьему строю в России, с первых дней властно вторгшегося в «святая святых» этого строя — частную, эксплуататорскую собственность, родился и закрепился как новый, высший, тип государства, так и новый, высший, тип права. Гениальные указания Маркса, что революция не может не войти в столкновение со старым правом, порожденным старыми, отмечаемыми

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 376.

революцией общественными отношениями, и враждебным новому рождающемуся строю, были полностью подтверждены на опыте социалистической революции в нашей стране. Отмена старого, буржуазно-помещичьего права, служащего задачам эксплуатации масс, явилась столь же необходимым условием победы социалистической революции и ее закрепления, как и слом, уничтожение старого эксплуататорского государственного аппарата.

Создание нового права, полностью отвечающего задачам осуществления диктатуры пролетариата, необходимо для выполнения задач подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, для гигантской организационной и воспитательной деятельности Советского государства, для организации поведения людей на новых началах, способствующих построению материальных основ социалистического общества и воспитанию масс в духе социалистической сознательности. Сломать старое право и не создать новых норм поведения людей в виде нового права значило бы обречь вышедшее из революции общество на разгул анархии, на крушение завоевания революции. И это понятно, так как, не говоря уже о необходимости обезвреживания враждебных элементов, что также требует методов правового регулирования, само созидание нового общества ведется людьми, воспитанными и выросшими в условиях старого общества, в условиях волчьего эксплуататорского строя. В. И. Ленин указывал в самом начале существования Советского государства: «Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»¹.

Победа социалистической революции, означая глубокое вторжение в отношения собственности и приступ к решительному переустройству всей материальной основы общества, не означала еще автоматического приведения сознания людей в соответствие с изменившимися условиями их существования.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 365.

Переделка людей, их сознания представляет сложный и длительный процесс. В. И. Ленин еще до Октябрьской революции указывал, что, «...не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*»¹.

Созданные в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции новые, социалистические, политические и правовые учреждения с первых дней своего возникновения проявили себя как огромная творческая сила, направленная партией Ленина — Сталина на преобразование самих основ общества.

Если главным орудием в руках победившего рабочего класса в его борьбе за построение коммунизма является социалистическое государство, то право, в свою очередь, является важнейшим средством, при помощи которого рабочий класс, осуществляющий государственное руководство обществом, устанавливает нужный общественный порядок, организует общество на новых началах, направляет и руководит деятельностью его и ведет к коммунизму. Еще до социалистической революции основоположники марксизма-ленинизма объяснили необходимость не только государства, но и права после победы социалистической революции. Содержащиеся в «Критике Готской программы» Маркса, в «Государстве и революции» Ленина глубочайшие мысли по вопросу о необходимости права в переходный от капитализма к коммунизму период получили полное подтверждение на практике. Руководствуясь этими указаниями, победивший рабочий класс, возглавляемый коммунистической партией, с первых же дней своей государственной организации приступил и к созданию своего нового права.

Разумеется, процесс создания права нового типа не является делом нескольких дней, но вошедшие в историю под названием декретов Октябрьской революции правовые нормы важнейшего значения, зафиксировавшие завоевания Октября и ведущие принципы правовой регламентации, уже знаменовали собой закладку прочного фундамента новой системы права.

Начальной вехой, отмечающей возникновение нового, а именно социалистического права, являются исторические решения II Всероссийского съезда Советов. Декреты этого съезда о мире, о земле, об учреждении Совета Народных Комиссаров, обращение съезда к рабочим, солдатам и крестьянам о победе Октябрьской социалистической революции и ее ближайших задачах содержат в себе ведущие, сформулированные советской властью при самом своем рождении

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25. стр. 439.

принципы, определившие все ее дальнейшее правотворчество и революционно преобразующий характер этого правотворчества.

Правовые акты Советской власти этого начального периода содействовали разрушению старого строя, закрепляли завоевания социалистической революции, способствовали зарождению новых отношений и их развитию, организовывали массы на решение стоящих перед Советским государством задач, закладывали основы нового высшего типа права. Было бы глубоко неверно сводить роль этих декретов к закреплению уже достигнутого. Творческая роль декретов выражалась в том, что, закрепляя уже достигнутое, они звали трудящихся к расширению завоеваний социалистической революции, развертывали перед ними конкретную программу действий, активно содействовали возникновению новых общественных отношений, формированию и развитию нового базиса и новой надстройки.

Возьмем к примеру декрет II съезда Советов о земле, навсегда отменявший право частной собственности на землю и установивший взамен его всенародную, государственную собственность на землю. «Всего крестьянство по этому декрету получило от Октябрьской социалистической революции более 150 миллионов десятин новых земель, которые раньше находились в руках помещиков, буржуазии, царской семьи, монастырей, церквей»¹. Все недра земли, леса и воды перешли в собственность народа.

Декрет, устанавливая отмену частной собственности на землю, мобилизовал массы и направлял их деятельность по осуществлению экспроприации помещиков и земельных собственников из капиталистического класса. То, что установил декрет о земле, надо было провести в жизнь, и это было сделано именно в порядке исполнения его предписаний.

В. И. Ленин на VIII съезде Советов говорил: «Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: „Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!“ Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно»².

Правовые акты первого периода Советской власти являлись могучим средством пропаганды, разъясняя программу советской власти, ее политику. Возьмем к примеру декрет ВЦИК от 7 декабря (24 ноября) 1917 г. «О праве отзыва делегатов». Разъяснение основных принципов советской социа-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 200.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 185—186.

листической демократии применительно к избирательной системе и отличия их от принципов буржуазной демократии занимают $\frac{2}{3}$ текста этого декрета. И это было необходимо, так как надо было довести до сознания трудящихся масс всю важность предоставляемого им права, принципиальное отличие советской демократии от буржуазной.

В. И. Ленин в выступлении на XI съезде РКП(б), вспоминая о первом периоде Советской власти, говорил: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах»¹.

Достаточно ознакомиться с декретами за первый год Советской власти, чтобы убедиться, как интенсивно разворачивалось правотворчество с первых же дней победы социалистической революции.

Среди многочисленных правовых актов этого периода особенно важно отметить «Декларацию прав народов России» и «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанные Лениным и Сталиным. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», воспринявшая и все принципы, провозглашенные в «Декларации прав народов России», была включена в первую советскую конституцию — Конституцию РСФСР. Эта конституция, явившаяся образцом для первых конституций других советских республик, подводила итог тому, что было осуществлено в области строительства Советского государства и советского правотворчества за первые восемь месяцев, и представляла собой юридическую базу для дальнейшего законодательства. В то же время, в отличие от конституций второй фазы развития Советского государства, первая советская конституция содержала и программные статьи. Этот первый Основной закон страны Советов имел огромное не только внутреннее, но и международное значение. Советская конституция явилась в глазах всего мира свидетельством великих преимуществ нового, высшего, типа государства и права, созданных в результате перехода государственного руководства в руки рабочего класса, отразила всю

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 272.

глубину и подлинность советской социалистической демократии, как демократии для трудящихся. Теперь трудящиеся всего мира увидят, говорил В. И. Ленин на митинге 26 июля 1918 г., «...что Советская конституция — основной закон Российской Социалистической Федеративной Республики — отражает идеалы пролетариата всего мира»¹.

Подчеркивая значение первой советской конституции для самого советского народа, В. И. Ленин говорил на съезде председателей губсоветов 30 июля 1918 г.: «С момента утверждения Конституции и проведения ее в жизнь начнется в государственном нашем строительстве более легкий период»².

Принятие этой конституции, выработанной, как и многие другие важнейшие законы, под руководством Ленина и Сталина и при их непосредственном участии на основе обобщения опыта советского строительства, закрепления всего того, что в этом опыте оказалось жизненным, ценным, означало крупный шаг в развитии советского социалистического права, в формировании важнейших принципов и институтов этого права.

В течение 1918 г. были приняты два первых советских кодекса — Кодекс законов об актах гражданского состояния и Кодекс законов о труде.

Ленин и Сталин с первых лет Советской власти вели борьбу за социалистическую законность против правового нигилизма, неуважения к законам Советского государства.

В постановлении VI съезда Советов «О точном соблюдении законов», принятом 8 ноября 1918 г., говорилось: «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России»³. Съезд призывал «...всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений». Для тех случаев, когда условия гражданской войны и борьбы с контрреволюцией вызывают необходимость принятия экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него, съезд потребовал, чтобы такие отступления сопровождались «точным формальным установлением соответствующего совет-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 512.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 19.

³ СУ 1918, № 90, ст. 908.

ского учреждения или должностного лица наличности условий, требующих выхода из пределов закона» и «немедленным сообщением соответствующего заявления в письменной форме в Совет Народных Комиссаров с копией для местных и заинтересованных властей». Так, в разгаре гражданской войны молодая, еще не окрепшая Советская республика, находившаяся в условиях военного лагеря, вела борьбу за революционную законность, против всякого произвола, учитывая в то же время ленинские указания о границах законности в революции.

Все это служит блестящим опровержением распространявшейся в буржуазной литературе гнусной клеветы на Советское государство, заключающейся в утверждении, что по крайней мере до новой экономической политики, когда была проведена широкая кодификация законов, в Советской России якобы вообще не было права, не было ни правовых норм, ни законности, господствовал якобы произвол и голое насилие. В таком именно духе представляли американскому читателю Советское государство, например, американские юристы Рэдин и Уигмор.

Действительное положение вещей искажалось не только зарубежными буржуазными критиками — явными врагами СССР, но и врагами народа внутри страны, сознательно стремившимися к насаждению нигилистического отношения к советскому закону. Вредители на правовом фронте, грубейшим образом искажая известные глубокие замечания Маркса в «Критике Готской программы» и Ленина в «Государстве и революции» о праве при социализме, кощунственно объявляли наше право не чем иным, как пережитком, родимым пятном капитализма, не имеющим перспектив, и уверяли, что надо способствовать не развитию советского права, а скорейшему его свертыванию. Эта диверсия на идеологическом фронте была рассчитана на подрыв авторитета советского социалистического права и революционной законности, на дезориентацию советских юристов, привитие им правового нигилизма.

Все эти «теории» и «концепции», в свое время немало помешавшие развитию советской науки права, давно разоблачены и разгромлены. Враги марксизма за рубежом до сих пор пытаются представить дело так, что марксизму свойственно анархическое отрицание государства и права, почему развитие и укрепление Советского социалистического государства и права якобы противоречит марксизму и свидетельствует-де об отходе большевиков от марксистских позиций. При этом одни из этих «знатоков» марксизма проливают крокодиловы слезы по поводу выдуманного ими «отхода»

большевиков от марксизма, а другие делают из своего «анализа» неожиданный вывод о том, что сохранение государства и права в СССР означает банкротство марксизма. Мы встречаем здесь старый, излюбленный прием объявлять марксизм уничтоженным, ликвидированным, вопреки тому, что он одержал победу и развивается, находя блестящие подтверждения правильности своих положений в самой жизни. Именно воплощению в жизнь марксистско-ленинского учения в нашей стране и обязано в первую очередь существование и развитие сильного и могучего Советского социалистического государства и такого великолепного средства организации и коммунистического воспитания людей, каким является советское социалистическое право.

История возникновения, становления и развития первого в истории социалистического права дает исследователю богатый материал для теоретических выводов. Изучение этой истории практически весьма актуально, так как опыт нашей страны в создании социалистического права и использовании его как мощного орудия в руках государства для закрепления своих достижений и планомерного осуществления задачи построения социалистического общества уже сейчас широко используется странами народной демократии.

Впервые в истории на практике, притом в огромных масштабах такой страны, как СССР, решен вопрос о судьбе правовой надстройки после победы социалистической революции, о том, что представляет собою право в условиях как непосредственно после этой победы, так и в условиях уже построенного социализма.

Социализм — первая фаза коммунизма. Вопрос о праве эпохи социализма — это часть вопроса о закономерностях развития коммунизма, о методах построения его первой фазы, т. е. социализма, и постепенного перехода ко второй его фазе, т. е. к полному коммунизму.

«На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?», — спрашивал в 1917 г. В. И. Ленин в своей замечательной работе «Государство и революция», написанной еще до начала победоносной Октябрьской социалистической революции. И отвечал: «На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-

то определенном направлении видоизменяется»¹. Маркс и Энгельс, жившие в эпоху, когда отсутствовал еще опыт построения социализма, разумеется, и не могли ставить перед собой невыполнимые тогда задачи, вроде развернутого ответа на вопрос, что будет представлять собой будущее право будущего общества. Но они вооружили рабочий класс и всех трудящихся такими научными выводами, которые давали правильную ориентировку в вопросе об отношении к старому, эксплуататорскому праву, в вопросе о необходимости создания нового права и о его принципиальном отличии от права буржуазного, обусловленном глубокими изменениями в экономической структуре общества. А главное, основоположники марксизма-ленинизма вооружили шедший к власти рабочий класс учением о диктатуре пролетариата, которое давало единственно верную ориентировку также и в вопросах права, ибо социалистическое право есть одно из основных орудий диктатуры пролетариата.

«Сила марксистско-ленинской теории,— говорится в Кратком курсе истории ВКП(б),— состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем»². Наличие такого точного ориентира, каким является марксистско-ленинская теория, ядро которой составляет учение о диктатуре пролетариата, позволило партии большевиков, овладевшей этой теорией, найти правильное решение и сложнейших практических вопросов правовой регламентации поведения людей, и тех новых теоретических вопросов права, которые возникли в условиях победы социалистической революции.

Созданное гением Ленина и Сталина Советское социалистическое государство менее чем за 20 лет своего существования добилось осуществления в нашей стране заветной мечты всего передового человечества — победы социализма. В этом великолепном итоге огромное место принадлежит организаторской роли нашего права. Еще в начале 20-х годов, в статье «К расширению законодательной деятельности ВЦИК» М. И. Калинин писал в связи с рядом новых законопроектов, которые должна была рассмотреть очередная сессия ВЦИК: «Будучи надстройкой над уже сложившимися экономическими взаимоотношениями, право в свою очередь является фактором, толкающим и дающим определенное направление этим взаимо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 430.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 339.

отношениям. Несомненно оно имеет свойство как закреплять уже сложившиеся отношения, так и толкать, вызывать, способствовать по крайней мере зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится. В этом состоит сущность творческой роли законодательства»¹.

Посредством права Советское социалистическое государство организовывало массы на выполнение стоявших перед ним грандиозных задач сначала восстановления разоренного четырьмя годами империалистической войны и тремя годами гражданской войны народного хозяйства, а затем — на построение социализма, определяя поведение масс в самых разнообразных сферах общественной жизни и деятельности, способствуя воспитанию их в социалистическом духе, закрепляя порядки, выгодные и угодные рабочему классу и всем трудящимся.

Величественная эпопея освободительной войны советского народа против гитлеровских захватчиков дала огромный, дополнительный, необычайной яркости и убедительности материал, свидетельствующий об организующей и воспитательной роли нашего права, о крепости, устойчивости его системы, о величии и незыблемости лежащих в его основе принципов.

«Советское правительство в условиях войны своими актами неуклонно перестраивало всю деятельность государства на военный лад. Этой задаче была подчинена деятельность государства и в области правовой. Законодательные акты и правительственные распоряжения в условиях войны опирались на весь правовой уклад и развитие права в мирных условиях и вместе с тем целесообразно направляли деятельность государства по тому пути, который был необходим для победы над врагом. Государственно-правовую деятельность органов советской власти не затрудняли, не тормозили противоречия, свойственные буржуазному государству, органы которого отражают все противоречия, присущие капиталистическому строю, как в мирное, так и в военное время. Отсутствие антагонистических классов, полное морально-политическое единство советского общества обеспечили успешное разрешение задач государства в деле перестройки всей деятельности на военный лад.

Мероприятия государства как хозяйственного, так и правового характера, осуществлявшиеся в условиях войны, с величайшим энтузиазмом поддерживались всем советским народом и поэтому давали необходимый эффект. Этому способствовала выдающаяся, руководящая и направляющая дея-

¹ М. И. Калинин. Статьи и речи, 1919—1935, М., 1936, стр. 80.

тельность большевистской партии, решения которой облекались в правовые формы органами государственной власти»¹.

Грандиозный размах созидательной творческой работы Советского государства, советского народа, под водительством партии большевиков по восстановлению народного хозяйства и залечиванию бесчисленных ран, нанесенных войною, и постепенному переходу нашего общества к коммунизму, показал и все возрастающую творческую роль советского социалистического права.

Вся история советского права доказывает его качественную новизну как права нового, высшего, типа, глубоко отличного от всех типов эксплуататорского права, противостоящего им и по своей сущности и содержанию, и по своей конечной цели, и по своей роли в развитии общества.

Говоря о советском социалистическом праве, как праве нового, высшего, типа, необходимо исходить из учения Ленина и Сталина о социалистическом государстве как новом, высшем, типе государства.

На XVIII партийном съезде И. В. Сталин, развивая марксистское учение о социалистическом государстве, говорил:

«Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее место новую, пролетарскую государственность, новое, социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует, что у нового, пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства»².

Раскрывая далее содержание некоторых функций Советского государства, внешне сходных с функциями буржуазного государства, И. В. Сталин показывает, что это внешнее сходство имеет место при коренном отличии тех и других друг от друга по существу.

Эти указания И. В. Сталина помогают правильно разобраться и в вопросе о советском социалистическом праве. Как всякое право, представляя собою совокупность норм, установленных либо санкционированных государством, советское социалистическое право выражает в своих нормах волю класса, осуществляющего государственное руководство обществом. Некоторые черты чисто внешнего сходства и здесь

¹ Советское право в период Великой Отечественной войны, М., 1948, стр. 4—5.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 604.

имеют место при глубоком, принципиальном отличии сущности, содержания, назначения и роли советского социалистического права от буржуазного права.

Советское социалистическое право является особым, новым историческим типом права, коренным образом отличным от всех известных истории эксплуататорских типов права.

Новое качество нашего права ясно раскрывается в следующих основных присущих ему особенностях.

Во-первых, советское право явилось с самого начала выражением воли подавляющего большинства советского народа, а именно рабочего класса и трудящегося крестьянства, воли, формируемой Советским государством под руководством коммунистической партии — авангарда и руководителя рабочего класса и всех трудящихся. Поскольку в условиях социализма уже нет эксплуататорских классов, наше право с победой социализма становится выражением воли всего советского народа, состоящего теперь лишь из трудящихся.

Во-вторых, в отличие от всех эксплуататорских типов права, советское право открыто провозгласило свою классовую сущность.

Этот открытый классовый характер советского права определяется тем, что оно с момента своего возникновения представляет интересы подавляющего большинства народа. Буржуазное же и любое другое эксплуататорское право, именно потому, что оно выражает волю меньшинства народа, враждебную большинству, всячески маскирует свою классовую сущность.

В-третьих, в отличие от любого эксплуататорского права, имеющего своей задачей закрепление эксплуатации, советское право, выражающее интересы эксплуатированных ранее классов, направлено против всякой эксплуатации человека человеком и самих материальных основ, ее порождающих.

В-четвертых, любое эксплуататорское право консервативно в том смысле, что роль его сводится к закреплению и освящению уже существующих производственных отношений, обусловленного ими классового деления, экономического и политического господства определенного класса. Советское социалистическое право на всем протяжении своего существования глубоко революционно. Возникая на том этапе, когда еще нет или почти нет готовых форм социалистического уклада, социалистическое право является в руках социалистического государства орудием создания, закрепления и неуклонного развития социалистических отношений путем соответствующего регулирования поведения людей, организации и мобилизации их на решение задач построения социализма

и перехода к коммунизму. Советское право, таким образом, не только закрепляет уже достигнутое, и завоеванное, но и всемерно облегчает дальнейшие творческие преобразования, активно способствуя прогрессивному продвижению вперед, к построению бесклассового коммунистического общества.

В-пятых, классовая сущность советского права, его цели, его соответствие интересам трудящихся, а в период социализма, когда ликвидированы эксплуататорские классы,— интересам всего народа, обуславливает глубокий, последовательный демократизм его, в корне отличный от фальшивого и урезанного демократизма буржуазного права в так называемых «демократических» капиталистических странах. Классовая сущность советского права обуславливает также подлинный, т. е. социалистический, гуманизм, подлинную заботу о человеке, немислимые в буржуазном праве, ибо подлинный гуманизм и эксплуатация человека человеком несовместимы.

Неправильно считать, что специфику социалистического права можно установить путем простого вычитания из массы всех присущих ему черт тех, которые свойственны и любому праву, т. е. праву «вообще». Именно в силу того, что общее проявляется в единичном, оно приобретает в этом единичном специфическое значение, специфическую окраску, особое качество. Это особенно рельефно выявляется при рассмотрении в советском социалистическом праве такого родового признака, как выражение в нем воли господствующего класса. Этот признак конкретизирован в нашем праве таким образом, что оно с первых дней своего возникновения выступает как выражение воли большинства народа, а именно трудящихся, возглавляемых рабочим классом, воли, формируемой советским государством под руководством коммунистической партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией, знанием законов общественного развития. Отсюда такая новизна сущности и содержания советского права, которая делает его новым, высшим, типом права.

Советское право с начала своего установления являлось совокупностью норм, выражающих волю руководимого коммунистической партией пролетариата и идущих за ним трудящихся масс, и было направлено на уничтожение эксплуатации человека человеком и построение коммунизма.

Право, призванное к последовательному осуществлению разрешаемых рабочим классом под руководством коммунистической партии задач создания, закрепления и развития нового общественного строя, социалистического строя, а затем и развернутого коммунистического, не может не быть с самого начала социалистическим правом. И оно было таковым уже с самого своего возникновения, несмотря на то, что еще

длительное время социализм был лишь одним из укладов (хотя и ведущим) нашего хозяйства, несмотря на то, что еще в течение ряда лет в стране оставались эксплуататорские классы (кулачество и остатки городской буржуазии), а следовательно, еще не была окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком и экономика в целом не была еще социалистической.

В. И. Ленин в своей речи на III Всероссийском съезде Советов, говоря о новом типе государства, созданном в результате Великой Октябрьской революции, о проведенных этим государством уже в первые недели своего существования крупнейших мероприятиях по переустройству общества на новых началах, указывал: «Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период *переходный* к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов... мы обязаны сказать, что наша республика Советов есть социалистическая, потому что мы на этот путь вступили, и слова эти не будут пустыми словами»¹.

Точно так же и наше право было социалистическим с самого начала потому, что было направлено на осуществление социалистических целей, потому, что его основными принципами с самого начала были принципы социалистические, потому, что при его помощи социалистическое государство с первых же дней своего существования осуществляло планомерные мероприятия по построению социалистического общества.

Таким образом, советское право, как и Советское государство, было социалистическим еще задолго до построения социализма в нашей стране и тогда, когда экономический фундамент социализма еще только начинал воздвигаться.

Сказанное не означает, разумеется, независимости права от экономики в условиях победы социалистической революции. Уже тот факт, что социалистическое государство, имея перед собой с первого дня своего установления задачу построения коммунизма, продвигается по намеченному пути в зависимости прежде всего от успехов в развитии экономики, ясно указывает на обусловленность социалистического государства и права, в конечном счете, экономикой. Но сила нашего государства, а следовательно, и формируемого им права в том, что государственное руководство обществом здесь находится в руках рабочего класса, владеющего совместно со всеми трудящимися основными средствами и орудиями

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 422.

производства, направляемого коммунистической партией и вооруженного марксистско-ленинской теорией.

Отсюда — возрастающее в огромной степени в результате победы социалистической революции и приобретающее новое качество обратное воздействие государственной и правовой надстройки на экономический базис, объясняющееся именно тем, что государственная власть перешла в руки того класса, который представляет собой важнейшую часть производительных сил общества, а средства производства стали социалистической собственностью. Энгельс в письме к Конраду Шмидту, пророчливо предвидя мощь социалистического государства и высмеивая тех толкователей марксистского тезиса о примате экономики, которые извращают самую суть этого центрального положения марксизма, писал:

«К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) — это есть тоже экономическая сила!»¹.

История нашего государства, даже взятая в пределах лишь одной первой фазы его развития, когда хозяйственно-организаторская функция еще не могла получить значительного размаха, является ярчайшей иллюстрацией к этим словам Энгельса, ибо она выявила ту огромную творческую силу, которой обладает политическая власть в руках производительных классов, значение ее как рычага экономического переворота.

Правильное понимание огромной творческой роли Советского социалистического государства, как главного орудия построения социализма и коммунизма, — качественно нового соотношения надстройки и базиса общества в условиях победы социалистической революции, представляет собой одно из важнейших условий правильного уяснения творческой роли социалистического права и соотношения последнего с нравственностью, утвердившейся в нашей стране.

Во время дискуссии о профсоюзах В. И. Ленин, подвергая резкой критике бухаринско-троцкистскую антимарксистскую концепцию, указывая на недопустимость противопоставления политики и экономики, разрыва их, говорил: «...политика есть самое концентрированное выражение экономики»².

В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной В. И. Лениным в начале октября 1919 г., основная мысль, пронизывающая все ее содержа-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1948, стр. 430.

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 13.

ние,— это мысль о решающей роли политики, осуществляемой Советским государством в преобразовании экономики.

Сталинское законченное и цельное учение о социалистическом государстве, вобравшее в себя все идейное наследие Ленина и весь грандиозный опыт Советского социалистического государства, дает всестороннее освещение творческой роли социалистического государства, как главного орудия построения социализма и коммунизма.

Развивая ленинские положения об особенностях социалистической революции, И. В. Сталин указал, что одним из коренных отличий ее от буржуазных революций является то, что «основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести её в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику»¹.

Изучая гениальные труды И. В. Сталина, можно проследить шаг за шагом как, каким способом под руководством большевистской партии Советское государство превратило менее чем за два десятилетия экономически отсталую страну в мощную индустриальную державу с передовым сельским хозяйством, базирующуюся на социалистической системе хозяйства и социалистической собственности во всех сферах народного хозяйства.

Социалистическое государство, основываясь на познании экономических законов развития общества, концентрированно выражая в проводимой им политике потребности экономического развития, властно и планомерно направляет это развитие на обеспечение построения коммунизма, широко используя для этого правовое регулирование.

Устанавливая нормы права, Советское государство строит их таким образом, чтобы максимально содействовать развитию экономики в указанном направлении. Разумеется, при этом государство, его политика и право, в конечном счете, обусловлены соответствующим уровнем экономики. Так, задача полной ликвидации эксплуататорских классов была определена Советским социалистическим государством с самого начала. Однако оно смогло перейти к непосредственному осуществлению этой задачи лишь тогда, когда для этого были им же подготовлены материальные основы. Подготовив эти материальные основы, Советское государство при помощи самих масс осуществило ликвидацию последнего эксплуататорского класса в нашей стране — кулачества и коренным образом изменило производственные отношения в деревне,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 21.

активно, творчески содействуя крестьянству в его переходе на социалистический путь.

Коллективизация сельского хозяйства, эта подлинная и глубочайшая революция, равнозначная по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г. «Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»¹. В этих замечательных словах И. В. Сталина подчеркнута творческая, преобразующая роль социалистического государства. Совершенно ясно, что сама эта революция могла быть произведена сверху, т. е. социалистическим государством, лишь при соответствующем уровне развития экономики, достигнутом благодаря предшествующей деятельности того же государства.

Гениальный теоретик большевистской партии и социалистического государства И. В. Сталин, обобщая творческий опыт Советского социалистического государства, обогатил марксистско-ленинскую философию огромного значения выводом, указав, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва не всегда применим к «...общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов»².

Проведение в жизнь строго научной политики большевистской партии и социалистического государства, основанной на знании законов общественного развития, т. е. опирающейся на марксистско-ленинскую теорию, обеспечило плановое переустройство всей экономики на социалистических началах. И огромную роль в этом гигантском социальном процессе играло право, посредством которого государство организовывало поведение людей, их борьбу за социалистическое переустройство.

Социалистическое право содержало те нормы, которые закрепили условия, сделавшие возможным коллективизацию сельского хозяйства, облегчили ее проведение, защищая и укрепляя социалистическую собственность, закрепляя госу-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

² Там же, стр. 28--29.

дарственные формы, обеспечивавшие правильное руководство крестьянскими массами, способствуя организационной инициативе масс деревни, их объединению в коллективные хозяйства. Новые нормы права, всемерно облегчающие деятельность крестьянских масс по развитию социалистических форм сельского хозяйства, полностью отвечающие новым потребностям экономики, создавались, как и любые нормы социалистического права, не автоматически, не независимо от государства, а государственной властью, в соответствии с проводившейся им на этом этапе политикой.

Все это является подтверждением того, что в условиях победы социалистической революции складываются новые соотношения между экономическим базисом и его надстройкой. Установленный теорией исторического материализма закон об определяющей роли способа производства и «действовавший до сих пор в истории только стихийно, теперь сознательно применяется партией и Советским государством в практике социалистического строительства. Это находит свое выражение в том, что партия и Советское государство при выработке политической линии исходят из учета новых потребностей и прогрессивных тенденций экономического развития, строят свою политику на основе научного анализа и сознательного использования экономических законов социализма»¹

Это и объясняет творческую роль советского социалистического права.

Советское право, будучи с самого начала социалистическим, не оставалось всегда неизменным во всех отношениях. Неизменны его основные принципы, определяющие его социалистический характер. Но на каждом этапе, пройденном социалистическим государством, перед правом ставились новые специфические для этого этапа задачи, изменялся характер отношений, регулируемых правом, изменялись соответственно конкретные формы регулирования тех или иных отношений.

Нет ничего ошибочнее забвения одного из основных требований марксистского диалектического метода, а именно требования изучения явления в процессе развития.

Данный И. В. Сталиным в его отчетном докладе на XVIII съезде партии гениальный теоретический анализ фаз развития, пройденных социалистическим государством, показывает, что и к вопросам социалистического права нужно подходить с учетом тех изменений, которые характерны для

¹ К. В. Островитянов. Роль Советского государства в социалистическом преобразовании экономики СССР.— «О советском социалистическом обществе», Госполитиздат, 1949, стр. 47.

него в пределах этих фаз. И. В. Сталин, как известно, определив две главные фазы, которые прошло наше социалистическое государство со времени своего создания, с предельной ясностью показал, как различие в характере задач в пределах каждой из этих отличных друг от друга фаз развития определило и различие основных функций государства. На первой фазе основными функциями социалистического государства явилось подавление свергнутых классов внутри страны и оборона страны от нападения извне, третья функция — хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная — не могла получить в этот период серьезного развития. Во второй фазе функция военного подавления внутри страны отпала вследствие уничтожения эксплуататорских классов. Вместо этой функции появилась функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Полностью сохранилась функция военной защиты страны от нападения извне и, наконец, главной, основной стала получившая свое полное развитие функция хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная.

«Как видите,— говорил на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин,— мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»¹. Эти гениальные указания И. В. Сталина должны явиться исходным пунктом и для анализа социалистического права.

Являясь орудием в руках социалистического государства для выполнения стоящих перед ним задач, социалистическое право соответственно изменялось в связи с изменением этих задач. Характер основных функций государства в пределах каждой из фаз его развития определял и основное содержание и методы правового регулирования, как и направление острия социалистической законности.

В пределах первой фазы, когда основной функцией социалистического государства являлось подавление сопротивления свергнутых классов, естественно и право было приспособлено к осуществлению этой функции. Отсюда ряд таких особенностей права этой фазы, как, например, наличие норм, предусматривавших лишение политических прав эксплуататорских элементов, а равно и норм, направленных к ограничению и вытеснению капиталистических элементов города и деревни. Переход к политике ликвидации и уничтожения кулачества как класса сопровождался отменой ряда старых и изданием

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 606.

новых правовых норм, рассчитанных на успешное осуществление этой политики.

Основные задачи социалистического права во второй фазе определяются функциями государства в этот период, а именно функцией мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной, функцией охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра, задачами, связанными с выполнением социалистическим государством функций военной защиты страны от нападения извне, с его последовательной борьбой за мир. Анализ законодательства второй фазы развития социалистического государства, и прежде всего, анализ юридической базы этого законодательства — Сталинской Конституции ясно показывает характер изменений, происшедших в праве в этот период. Отпали правовые нормы, ограничивавшие в правах эксплуататоров, и ряд других норм, потерявших свой смысл вследствие ликвидации класса эксплуататоров, появились новые правовые нормы. Сталинская Конституция, новые избирательные законы, закон о судостроительстве, примерный устав сельскохозяйственной артели, ряд других законов, указов Президиума Верховного Совета и правительственных постановлений ярко свидетельствуют об изменениях советского социалистического права в результате вступления социалистического государства во вторую фазу своего развития.

В отношении социалистического права можно сказать, в соответствии со словами И. В. Сталина о социалистическом государстве, что мы имеем теперь совершенно новое социалистическое право, не виданное еще в истории и значительно отличающееся от социалистического права первой фазы.

Во второй фазе развития нашего государства советское право является социалистическим уже не только по своим целям и принципам, но и потому, что оно есть право общества, построившего социализм, общества, экономическую основу которого составляют социалистическая собственность и социалистическая система хозяйства.

Советское социалистическое право во второй фазе развития нашего государства, в связи с ликвидацией эксплуататорских классов в нашей стране и постепенным стиранием классовых различий между рабочими и крестьянством, есть «...возведенная в закон воля советского народа, построившего социалистическое общество под руководством рабочего класса, возглавляемого партией большевиков»¹. Оно стало выражением воли всего советского народа, ибо в нашем государ-

¹ Акад. А. Я. Вышинский. Вопросы теории государства и права, изд. 2, М., 1949, стр. 171.

стве уже нет эксплуататорских классов и морально-политическое единство нашего народа является неопровержимым фактом. Но наше право не теряет от этого своего классового характера.

На первый взгляд выставленное положение может показаться внутренне противоречивым: как право одновременно может быть и классовым и народным, т. е. выражать волю господствующего класса и волю всего народа? С точки зрения формальной логики действительно следует говорить о чем-либо одном: или о классовом характере права, или о его народном характере. Но применение правил формальной логики к изучению общественных явлений не обеспечивает познания их, ибо жизнь диалектична и по одному этому не укладывается в схемы формальной логики. Классовая структура эпохи социализма такова, что грани между сохранившимися дружественными классами рабочих и крестьян, а равно между этими двумя классами и интеллигенцией стираются. Они еще не стерлись настолько, чтобы нельзя было видеть известного различия между указанными социальными группами, но это различие, в силу общественного устройства СССР и изменений каждой из этих указанных социальных групп, не связано с неизбежностью классовых столкновений, так как для них нет теперь почвы в общественном строе социализма. Характерное для второй фазы Советского социалистического государства морально-политическое единство нашего народа означает также единство содержания и направления воли рабочих, крестьян и интеллигенции. Но государственное руководство обществом и при социализме осуществляется рабочим классом (диктатура пролетариата). Вот почему наше право в период социализма, будучи выражением воли рабочего класса, одновременно выражает и волю всего народа. В этом нашло проявление как сохранение и укрепление диктатуры рабочего класса, так и расширение ее социальной базы в силу морально-политического единства нашего народа, отсутствия эксплуататорских классов и стирания граней между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. Так развертывающаяся в диалектических противоречиях действительность сделала возможным появление подлинно народного права, не сняв его классового характера, дала дополнительное подтверждение знаменитого положения Маркса, что право коренится в материальных основах общества и может быть понято лишь при условии их анализа.

Маркс и Ленин задолго до социалистической революции гениально предвидели огромную роль права в осуществлении победы социализма и качественно новые черты этого права. Маркс в «Критике Готской программы» и Ленин в «Государстве

и революции» дали замечательные по своей глубине характеристики социалистического права как средства регулирования взаимоотношений людей на той ступени общества, когда осуществляется принцип социализма «от каждого по его способности, каждому — по его труду». «Здесь,— писал Маркс, имея в виду социалистическое общество,— очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует товарообмен, поскольку последний есть обмен равных ценностей»¹. Однако, указывает далее Маркс, «содержание и форма здесь изменились в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому, что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается самого распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»². Отсюда необходимость в правовом закреплении этого остающегося в период социализма известного неравенства, неравенства в том смысле, что право в своем регулировании распределения продуктов применяет ко всем трудоспособным гражданам принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду», в то время как люди неравны в отношении физической силы, способностей, трудовых навыков, здоровья, семейного положения и т. д. Поскольку социалистическое право закрепляет применение равного мерил (в отношении распределения) к неравным людям, «это равное право есть неравное право для неравного труда». Таким образом, поскольку экономический строй социализма еще не позволяет осуществить принцип коммунизма: «от каждого — по его способности, каждому — по его потребности», и характеризуется принципом «от каждого по его способности, каждому — по его труду», постольку и социалистическое право является еще правом закрепления известного фактического неравенства в распределении, ибо «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»³. Но это закрепляемое советским социалистическим правом относительное неравенство в распределении имеет место при наличии закрепляемого тем же советским правом равного отношения людей к основным средствам производства и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 274.

² Там же.

³ Там же, стр. 275. См. также В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 438—439.

равной свободы от эксплуатации, равной обязанности для всех трудиться и равного для всех права на труд. К тому же, советское социалистическое право не имеет своей целью увечивание указанного частичного неравенства, так как основной задачей социалистического государства и права является построение полного коммунизма, где исчезнет и этот последний вид неравенства людей, осуществится полное равенство людей.

«Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (**социалистическое общество**), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (**коммунистическое общество**). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма»¹.

Таким образом, советское право, не означая еще полного равенства, закрепляет ту высшую ступень равенства, которая возможна до создания материально-технической базы коммунизма.

Принцип социализма «от каждого — по его способности, каждому — по его труду» положен в основу нашего права во второй фазе развития социалистического государства.

Сталинская Конституция закрепила в своих нормах этот принцип, как уже осуществляющийся в СССР. Лишь в условиях построенного социализма и, в частности, обеспечения всем гражданам в числе многочисленных прав такого великого права, как право на труд², имеются материальные основы для полного и последовательного осуществления принципа «от каждого — по его способности, каждому — по его труду». Зафиксированное в ст. 118 Сталинской Конституции право на

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 355.

² Право на труд являлось издавна заветной мечтой пролетариата. Значение этого великого права ярко охарактеризовал еще Фурье, писавший: «Мы потеряли целые века на мелкие споры о правах человека, но совершенно не думали о признании самых существенных прав, как право на труд, без которого все остальные превращаются в нуль». Но в условиях капиталистического строя это право неосуществимо. (Fourier. Théorie de l'unité universelle, t. II, Paris, 1841, p. 180).

труд — основа основ всех прав граждан социалистического общества.

XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) наметила меры, обеспечивающие строжайшее и последовательное проведение принципа социализма. «Необходимо...,— указывалось в ее решениях,— в области заработной платы строго и последовательно проводить принцип материального поощрения хорошо работающих, осуществляемый в виде сдельной системы оплаты для рабочих, премиальной системы для руководящих работников и в виде большей оплаты квалифицированного труда, сравнительно с неквалифицированным».

«Необходимо до конца ликвидировать гнилую практику уравниловки в области заработной платы и добиться того, чтобы сдельщина и премиальная система в еще большей мере стали важнейшими рычагами в деле повышения производительности труда, а следовательно, и развития всего нашего народного хозяйства»¹.

Ликвидация гнилой практики уравниловки и всяких ее остатков, отраженная в правовых нормах и последовательно проводимая с тех пор во всех отраслях труда, в том числе и в области сельского хозяйства, способствовала дальнейшему укреплению принципа социализма, требующего проведения строжайшего соответствия между оплатой труда и его количеством и качеством.

Выше говорилось о том, как право осуществляет и закрепляет ту часть формулы «от каждого — по его способности, каждому — по его труду», которая относится к распределению. Но право в соответствии с принципом социализма не только закрепляет распределение, но и организует самый процесс труда в народном хозяйстве, в государстве в целом: «от каждого — по его способности» — значит, что каждый член социалистического общества обязан трудиться и притом в полную меру своих способностей, знаний, подготовки. Не вообще труд, а сознательный, честный, добросовестный труд предусматривается принципом социализма. Строгий контроль за мерой и качеством труда, о котором говорил В. И. Ленин еще в 1917 г. в своем труде «Государство и революция»², имея в виду социалистическое общество, неразрывно связан с указанным принципом социализма. Обязанность трудиться, блюсти дисциплину труда записана в Сталинской Конституции как одна из важнейших, основных обязанностей граждан.

¹ Резолюция XVIII партконференции по докладу тов. Маленкова, «Правда» от 19 февраля 1941 г.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 444—445.

Укрепление трудовой и общей дисциплины в социалистическом обществе является одной из важнейших закономерностей его развития. Социалистическое право, выражая волю советского народа и утвердившиеся в нашем обществе передовые взгляды, всемерно поощряет инициативный плодотворный труд, окружает почетом отличившихся тружеников города и деревни и ведет борьбу с теми, кто нарушает трудовую дисциплину, работает недобросовестно.

Для того чтобы полнее разобраться во всех особенностях нашего права, как высшего исторического типа права, и в частности в силе его обратного воздействия на экономику, в его роли в процессе строительства и победы социализма, в победоносном исходе Великой Отечественной войны, а равно в осуществлении дальнейших задач в деле завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму, необходимо выяснить соотношение права и нравственности в нашей стране. Разумеется, полное освещение этой темы — дело объединенных усилий всех специалистов в области права. В любой специальной отрасли советского права возникают имеющие огромное теоретическое и практическое значение вопросы, решение которых требует исследования соотношения права и нравственности. Вопросы об основных правах и обязанностях граждан, о трудовой дисциплине, об охране социалистической собственности, о вине (как в уголовном, так и в гражданском праве), о преступлении, о вменяемости, об ответственности, о наказании, о значении выяснения морального облика подсудимых или сторон в судебном процессе — все эти и многие другие вопросы права теснейшим образом связаны с проблемой соотношения права и нравственности. Выяснив специфику соотношения права и нравственности при социализме, мы получим возможность полнее выявить превосходство советского социалистического права как нового, высшего, исторического типа права и огромные преимущества советского социалистического строя.

Г л а в а 2

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ¹

«...Идеи, представления, нравы, нравственные принципы, религия, политика у буржуа и пролетариев прямо противоположны».

(И. Сталин)

СССР — страна победившего социализма, где марксизм-ленинизм представляет собою не только безраздельно господствующее научное мировоззрение, но и государственную идеологию, повседневное руководство к практическому действию.

История посмеялась над теми, кто в свое время предсказывал, что пролетариат отвернется от марксизма, так как марксизм-де своим нежеланием дать пролетариату разработанную во всех деталях систему норм нравственного поведения обрек себя на это, а новая мораль появится на свет без участия марксизма и вопреки ему².

В действительности новая мораль, как и новое право, появилась как раз при самом активном участии марксизма, обязана своим утверждением ему, а в архив оказались сданными те самые морализирующие учения, которые пытались объединить необъединимое — революционное учение Маркса с этикой Канта. То, что критики марксизма называли «моральным воздержанием» марксизма, на самом деле было совершенно правильным взглядом, что моральные нормы не

¹ В данной работе речь идет о коммунистической нравственности не в условиях высшей фазы коммунизма, а в условиях первой фазы коммунизма, т. е. при социализме. Поэтому в ряде мест употребляется термин «социалистическая нравственность».

² Именно такие вздорные пророчества содержит вышедшая в 1908 г. гухлая монография Г. Вольского (А. В. Соколова) «Философия борьбы, опыт построения этики марксизма», проповедовавшего «социализм

могут быть продуктом кабинетного творчества и столь же мало могут утвердиться при помощи моральных проповедей. Основоположники марксизма-ленинизма вооружили пролетариат знанием законов общественного развития и пониманием своей исторической миссии класса-освободителя, нравственным идеалом, подлинно научным учением о морали. Они помогли рабочему классу освободиться от плена буржуазной морали, помогли сознательной выработке им этических норм поведения, соответствующих интересам своего класса и всех трудящихся. Основоположники марксизма-ленинизма всей своей деятельностью дали пример посвящения всей жизни без остатка самой высокой нравственной цели, которую знал мир.

Система морали, утвердившаяся в нашей стране, по своей возвышенности и благородству не знающая себе равной в мире, возникла и распространилась в условиях длительной и тяжелой борьбы рабочего класса под руководством партии Ленина — Сталина против сил и традиций старого общества, борьбы за переделку материальных основ общества и самого сознания человека.

Победа социалистической революции создала предпосылки для постепенного распространения коммунистической нравственности — этой высшей формы нравственности — среди всех трудящихся. В результате победы социалистической революции были созданы не только новый тип государства и права, но и новая система этических норм поведения, сложился новый моральный облик человека, а именно советского человека.

«...Важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов... В этом заключается, действительно, величайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение»¹.

Этот новый моральный облик человека, свободного от всякой эксплуатации, хозяина своей страны, раскрылся во всем своем богатстве в годы тяжелых испытаний минувшей войны. Великие ратные и трудовые подвиги нашего народа за эти грозные годы показали всему миру как высок моральный уровень нашего народа, как вырос в нравственном отношении рядовой человек нашей страны, как глубоко внедрились в

чувства» как «дополнение» к марксизму. Автор, находившийся под влиянием махизма и пресловутой «организационной теории» Богданова, входивший в отколовшуюся от большевизма группу «впередовцев», скатился впоследствии до контрреволюционных выступлений.

¹ В. М. Молотов. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1947, стр. 27.

народное сознание ведущие принципы коммунистической нравственности.

«Советский социалистический строй явился основой развития нашей коммунистической морали. Да иначе и не могло быть. Советское правительство, партия Ленина — Сталина имеют единую цель — благо народа — и все свои действия направляют к этой, действительно высоко моральной цели.

Товарищ Сталин всеми своими делами подтверждает сказанные им слова, что за дело народа он отдаст каплю за каплей свою кровь. Разве это не высшая степень человеческой морали? Мораль нашей партии, партии Ленина — Сталина, есть и мораль нашего народа. Она дает советскому государству силу огромной сопротивляемости агрессорам; она воодушевляет тружеников на заводах и полях; она делает героизм на фронте массовым; она один из важнейших элементов победы»¹.

Утвердившаяся в нашем обществе нравственность есть форма социалистического сознания. Составляющая ее совокупность этических взглядов характеризуется передовыми представлениями о добре и зле, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном, похвальном и постыдном. Эти этические взгляды являются взглядами, отражающими новые материальные условия существования общества. Конечно, социалистические тенденции были ярко выражены и в этических взглядах эксплуатируемых масс в те эпохи, когда научного социализма еще не было или когда он, уже будучи сформулированным в своих основах, не получил еще широкого распространения в массах. Но до тех пор, пока эксплуатируемый класс стихийно, бессознательно устанавливает свои этические взгляды, определяемые в конечном счете экономическими условиями своего существования, эти взгляды не могут еще образовать цельную и подлинно социалистическую систему нравственности, ибо социалистическое сознание этого класса еще не выработалось.

Положение пролетариата в капиталистическом обществе как класса эксплуатируемого и как естественного руководителя всех трудящихся в борьбе против капитализма определяет то, что уже в буржуазном обществе пролетарская «...мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование...» и «...выступает за низвержение современного строя, защищает будущее...»².

Но значит ли это, что мораль пролетариата в капиталистическом обществе, когда научный социализм еще не был распространен в пролетариате, являлась уже формой социа-

¹ «Большевик», 1945, № 1, стр. 30.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 88.

листического сознания? Нет, не значит, хотя бесспорно социалистические тенденции в ней имелись и тогда в силу стихийного влечения рабочего класса к социализму. В статьях И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях» и «Ответ социал-демократу» (1905 г.), получивших высокую оценку В. И. Ленина, замечательно показано, что хотя положению пролетариата и соответствует социалистическое сознание, однако оно не может установиться стихийно, а может возникнуть лишь на почве глубокого научного знания, которое пролетариат сам, естественно, не в состоянии выработать. Необходимо «...внедрить социалистическое сознание в стихийное рабочее движение...»¹. Эту задачу внесения социалистического сознания (научного социализма) в массы и взяла на себя партия пролетариата.

Новые идеи и теории, выдвинутые марксизмом-ленинизмом, а следовательно, и новые принципы нравственности явились теми идеями, которые, точно отражая потребности развития материальной жизни, «...становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед»².

Пролетарская мораль в капиталистическом обществе, по мере внесения социалистического сознания в ряды пролетариата, превращается из стихийно, бессознательно складывающихся взглядов во взгляды и нормы, опирающиеся на основы научного социализма, объясняющего пролетариату как закономерности общественного развития, так и его задачи и роль в обществе. По мере внесения в ряды пролетариата социалистического сознания уясняются, формируются и этические взгляды пролетариата. Мораль передовых слоев пролетариата в капиталистическом обществе, ведущих организованную борьбу против капитализма, опирающихся на научный социализм, становится социалистической моралью. Нормы этой морали возникают уже не стихийно, не бессознательно, но составляют неотъемлемую часть научно обоснованного революционного мировоззрения пролетариата, подчинены задачам борьбы против капитализма. В формировании еще в недрах капиталистического общества этой морали пролетариата ведущая роль принадлежит коммунистической партии, воспитывавшей в рабочих сознание пролетарской солидарности, понимание долга перед своим классом, готовность к любым жертвам в его интересах, культивировавшей в рабочих массах дух товарищеской дисциплины, воспитывавшей в них

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 99.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 547.

непримиримость к эксплуататорам, к классовым врагам, к оппортунизму в любых его проявлениях¹. Однако до тех пор, пока не свергнут капитализм, эта мораль пролетариата является моралью лишь для той его части, которая прониклась социалистическим сознанием.

Если уже мораль пролетарских революционеров, идущих под знаменем марксизма, представляла собой социалистическую мораль, поскольку ее исходным и основным принципом была борьба за коммунизм, то с победой социалистической революции начинается новый этап развития морали, как регулятора поведения людей, приступивших к строительству социалистического общества. С победой социалистической революции, коммунистическая мораль превращается в господствующую на $\frac{1}{6}$ части земного шара систему морали, обогащаясь новыми нормами, обусловленными новыми материальными условиями, новыми потребностями общества.

Победа социалистической революции явилась результатом предварительной огромной работы партии Ленина — Сталина по внедрению социалистического сознания в передовые слои рабочего класса. В этой блистательной победе огромная роль принадлежит и моральному фактору. Интересно отметить, что в плане статьи «Рабочий класс и революция», написанной еще в 1905 г., В. И. Ленин писал: «Восстание. Моральная и материальная сила»². Это ясно показывает, какое значение придавалось им моральному фактору в революции.

«Разве мы могли бы победить в октябре 1917 года,— писал Е. Ярославский,— если бы не научились у Ленина и Сталина привлекать к себе сердца, чувства, мысли миллионов трудящихся, вдохновлять их морально на великие подвиги? Ведь враги были численно во много раз сильнее. У них были армия, полиция, суд, церковь, в их руках была печать, школа. У них было больше газет, больше ученых. Но партия большевиков была вооружена великим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Она выковывала, воспитывала у своих членов такие нормы поведения по отношению ко всем трудящимся, ее программа настолько правильно и полно выражала интересы народа, что она быстро сумела организовать миллионные массы для победоносного штурма»³.

Процесс утверждения и развития в нашем обществе норм социалистической морали естественно не мог быть молниеносным. Новые нормы социалистической нравственности выраба-

¹ См. «Большевик», 1948, № 9, статья Г. Гака «Вопросы этики в марксистско-ленинском мировоззрении», стр. 25.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 185.

³ Е. Ярославский. О моральном облике советского гражданина, «Правда» от 28 сентября 1940 г.

тывались в ходе переустройства общества. Необходимо отличать переворот в области взглядов, идеологии общества от переворота в области материальных отношений. Маркс писал: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним»¹. Факт признания массами справедливости и истинности ведущих принципов социалистической морали еще не означал превращения этих принципов в действительный регулятор повседневного поведения этих масс во всех областях жизни.

Буржуазно-помещичья мораль испокон веков твердила массам, что частная собственность помещиков и буржуазии священна и неприкосновенна и всякое посягательство на нее безнравственно, греховно.

Коммунистическая же партия учила, что высшей несправедливостью является сохранение частной, буржуазно-помещичьей собственности на средства производства и эксплуатации в условиях, когда производительные силы общества требуют отмены этой собственности, тормозящей дальнейшее развитие общества, что экспроприация этой частной собственности у эксплуататоров и передача ее народу составляют высшую справедливость.

Буржуазно-помещичья мораль учила массы рабскому повинению власти имущих классов. Коммунисты противопоставили этому принципу морали другой принцип — уничтожение эксплуатации человека человеком, переход власти в руки самих трудящихся.

Основные принципы социалистической нравственности соответствовали тем мыслям, понятиям, которые стихийно давно возникали у эксплуатируемых классов. В учении и лозунгах коммунистической партии массы увидели подтверждение своих заветных дум и научное обоснование их.

Конечно, всегда и всюду массы идут в бой за осуществление своих материальных интересов. Но никогда они не пойдут в бой с энтузиазмом, если не осознают справедливости (этическая оценка) своих требований, если у них нет сознания, что они борются против несправедливости, за добро против зла. Для успеха революции, конечно, далеко не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 322.

достаточно одного этого сознания, но никакая социальная революция не может привести к победе, если совершающие ее массы не уверены в справедливости своей борьбы, в этичности своих целей. Моральная сила народного восстания заключается в осознании восстающими массами правоты своего дела, в наличии у них вдохновляющего нравственного идеала, за воплощение которого в жизнь они ведут борьбу.

Одним из условий, обеспечивших победу социалистической революции, было несомненно признание массами справедливости, этичности целей, лозунгов этой революции и несправедливости, безнравственности эксплуататорского строя. Добывая революционным путем свободу, право на труд, на жизнь, достойную человека, массы твердо знали, что они борются за правду против господствовавшей веками несправедливости.

Но, повторяем, победа социалистической революции еще не означала усвоения массами принципов коммунистической морали в качестве регулятора своего повседневного поведения. Этому мешали и экономическая и классовая структура общества, обуславливавшая сохранение влияния старых систем морали, и неизбежное отставание сознания масс от изменения в материальных основах общества.

Отсюда понятно, что хотя социалистическая мораль с победой социалистической революции и превратилась в господствующую систему морали, она не была еще в пределах первой фазы развития нашего государства общепризнанной системой норм, регулирующей повседневное поведение членов общества.

Ее не признавали и с ней боролись оставшиеся эксплуататорские классы. Она не признавалась и некоторой частью отсталых слоев трудящихся, находившейся еще под влиянием эксплуататорских классов и руководствовавшейся нормами не социалистической, а буржуазной морали.

Еще и сейчас не ликвидировано полностью отставание сознания людей от изменения материальных основ общества. Тем более этого не могло быть в 1917 г., когда свершилась социалистическая революция. Массы восприняли этическое значение лозунгов и задач, выдвинутых в революции коммунистической партией, и пошли за нею не потому, что они уже полностью прониклись социалистическим сознанием, а потому, что эти лозунги и задачи соответствовали материальным потребностям и их представлениям о несправедливости эксплуататорского строя в целом. Но поскольку сознание масс еще не было поднято на уровень социалистического сознания, они продолжали во многих случаях руководствоваться старыми привычными правилами поведения. Конечно, уча-

стие масс в революции, коренное изменение соотношения классов, превращение социалистической морали в господствующую уже с первых лет существования Советского государства не могло не подорвать в огромной степени влияния норм старой морали. Но это влияние не могло быть ликвидировано сразу. Нормы социалистической морали, взятые в целом, не могли автоматически превратиться в регулятор поведения масс, а требовали сознательного усвоения, что невозможно без коренного изменения сознания человека, воспитанного в условиях эксплуататорского строя. А главное, такая решительная ломка психики человека, замена старых представлений новыми еще не обеспечивалась на первых порах существования советского общества его материальными основами.

Маркс писал в «Критике Готской программы», что социалистическое общество, которое только что выходит из капиталистического общества, «...во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹. Отсюда понятно, что сила влияния старых «привычных» норм морали в первые годы Советской власти была очень велика.

«Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила», — писал В. И. Ленин. «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“...» «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“...»².

О процессе распространения в нашем обществе норм социалистической нравственности и сложности этого процесса, особенно в условиях деревни, замечательно говорил М. И. Калинин в статье «О моральном облике нашего народа»:

«Великая Октябрьская социалистическая революция подняла мораль всех народов России на ступень выше. Она стала самой высокой моралью в человеческом обществе. Здесь нет преувеличения; это лишь объективный вывод из существующей действительности. Разумеется, это не значило, что люди в одно прекрасное утро проснулись осененные внезапной благодатью — новой, социалистической нравственностью. Еще Маркс указывал, что сознание людей отстает от экономического развития, что нельзя поэтому одним только революционным переворотом сразу уничтожить все пережитки капитализма...

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 13.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 27, 103.

И действительно, нелегко давалось массам восприятие новой, социалистической морали. Не говоря уже о свергнутых классах, победа пролетариата и беднейшего крестьянства вначале была встречена в штыки даже большинством интеллигенции. Да и сам рабочий класс и в особенности крестьянство не могли сразу отрешиться от привычек, нравов и обычаев, привитых веками хозяйничанья помещиков и буржуазии. Не всякий рабочий понимал, что, живя в капиталистическом обществе, он был бездомным пролетарием, по существу не имел отечества и родина ему была мачехой; что лишь после Октябрьской революции он из обездоленного пролетария превратился в гражданина великой страны, в равноправного члена многомиллионного коллектива строителей социалистического государства, стал совладельцем всех богатств страны, имеющих в наличии и потенциале.

...В деревне, разумеется, значительно труднее шло восприятие социалистической морали. И это естественно. Там глубже укоренились частнособственнические привычки; там были существенные различия в форме владения землей, в ее обработке. В одних местностях преобладало общинное землевладение, в других — подворное, хуторское хозяйство. Местные общественные и бытовые стороны жизни вносили существенную разницу в моральный облик этих слоев крестьянства... Вместе с изменением экономической основы крестьянского хозяйства в сторону социализма, постепенно начали изменяться и психология крестьянства, его отношение к государству, к общественной, социалистической собственности, к труду, взаимоотношения друг с другом. Словом, социалистическая мораль в крестьянстве обрела благодарную почву для своего развития»¹.

Материальные основы существования огромной части населения — крестьянства, сохранение старых привычных форм крестьянского уклада жизни, обуславливали и сохранение в весьма значительной степени влияния старых норм морали.

Лишь постепенно, по мере усиливавшейся работы коммунистической партии и Советского государства по переделке материальных основ общества и внесению социалистического сознания в массы, вытеснялись старые нормы нравственности и внедрялись в повседневное поведение нормы социалистической нравственности. Решающим в этом процессе явилась социалистическая реконструкция всего народного хозяйства, ликвидация на основе этого эксплуататорских классов, построение социализма в нашей стране.

¹ М. И. Калинин. О моральном облике нашего народа, «Большевик», 1945, № 1, стр. 15—17.

Это устраняло материальные основы эксплуататорской системы морали. Это означало не только укрепление и распространение ведущих принципов социалистической нравственности, известных уже на первых порах существования Советского государства, но и установление ряда новых норм, новых правил социалистического общежития, конкретизирующих основные принципы социалистической нравственности применительно к различным случаям общественных отношений.

Однако указанные изменения не следовали автоматически за социалистической переделкой материальных основ общества. Необходима была неослабная, повседневная огромная воспитательная работа, чтобы привести сознание масс в соответствие с их глубоко изменившимся бытием. Необходима была напряженная борьба с пережитками старого в сознании людей. Результатом этой титанической и многосторонней деятельности Советского государства под руководством партии Ленина — Сталина и является характерный для второй фазы Советского государства факт установления не только политического, но и морального единства советского народа.

Морально-политическое единство нашего народа является непреложным фактом¹. Это единство, в частности, достаточно ясно проявилось уже в процессе всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции и в блестящих победах блока коммунистов и беспартийных на первых выборах в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные органы власти на основе Сталинской Конституции. Морально-политическое единство всего народа, немислимое в условиях эксплуататорского строя, осуществлено в СССР.

Укрепление морально-политического единства советского народа И. В. Сталин в докладе на XVIII съезде партии отнес к числу важнейших завоеваний в области общественно-политического развития нашей страны. «Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества,— говорил он,— состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости

¹ См. И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 575; История ВКП(б). Краткий курс, стр. 335.

его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм»¹.

Установление морально-политического единства нашего народа знаменует собою новый этап в развитии социалистической нравственности.

Морально-политическое единство нашего народа свидетельствует о том, что социалистическая система нравственности из господствующей в передовых слоях общества стала общепризнанной нашим народом в целом. Это, однако, не означает полного искоренения пережитков старого в сознании людей. Влияние этих остатков старого нельзя недооценивать. На опасность недооценки вреда этих пережитков старого указывал И. В. Сталин.

В. М. Молотов на XVIII съезде партии говорил: «И среди рабочих есть передовые и есть отсталые, не говоря уже об уродах. Также и среди крестьян: есть и передовые, есть и отсталые. Есть, конечно, и хуже, чем просто отсталые. Передовые люди нашего времени являются активными и самоотверженными строителями коммунизма, лучшими борцами за укрепление нашего государства. За этими передовыми людьми нашего общества уже сознательно идет подавляющая масса рабочих и крестьян. Но и среди рабочих, не говоря уже о служащих, весьма живучи мелкобуржуазные привычки. Еще не мало таких, которые готовы урвать для себя у государства побольше, а там хоть трава не расти». И далее В. М. Молотов указывал: «И здесь нужны серьезные меры в области укрепления дисциплины и в области воспитания. Без таких мер, без усиленной работы по воспитанию трудящихся в духе укрепления социалистической собственности и государства, нельзя отсталых людей превратить в сознательных и активных строителей коммунизма»².

После ликвидации у нас материальных основ, питавших эксплуататорские системы нравственности, сохранение некоторого влияния этих систем в условиях нашего общества объясняется главным образом живучестью старых привычек, отставанием сознания людей, а также наличием капиталистического окружения.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 589.

² XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии. Стеногр. отчет, М., 1939, стр. 287.

Установление морального единства советского народа не дает нам основания успокаиваться, а обязывает вести еще более усиленную борьбу со всеми пережитками старой морали, что требует напряженной и длительной работы по коммунистическому воспитанию масс, дальнейшему укреплению и распространению в массах норм социалистической нравственности. «От успехов коммунистического воспитания, в широком значении этого слова, коммунистического воспитания, охватывающего всю массу трудящихся и всю советскую интеллигенцию,— прежде всего, от наших успехов в этой области, зависит решение всех остальных задач»¹.

Задача коммунистического воспитания масс, искоренения пережитков старого в сознании людей очень сложна, но факт победы социализма и установления морально-политического единства нашего народа является залогом успешного ее доведения до конца под руководством большевистской партии.

Чтобы уяснить все превосходство коммунистической нравственности, надо раскрыть содержание ее норм и основных принципов, ее критерии оценки поведения людей.

Этот вопрос получил хотя и краткое, но предельно четкое освещение в замечательной речи В. И. Ленина о задачах Союза молодежи. Разоблачая вздорность бросаемого буржуазией коммунистам обвинения в том, что они якобы отрицают всякую нравственность, В. И. Ленин указал, что на самом деле коммунисты отрицают нравственность лишь в том ее смысле, в каком она проповедуется буржуазией, выводящей эту нравственность из велений бога, «...из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веление бога». В. И. Ленин характеризует коммунистическую нравственность следующим образом: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». «Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов». «Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации...» «Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров»

¹ Там же, стр. 312.

«Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

«В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»¹.

В этой замечательной речи В. И. Ленина отчетливо выявлены основной, верховный принцип коммунистической нравственности, коренное отличие ее от любой эксплуататорской системы нравственности, основной критерий оценки поведения людей.

Борьба за коммунизм, подчинение поведения людей интересам этой борьбы — таков ведущий принцип коммунистической нравственности, проникающий и определяющий собою все конкретные ее нормы, каково бы ни было содержание каждой из них.

Этот принцип не допускает никакой произвольной трактовки в определении того, что должно и что недопустимо, что морально и что аморально. Этот принцип является той надежной руководящей нитью, которая позволяет социалистическому обществу вырабатывать все конкретные подчиненные этому принципу нормы коммунистической нравственности.

Успешная борьба за победу коммунизма невозможна без социалистического государства и его укрепления, без законов, устанавливаемых этим государством, без сознательного, добросовестного труда, без строжайшей и сознательной дисциплины, без охраны и укрепления экономической основы нашего государства — социалистической собственности. Подчинение поведения людей интересам борьбы за коммунизм включает требования сплоченной, сознательной дисциплины и сознательной борьбы против эксплуататоров и их приспешников. Укрепление социалистического государства — этого главного орудия построения коммунизма и обороны страны от нападений извне, любовь к родине и защита ее, культивирование животворного советского патриотизма, соблюдение советской конституции и исполнение советских законов, добросовестный, честный труд, соблюдение дисциплины труда, охрана и укрепление социалистической собственности, — высшие принципы коммунистической нравственности. Все поступки, все качества людей оцениваются с точки зрения соответствия этим высшим и основным нравственным принципам. Все то, что противоречит этим принципам, препятствует борьбе за коммунизм, мешает укреплению дисциплины трудящихся, яв-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 266, 268, 269, 270.

ляется с точки зрения коммунистической нравственности глубоко безнравственным.

Мы перечислили выше лишь часть основных норм коммунистической нравственности. К ним же относятся и такие, как ненависть к врагам, принципиальность, честное отношение к общественному долгу, уважение правил социалистического общежития, скромность, настойчивость в достижении целей, забота о женщине-матери, о детях и стариках, о больных, уважение к достоинству человеческой личности, товарищеское отношение друг к другу, товарищеская взаимопомощь. Все эти нормы вытекают из принципа подчинения людей интересам борьбы за коммунизм и теснейшим образом связаны с ним.

Адепты «вечных» законов права и нравственности могут сказать, что и «официальной» морали буржуазии присущи нормы, предписывающие и любовь к родине, и патриотизм, и сознательный добросовестный труд, и ненависть к врагам (так как даже христианская мораль, призывая «любить ближних», благословляет на борьбу с врагами), и заботу о женщине-матери, детях, стариках и больных и т. д. и т. п. Они могут сказать, далее, что «официальная» мораль буржуазии, как и коммунистическая, провозглашает безнравственными кражу, мошенничество, убийство, клевету, оскорбление личности и т. д. и т. п. Но если так, то не значит ли, что если не все, то огромная часть норм коммунистической нравственности тождественна с нормами не только буржуазной морали, но и с нормами нравственности добуржуазного общества?

Несомненно, значительная часть норм коммунистической нравственности в формулировке своих требований внешне сходна с давно известными человечеству нормами морали. Еще в глубокой древности, например, в Греции, в так называемых «Золотых стихах» Диогена Лаэртийского, в учениях Сократа, Аристотеля и ряда других философов, мы находим, наряду с неприемлемыми для нас ряд предписаний, внешне сходных с нормами коммунистической нравственности. Но значит ли это, что нормы нравственности если не вечны и неизменны, то в некоторой своей части одинаковы у всех народов, начиная с определенного уровня цивилизации? Нет, конечно. Совпадение формулировок отдельных и даже многих предписаний коммунистической системы нравственности и систем нравственности предшествующих эпох ни в какой мере не означает тождественности сущности этих предписаний. Вопрос об их сходстве или различии решается не тем, чего они требуют, а каким классом, во имя чего, в каких целях выдвигаются эти требования и насколько они реальны в условиях

соответствующего строя. Всякое человеческое общество испытывает настоятельную потребность в существовании тех или иных правил общежития. Одни из этих правил общежития характерны лишь для какой-либо одной эпохи, другие — для всех тех эпох, когда в основе общества лежит частная собственность, третьи сохраняются и тогда, когда экономической основой общественного строя вместо частной собственности становится социалистическая собственность, четвертые останутся необходимыми и при коммунизме. Еще В. И. Ленин в труде «Государство и революция» писал о коммунистическом обществе, что там избавленные «...от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкну*т к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством». И далее, возвращаясь к этому же вопросу, он подчеркивал, что при коммунизме «...*необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития, очень скоро станет *привычкой*»¹.

В то же время В. И. Ленин разоблачал антинаучность утверждений о «вечных» и «неизменных» законах морали, показывал в своих трудах историческую изменчивость содержания морали вместе с изменением материальных основ общества, показывал, что строительство нового, а именно социалистического общества ведет к возникновению новых норм нравственности. Он неоднократно ссылаясь на «Анти-Дюринг» Энгельса и высказывал полное согласие с изложенными там взглядами. Энгельс же, разоблачая учение о «вечных истинах» в морали, писал, что, например, такая известная со времени древности норма морали, как «не укради», сохраняясь в различные эпохи в силу наличия «общего исторического фона», наличия частной собственности, безусловно отомрет при коммунизме, где, в силу материальных основ этого строя, будут устранены полностью все поводы к краже.

В условиях эксплуататорского строя нормы господствующей морали, внешне сходные с соответствующими нормами коммунистической морали, являются чисто показными нормами, фальшиво провозглашаемыми эксплуататорами в целях удержания в узде эксплуатируемого большинства. В социалистическом же обществе все нормы коммунистической морали являются действительными нормами поведения, выражающи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 434—446

ми единство воли и сознания всего народа, их насущные моральные потребности, обусловленные и материальными основами и уровнем сознательности. Формальное сходство (в смысле словесной формулировки) ряда норм коммунистической морали с частью «веками известных, тысячелетиями повторяющихся» правил общежития имеет место при глубоком, коренном различии существа тех и других.

Так, например, и в социалистическом обществе в состав норм безраздельно господствующей здесь коммунистической морали входит норма, запрещающая кражу. Хотя у нас право на труд обеспечено всем гражданам и ликвидированы те материальные условия, которые неизбежно порождают массовые кражи в эксплуататорских обществах, тем не менее, кражи, хищения еще не изжиты. Это объясняется главным образом сохранением пережитков капитализма в сознании тех или иных людей в силу отставания сознания от изменений материальных условий общества, а также наличием капиталистического окружения, что тормозит изжитие полностью влияния на отдельных людей буржуазной идеологии. Отсюда возникает необходимость и в условиях победившего социализма нормы «не укради».

Но эта норма коммунистической морали прямо противоположна внешне сходной с нею норме, например, буржуазной морали, также запрещающей кражу. Если последняя, выставляя моральный запрет кражи, преследует этим защиту частнособственнических интересов, обслуживание капиталистического базиса, то норма коммунистической морали, запрещающая кражу, исходит из интересов рабочего класса и всех трудящихся, направлена, как и вся коммунистическая мораль, на обслуживание социалистического базиса и постепенный переход к коммунизму.

Все те нормы коммунистической нравственности, которые по формулировке своих требований или запретов внешне сходны с нормами старых систем морали, будучи порождены совершенно иными материальными основами общества, составляя часть надстройки над совершенно иным базисом, исходят из другого, принципиально отличного принципа, преследуют другую цель, имеют другое социально-экономическое содержание. Кроме того, им абсолютно чужды ханжество и лицемерие, которыми отличаются сходные нормы старых систем морали. Так, требование буржуазной морали защищать отечество в тех случаях, когда речь идет о несправедливой войне, насквозь лицемерно и фальшиво, так как имеет целью заставить эксплуатируемых стать пушечным мясом и помогать эксплуататорскому государству в закабалении трудящихся масс других стран. В резолюции конференции заграничных

секций РСДРП в 1915 г., происходившей во время империалистической, несправедливой войны, правильно указывалось: «фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным буржуазным обманом народа»¹.

Сказанное не означает, что лозунг защиты отечества никогда не может быть в капиталистических странах нормой пролетарской морали. В тех случаях, когда речь идет о справедливой войне, пролетариат этих стран и его авангард — коммунистические партии — показывают примеры мужества и самоотвержения, что красноречиво подтверждает история, в частности свежие у всех в памяти годы второй мировой войны.

Напомним, что французская коммунистическая партия возглавила борьбу масс против фашистских оккупантов. За годы второй мировой войны во всех капиталистических странах, подвергшихся нападению со стороны гитлеровской Германии, Италии и Японии, именно коммунистические партии показали, как надо защищать свою страну от агрессоров.

Классическое разъяснение того, как надо понимать известные слова «Манифеста Коммунистической партии» о том, что рабочие не имеют своего отечества, дал В. И. Ленин в письмах к Инессе Арманд, написанных в конце 1916 г. Указывая на неправильное понимание этого места «Манифеста» Инессой Арманд, он писал: *«Вообще же говоря, мне кажется, что Вы рассуждаете как-то немного односторонне и формалистично. Взяли одну цитату из „Коммунистического манифеста“ (рабочие не имеют отечества) и хотите как будто без оговорок применять ее, вплоть до отрицания национальных войн.*

Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории.

Отечество понятие историческое. Иное дело отечество в эпоху или еще точнее: в момент борьбы за свержение национального гнета. Иное дело — в момент, когда национальные движения далеко позади. Для „3-х типов стран“ (§ 6 наших тезисов о самоопределении²) не может быть одинаково применимо при всех условиях положение об отечестве и его защите.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., 1940, стр. 219.

² См. «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы)», где говорится об этих трех типах стран (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 132—145).

В „Коммунистическом манифесте“ сказано, что рабочие не имеют отечества.

Справедливо. Но там сказано *не только* это. Там сказано еще, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и *забывать* его *связь* со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно.

В чем же состоит эта связь? По-моему, именно в том, что в *демократическом* движении (в такой момент, в такой конкретной обстановке) пролетариат не может отказаться от поддержки его (следовательно, и от защиты отечества в войне национальной)»¹.

В. И. Ленин, напоминая о том, что Маркс и Энгельс не раз звали к национальной войне, делает вывод, что признание «защиты отечества» в национальной войне вполне отвечает марксизму. Эти же замечательные ленинские мысли развиты и в ряде других его работ.

Таким образом, указанное выше положение «Манифеста Коммунистической партии» нельзя толковать в том смысле, что требование защиты отечества не может быть нормой морали для пролетариата капиталистических стран. В известных условиях (национальная, справедливая война) такая норма необходимо предъявляется пролетарской нравственностью. Формула «рабочие не имеют отечества» противостоит буржуазному национальному шовинизму, выражает пролетарский интернационализм, исходит из подчинения национального вопроса коренным интересам пролетариата, вопросу о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Пролетарский интернационализм глубоко враждебен буржуазному безродному космополитизму и в отличие от последнего неразрывно связан с чувством глубокой любви к своей родине и своей нации, ее культуре, стремлением к прогрессивному развитию своей страны.

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин дал гневную отповедь буржуазным клеветникам, обвинявшим большевиков якобы в отсутствии у них национальной гордости. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям,— писал он,— чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.-е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувство-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 200—201.

вать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты»¹.

Но именно этот подлинный пролетарский патриотизм в конкретной ситуации в той или иной капиталистической стране заставляет сознательных пролетариев во главе с их авангардом — коммунистической партией — в период несправедливой войны, противопоставлять лицемерному буржуазному лозунгу «защиты отечества» лозунг поражения государства своей страны в данной войне и превращения империалистической войны в гражданскую. И это морально оправдывается тем, что только таким путем в подобной конкретной ситуации трудящиеся могут завоевать себе подлинное отечество, сбросив ярмо эксплуататоров. В. И. Ленин писал в годы первой империалистической войны, что нельзя в XX в., в Европе «...„защищать отечество“ иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины...»².

Если пролетарская мораль в условиях капиталистического строя, как указывалось, в известной ситуации выступает против лозунга «защиты отечества» именно потому, что речь идет об иллюзорном, мнимом отечестве, то в условиях победы социалистической революции требование защиты отечества всегда и при всех условиях является одной из важнейших норм коммунистической нравственности, так как здесь трудящиеся обрели свое подлинное отечество. В. И. Ленин писал в первый период Советской власти: «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за „защиту отечества“, но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма»³.

«В прошлом,— говорил И. В. Сталин, имея в виду дореволюционную эпоху,— у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа,— у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»⁴.

В этих словах вождя всех трудящихся находит свое выражение подлинное отношение советского народа к этой норме коммунистической нравственности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

² Там же, стр. 86.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 136—137.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 39.

По-новому звучат в СССР требования любви к родине, защиты ее от врагов, само понятие «патриотизм».

Требование коммунистической морали о защите социалистического отечества исходит не из эгоистического принципа меньшинства населения, а из принципа, ставящего превыше всего интересы трудящегося народа. Непосредственная цель этой нормы коммунистической нравственности — организовать массы для защиты своей социалистической родины, своих кровных интересов, своей мирной творческой, свободной жизни.

Могучая сила советского животворного патриотизма с необычайной силой сказала в ходе Великой Отечественной войны, когда все многочисленные народы Советского Союза сплотились вокруг великого русского народа — этой ведущей силы в братской семье народов нашей страны, стеной став на защиту социалистической родины.

Ходом и итогами Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. блестяще подтверждены высказывания Энгельса, который в 1845 г., имея в виду будущее общество, говорил: «И примите при этом во внимание, господа, что член такого общества в случае войны, которая, конечно, может вестись только *против антикоммунистических* наций, должен защищать *действительное* отечество, *действительный* очаг, что он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, пред которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии. Помните, какие чудеса совершал энтузиазм революционных армий от 1792 до 1799 г., которые боролись только за *иллюзию*, за *мнимое отечество*, и вы должны будете понять, как сильна должна быть армия, которая борется не за иллюзию, а за реальную действительность»¹.

Советские люди знали, за что они борются, понимали всю справедливость введомой ими войны, и, не жалея жизни, защищали завоеванный ими социалистический общественный и государственный строй, свое социалистическое отечество, открывшее им безграничные горизонты. Советский патриотизм представляет собой, таким образом, не слепое чувство привязанности к земле, на которой человек родился и вырос, а сознательное чувство преданности к утвердившемуся на этой земле, созданному собственными руками советскому социалистическому строю. Это прекрасно выражено в повести Б. Горбатова «Алексей Куликов — боец». Герой этой повести — типичный советский воин — говорит: «А мне не всякая Россия нужна. Если хочешь знать, я не на всякую Россию согласен.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 278.

Мне нужна Россия, чтобы я был в ней хозяин, как и раньше, на своей земле... Советская Россия мне нужна».

И. В. Сталин в годы войны справедливо указывал:

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами»¹.

Нельзя не видеть всей глубины различия между внешне «сходными» велениями или запретами столь глубоко различных систем морали. Хотя и буржуазная мораль и коммунистическая мораль, утвердившаяся в нашей стране, требуют защиты отечества, но в условиях победы социалистической революции изменились не только цель, мотивировка, принцип этого требования и отношение к нему масс, но и сам объект, на который направлено требование.

Возьмем другую внешне «сходную» норму — уважение к общественному долгу. «Официальная» буржуазная мораль, призванная маскировать волчью мораль капитализма, лицемерно превозносит святость общественного долга. В буржуазной морали принципом этой нормы является сохранение общественных порядков, выгодных и угодных эксплуататорскому классу. Цель этой нормы — подчинить поведение людей эгоистическим интересам этого класса. Конкретное содержание этого «общественного» долга устанавливается буржуазией не в интересах общества, а в своих узко корыстных интересах. Следовательно, здесь лицемерно именуется общественным долгом то, что в действительности является обязанностью.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, стр. 160—161.

навязываемой эксплуатируемым господствующим классом в своих эгоистических целях. И если буржуазные политики и моралисты, призывая к выполнению «общественного» долга, ссылаются на интересы общества, то обычно действия, к выполнению которых призываются члены общества, на деле противоречат действительным интересам подавляющего большинства этого общества, т. е. трудящихся. Так, при забастовках в капиталистических странах правящий класс, ссылаясь на общественный долг, призывает добровольцев для замены бастующих рабочих. Работа штрейкбрехеров является работой «во имя общественного долга» лишь в глазах буржуазии. Такой же «общественный» долг, по мнению буржуазии, выполняют и жандармы. Для сознательных же слоев пролетариата капиталистических стран общественный долг означает борьбу со штрейкбрехерами, борьбу с капиталистическим строем вообще и его государством. Другими словами, в обществе, разделенном на антагонистические классы, самое понятие общественного долга различно у различных классов: то, что является выполнением общественного долга в глазах господствующего класса, представляется в глазах эксплуатируемых масс делом, направленным против интересов общества.

Общественный долг в СССР — это выполнение того, что повелительно предписывается интересами подавляющего большинства народа, а со времени ликвидации эксплуататорских классов — интересами всего советского народа. Исходным принципом нормы советской социалистической морали, требующей от граждан СССР уважения к общественному долгу, опять-таки является принцип подчинения поведения людей интересам борьбы за коммунизм. Цель этой нормы — укрепить сплоченную, солидарную дисциплину советских людей, обеспечить интересы социалистической родины воспитанием в ее гражданах сознания необходимости строгого выполнения того, что требуется в этих интересах.

И буржуазная, и коммунистическая мораль включают нормы, предписывающие добросовестный, честный труд. Но цель этой нормы в буржуазной ханжеской морали, рассчитанной не на буржуазию, а на трудящихся, заставить большинство, т. е. трудящиеся массы, работать на паразитическое меньшинство. Исходный ее принцип — увековечение эксплуатации человека человеком; частнособственнического строя, основанного на этой эксплуатации. Узко эгоистический, враждебный интересам эксплуатируемых характер этой нормы, и ханжеская лицемерная сущность особенно проявляется в том, что, проповедуя эту норму морали массам, буржуазия проникнута презрением к труду, сама освобождает себя от труда.

Может ли эта норма буржуазной морали стать нормой пролетарской морали в капиталистических странах? М. И. Калинин ясно показал, что сознательному пролетарию и в капиталистических странах претит плохая работа, так как он знает, что хотя доход от нее и попадает лишь буржуа, но пользоваться той или иной продукцией будут широкие массы населения, что плохое качество предметов потребления бьет не по буржуа, а по массам, их потребляющим. Сознательный рабочий уважает добросовестный умелый труд. Но норма нравственности, навязываемая ему буржуазией, не может быть воспринята пролетарской моралью, потому что эта норма имеет в виду подневольный труд, труд не по свободному выбору, труд не на себя, а на эксплуататоров, в условиях хронической массовой безработицы она превращается просто в издевательство.

Вот почему сознательные слои пролетариата в капиталистическом обществе создают свои нормы нравственности, которые требуют подчинить свое отношение к труду интересам борьбы против капиталистического строя, интересам борьбы за освобождение рабочего класса и всех трудящихся. Эти нормы, требуя добросовестного отношения к труду, поскольку это входит в интересы широких масс, предписывают забастовки в тех случаях, когда это диктуется интересами рабочего класса, и даже в известных случаях уничтожение или порчу продуктов труда или орудий труда. Например, в фашистской Германии и во Франции в период немецкой оккупации рабочие-антифашисты старались изготавливать непригодное вооружение, выводить из строя производящие его станки. Грузчики портов послевоенной Франции и некоторых других стран сбрасывают в море военные грузы, направляемые империалистами для ведения войны во Вьетнаме и других странах. И это представляется высоко моральным с точки зрения пролетарской морали.

В СССР впервые в истории труд является трудом не на эксплуататоров, а на общество в целом, т. е. на себя, результаты этого труда идут на повышение общего уровня жизни масс.

В СССР ликвидирована безработица и действительно обеспечено всем гражданам право на труд. Труд в СССР это свободный от всякой эксплуатации, разумный, творческий труд на себя, на общество в целом. В этих условиях нормы коммунистической нравственности предписывают не только добросовестный и честный труд, дисциплину труда, но и отношение к труду как к делу чести каждого способного к труду гражданина. Нормы коммунистической морали выражают коренные интересы каждого гражданина и всего совет-

ского народа в целом. Исходя из принципа подчинения поведения людей интересам борьбы за коммунизм, эти нормы в СССР имеют целью воспитать у всех поголовно членов общества коммунистическое отношение к труду. Соблюдение этих норм ведет к повышению уровня благосостояния общества в целом и ускоряет продвижение к коммунизму.

Так можно продемонстрировать принципиальное отличие любой нормы социалистической морали от нормы буржуазной морали.

Следовательно и тогда, когда столь различные системы морали выдвигают внешне, т. е. по своей словесной формулировке, сходную норму, по существу — это глубоко различные нормы морали.

Вот почему, хотя наличие ряда одинаково звучащих требований морали в разные эпохи и в разных по своей классовой структуре обществах, бесспорно, термин «элементарные нормы нравственности» в марксистской литературе справедливо встречает настороженное отношение, как ассоциирующийся с рядом ошибочных, немарксистских взглядов¹.

Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»².

К числу этих идей относится и идея о вечности и неизменности нравственных законов, возвышающихся над пестрым многообразием норм нравственности, существующих у различных народов. Пролетариат отбрасывает подобные антинаучные идеи, как и те ведущие принципы, на которых буржуазия строила свою систему норм нравственности, и заменяет их принципиально иными.

Взявши государственное руководство обществом в свои руки, рабочий класс, руководимый коммунистической партией, вместо ханжески лицемерной «официальной» буржуазной морали, оборотной стороной которой является «волчья» мораль капитализма, создает единую, т. е. враждебную всякой «двойной бухгалтерии», систему социалистической морали, которая, полностью соответствует материальным и духовным

¹ Яркие примеры такого немарксистского толкования нравственности содержатся у Плеханова в его статьях, написанных в период первой империалистической войны (см. Сборник «Марксизм и этика», Харьков, 1925, стр. 203—210).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, М., 1948, стр. 78.

потребностям вышедшего из горнила социалистической революции общества, становится одной из движущих его сил, направляющих развитие этого общества по пути к социализму и после его построения — к коммунизму.

Еще в 1906 г. И. В. Сталин, разъясняя суть материалистического учения марксизма, писал: «Если сознание людей, их нравы и обычаи определяются внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, то ясно, что мы должны способствовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и его политические порядки»¹. Коренное переустройство экономических отношений, экономического базиса общества в нашей стране и привело постепенно к тем огромным сдвигам в сознании масс, которые характеризуют период социализма.

Социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, отношения людей в процессе производства, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников, составляют материальную основу социалистической морали, утвердившейся в нашей стране. При этом, однако, нельзя упускать из виду, что ведущие идеи коммунистической морали возникли еще задолго до победы социализма и до победы социалистической революции. Они были вызваны к жизни задачами, поставленными развитием материальной жизни еще в условиях капитализма. Эти идеи, став достоянием народных масс, мобилизовывали и организовывали массы против отживающих сил общества и облегчали их свержение, победу социалистической революции, активно способствовали слому старого базиса и старой надстройки, формированию нового, а именно социалистического базиса и социалистической надстройки, созданию материальной основы социализма. Особую же силу и влияние идеи и принципы коммунистической морали приобретают именно при наличии уже сформировавшегося социалистического базиса.

Только в условиях победившего социализма новое, а именно, коммунистическое отношение к труду стало качеством, характерным для подавляющего большинства членов советского общества. Только в этих условиях могли установиться и получить всенародное признание нормы коммунистической нравственности, определяющие отношение к труду, как к делу чести. Доказательство того, что эти нормы всенародно призна-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 320.

ны и последовательно осуществляются если не всеми поголовно трудоспособными гражданами, то во всяком случае подавляющим большинством их, является могучее и все развивающееся массовое социалистическое соревнование, охватившее как города, так и села нашей необъятной страны. Только в условиях социализма могло возникнуть и развернуться стахановское движение — эта высшая форма социалистического соревнования. Только в этих условиях новая, а именно сознательная социалистическая дисциплина труда могла стать и стала в глазах всего народа важнейшей нравственной категорией, сделалась нравственной потребностью советского человека.

В нашей стране моральный облик человека, а соответственно и его моральная репутация, отношение к нему общественности, проявляется прежде всего в его отношении к труду. Передовики труда, о какой бы отрасли его ни шла речь, будь то ученые, инженеры, рабочие, рядовые колхозники, — самые почетные граждане в нашей стране.

«Духовный облик нынешних советских людей виден, прежде всего, в сознательном отношении к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед Советским государством»¹.

Социалистическое соревнование, стахановское движение имеют исключительно важное значение не только для народного хозяйства, ускоряя создание материальной базы коммунизма, но и способствуют в огромной степени все убыстряющемуся стиранию противоположности между физическим и умственным трудом, коммунистическому воспитанию людей, изживанию пережитков прошлого в их сознании. Означая само по себе огромное повышение морального уровня народа, стахановское движение в его различных формах, массовое социалистическое соревнование, вовлекая все новые и новые массы людей, поднимают их на уровень передовых, выдвигают новые нормы коммунистической нравственности, создают новые моральные понятия.

На XVI партийном съезде, когда стахановское движение находилось на первом, начальном этапе своего развития, И. В. Сталин в своем докладе с присущей ему прозорливостью раскрыл все значение этого движения. «Самое замечательное в соревновании, — говорил он, — состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бременя,

¹ В. М. Молотов. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1947, стр. 27.

каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»¹.

В условиях победившего социализма, известная и ранее норма коммунистической нравственности, предписывающая охрану социалистической собственности и ее укрепление, стала всенародной нормой. Советский народ на своем опыте убедился, что социалистическая собственность является действительно основой советского строя, сделавшего трудящихся хозяевами своей страны и своей судьбы, что социалистическая собственность есть источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Коммунистическая нравственность в отличие от нравственности буржуазной не знает в своем составе таких норм, которые были бы показными. Все нормы социалистической нравственности являются действительными регуляторами поведения членов социалистического общества. Эти нормы являются той идейной основой, на которой складываются новые социалистические обычаи или, другими словами, правила социалистического общежития в узком смысле (в широком смысле правилами социалистического общежития являются все вообще нормы, действующие в социалистическом обществе и выражающие передовые взгляды этого общества, следовательно, в том числе и нормы права).

Очень интересный и важный вопрос о правилах социалистического общежития не получил еще должной разработки в нашей специальной литературе. Однако все авторы согласны в том, что в этих правилах социалистического общежития находят свое проявление и подкрепление правила социалистической нравственности. Это несомненно так. Но значит ли это, что правила социалистического общежития в указанном узком смысле и есть не что иное как нормы социалистической нравственности?

Возьмем такие важнейшие правила социалистического общежития, как правила, регулирующие социалистическое соревнование. Право активно способствует развитию социалистического соревнования, оно закрепляет такую лежащую в основе социалистического соревнования норму социалистической нравственности как отношение к труду, как к делу чести, предусматривает меры поощрения передовиков социалистического соревнования, обеспечивает организационные условия для выполнения участниками социалистического соревнования взятых на себя обязательств. Однако право не предписывает членам социалистического общества в обязательном

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 315.

порядке соревноваться друг с другом, не карает людей, не участвующих в социалистическом соревновании или невыполнивших взятые в соревновании обязательства, не рассматривает отношения, возникающие между участниками социалистического соревнования как юридические отношения, предоставляя общественной инициативе самих масс определять и конкретизировать правила социалистического соревнования, содержание и формы конкретных отношений между участниками социалистического соревнования. Правильно отмечает Н. Г. Александров: «Моральный, а не юридический характер идеологических отношений по участию в социалистическом соревновании очевиден из того, что выполнение обязательств, принимаемых работником в порядке социалистического соревнования, не гарантировано государственным принуждением, равно как самое вовлечение трудящихся в соревнование обеспечивается исключительно методом убеждения, общественным мнением. Этому не противоречит то, что на лиц административного персонала возложена юридическая обязанность содействовать развитию социалистического соревнования и что выполнение работником социалистических обязательств стимулируется также оплатой по количеству затраченного труда»¹.

Массовый характер социалистического соревнования в нашей стране свидетельствует о том, насколько нормы коммунистической нравственности, определяющие новое отношение к труду, являются подлинным регулятором поведения масс, выражают действительно установившееся в нашей стране новое, коммунистическое, отношение к труду как к делу чести, делу славы, делу доблести и геройства. Участие в социалистическом соревновании вошло в неписанный кодекс морали каждого сознательного советского человека. В процессе же этого массового социалистического соревнования самими массами были выработаны такие социалистические обычаи, которые регулируют и порядок вызова на социалистическое соревнование и общий характер выставляемых взаимных обязательств применительно, разумеется, к каждой отрасли труда, к специфике каждого производства и порядок проверки соревнующимися хода выполнения своих обязательств и конечных результатов, устанавливают формы поощрения передовиков социалистического соревнования и т. д.

Таким образом, в правилах социалистического общежития, регулирующих отношения по социалистическому сорев-

¹ Н. Г. Александров. Трудовое правоотношение. М., 1948, стр. 55—56.

нованию, конкретизируются нормы коммунистической нравственности, определяющие и отражающие отношения советских людей к труду, их моральный облик вообще. В правилах социалистического соревнования находят отражение и детализацию не только нормы о труде, но и целый комплекс иных норм коммунистической нравственности: товарищества, критики и самокритики, помощи отстающим, советский животворный патриотизм, любовь к социалистическому отечеству, забота об укреплении социалистического государства, об интересах народа, честное отношение к общественному долгу, уважение к правилам социалистического общежития, сознательная социалистическая дисциплинированность. Следовательно, один и тот же социалистический обычай, опосредствующий отношения по социалистическому соревнованию, не сводится к выполнению лишь одной нормы нравственности, а связан с комплексом этих норм. Этот замечательный социалистический обычай представляет собой выработанные самой общественностью и вошедшие крепко в жизнь организационные формы, посредством которых осуществляется на практике социалистическое соревнование и воплощаются в жизнь нормы коммунистической нравственности, регулирующие отношение к труду, взаимоотношение членов социалистического общества в процессе труда, отношение их к своему социалистическому государству, к обществу в целом.

Социалистические обычаи, имея своей идейной основой нормы коммунистической нравственности и своим содержанием новые, социалистические, отношения людей в той или иной области жизни и деятельности, представляют собой определенные организационные формы, выработанные самой общественностью, детализирующие и конкретизирующие общие принципы коммунистической нравственности, применительно к особенностям тех отношений, которые опосредствуются каждым социалистическим обычаем в отдельности.

* * *

Коммунистическая нравственность не представляет чего-либо неизменного, застывшего. Она непрерывно развивается. Коммунистическая нравственность первой фазы нашего государства существенно отличается от того, что представляла собой коммунистическая нравственность до победы социалистической революции, когда носителями этой нравственности являлись лишь передовые слои общества, его авангард, в лице пролетарской партии.

Коренной переворот в положении рабочего класса и всех трудящихся в силу победы социалистической революции,

превративший именно те классы, которые ранее выталкивались из политики, в классы, управляющие государством, своим государством, принципиально отличным от буржуазного государства, превращение основных средств производства во всенародное достояние,— все это, разумеется, потребовало возникновения новых норм коммунистической нравственности, отражающих этот переворот. Коммунистическая мораль из совокупности соответствующих взглядов и норм авангарда угнетенного класса, направленных на свержение эксплуататорского общества, на слом его базиса и его надстройки, с победой социалистической революции превратилась в составную часть новой надстройки над новым, формирующимся базисом.

В ходе социалистического строительства формировался моральный облик советского человека, создавались и упрочивались новые нормы коммунистической нравственности. Победа социализма и установление морально-политического единства народа благодаря ликвидации эксплуататорских классов, безраздельного господства социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, означали новый этап в развитии коммунистической нравственности, превращение ее во всенародную. Этот этап характеризуется повышенными моральными требованиями общества к своим членам и возросшей ролью коммунистической нравственности в регулировании поведения людей.

Советские люди в годы грозных военных бурь убедились на собственном опыте в том, какую огромную и могучую силу представляют вдохновенные идеи и принципы коммунистической нравственности. Блестящую и всестороннюю разработку такого важного вопроса как роль морального фактора в войне мы имеем в трудах Ленина и Сталина. Особенно много дает для уяснения его тот глубокий анализ, который дан И. В. Сталиным в его замечательной книге «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Еще на самом первом этапе войны, когда над нашей Родиной нависла смертельная опасность, И. В. Сталин в своем научном прогнозе неизбежности провала человеконенавистнических планов гитлеровской Германии выделял особо моральный фактор. Он указывал, какую силу придает Советской Армии наличие у нее благородной и возвышенной цели войны, какой не имеет и не может иметь ее морально деградировавший противник.

«Нынешняя война,— говорил И. В. Сталин,— со всей силой подтвердила известное указание Ленина о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те

государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны. Именно таким государством является наше государство»¹. Это значит, и опыт Великой Отечественной войны это подтвердил, что моральные качества нашей армии, нашего народа в целом, нравственный облик советского человека, нравственный идеал, вдохновляющий наше общество, великие принципы коммунистической нравственности, объединяющие духовно наш народ, представляют собой неиссякаемый источник силы для победы над всякими врагами.

В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. благородство и красота коммунистической морали, ее превосходство над любой иной моралью нашли ярчайшее выражение в массовом, беспримерном героизме, невиданной стойкости, выдержке и самоотверженности нашего народа.

Принципы коммунистической морали и их превосходство над принципами буржуазной морали не менее ярко выразились и в освободительной миссии Советской Армии, раскрепостившей от фашистского ига ряд народов, в братской помощи, оказываемой советским народом многим странам, во всей замечательной деятельности СССР по обеспечению справедливого мира, его борьбе с происками мировой реакции, с поджигателями новой мировой войны, борьбе за прогресс, за демократию.

Во всех углах земного шара названия таких русских городов, как Ленинград, Сталинград, Севастополь, Москва, звучат как синонимы слов «доблесть», «честь», «героизм», «слава», «принципиальность». На всех языках мира слова «Советский Союз», «Советское государство», «Советская Армия», «Сталин» ассоциируются в сознании трудящихся с понятиями о высшей справедливости, воплощенной в стране социализма, о духовном благородстве и высших нравственных качествах советского народа.

Все больше и больше зарубежные трудящиеся массы осознают несоответствие навязываемой им буржуазной системы моральных взглядов, понятий, норм современному положению вещей и потребностям общества. Отсюда естественен тот огромный интерес, который вызывает к себе у всего прогрессивного человечества коммунистическая мораль, в действительности, силе и жизненности которой весь мир уже смог убедиться за эти годы.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, стр. 119.

Советский народ, победоносно закончив войну, вернулся к прерванному ею мирному труду. Огромные задачи встают перед ним на данном этапе. Полный веры в свои силы советский народ, под водительством Сталина, приступил к выполнению новых задач быстрейшего и полного расцвета социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

Учение Ленина и Сталина о коммунистической морали, вдохновлявшее советских людей в дни войны, оказывает такое же благотворное влияние и в дни мира. Огромный политический и производственный подъем нашего многонационального народа, так полно сказавшийся, в частности, на итогах всех послевоенных выборов в высшие и местные органы власти, дает дополнительный и исключительно яркий материал, свидетельствующий о прочности морально-политического единства нашего общества.

Тот неизменный успех, с которым проходят в нашей стране выборы, еще раз доказывает огромный нравственный и политический авторитет нашей партии, безграничное доверие к ней. Партию Ленина — Сталина наш народ чтит не только как блестящего организатора производственных, культурных и военных побед, но и как своего воспитателя, вооружившего народ нравственным идеалом, возвышенными принципами коммунистической морали и культивирующего в людях нашей страны ценнейшие моральные качества.

В идущем под руководством партии Ленина — Сталина гигантском процессе воспитания людей в духе коммунистической сознательности, все более глубокого утверждения во всех сферах жизни общества благородных норм коммунистической нравственности, огромная роль принадлежит в нашей дружной семье народов великому русскому народу, его замечательным моральным качествам. Эти качества русского народа подчеркнул И. В. Сталин в известной речи в связи с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, указав на авторитет и доверие, которое русский народ заслужил у всех народов нашей страны проявленными им стойкостью, героизмом, твердостью характера, благородством и ясностью поставленных целей, настойчивостью в их достижении, уважением ко всем нациям и расам.

Моральным образцом для советских людей, живым воплощением в себе всех высших моральных качеств являются бессмертный Ленин и его великий преемник, зодчий коммунизма — товарищ Сталин.

Г л а в а 3

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Советское социалистическое право и утвердившаяся в нашей стране коммунистическая нравственность находятся в самом тесном взаимодействии друг с другом, в неразрывной связи¹. Они служат одной и той же конечной цели — построению коммунизма. «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма», — говорил В. И. Ленин в своей замечательной речи «Задачи союзов молодежи»². Ту же цель имеет перед собою и социалистическое право с первых дней его установления, что нашло прямое выражение в ряде важнейших правовых актов. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа начиналась со следующих слов: «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, 3-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановляет...»³ Далее следовали

¹ См. по этому вопросу: Акад. А. Вышинский. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, «Советское государство и право», 1939, № 3; Ф. В. Константинов, Роль социалистического сознания в развитии советского общества.— Сб. «О советском социалистическом обществе», М., 1949, стр. 403 и сл.; А. Денисов. Теория государства и права, М., 1948, стр. 299 и сл., «Теория государства и права», Юриздат, М., 1949, стр. 131 и сл.; М. Карева. Роль советского права в воспитании коммунистической сознательности, «Большевик», 1947, № 4

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 270.

³ Первая советская конституция. Сборник документов под ред. А. Я. Вышинского, М., 1938, стр. 355.

всемирно известные замечательные положения об отмене частной собственности на землю, леса, недра и воды, о превращении помещичьей собственности в общенародное достояние, о национализации банков и т. д. Как известно, первая советская конституция — Конституция РСФСР 1918 г. — включила в себя названную Декларацию. Таким образом, указанная выше конечная цель советского социалистического права и коммунистической нравственности была официально закреплена в основном законе РСФСР, и притом дважды, так как та же цель, но другими словами, выражена в его II разделе¹. Аналогичные формулировки вошли и во все первые конституции братских советских республик. То же самое имеется и в конституциях союзных республик, принятых после образования Союза ССР. «Настоящая Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, — читаем мы в ст. 1 Конституции 1925 г., — исходит из основных положений декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским Съездом Советов, и основных начал Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятой V Всероссийским Съездом Советов, и имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Сталинская Конституция, так любовно и гордо названная народом по имени ее творца, отразила факт уничтожения эксплуататорских классов и построение социалистического общества, где уже осуществляется принцип первой фазы коммунизма, т. е. социализма: «от каждого — по его способности, каждому — по его труду».

Соответственно общей и для социалистического права и для социалистической нравственности цели, каковой является построение полного коммунизма, Советское государство, устанавливая те или иные юридические нормы, всегда соотносится с тем, какое именно поведение людей (с учетом места и времени) является наиболее целесообразным для обеспечения продвижения общества к этой цели. Оно отказывает в легализации, т. е. признании правомерными, такого поведения, таких поступков или методов действия, таких организационных форм, которые тормозят, мешают, вредят нашему продвижению вперед к этой цели. Но и коммунистическая нравственность

¹ Первая советская конституция, Сборник документов под ред. А. Я. Вышинского, М., 1938, стр. 425.

руководствуется тем же критерием в своих требованиях и запретах. Поскольку все принципы коммунистической нравственности и советского права подчинены указанному выше верховному принципу, многие конкретные требования или запреты и права и нравственности оказываются по содержанию своих предписаний либо прямо тождественными (если не целиком, то в той или иной части), либо теснейшим образом увязанными друг с другом, внутренне согласованными.

Говоря о принципах, мы имеем в виду основные, ведущие идеи права или морали, лежащие в основе того или другого (точнее и того и другого) и имеющие нормативное значение даже тогда, когда они не выражены именно в виде норм, а указываются в качестве цели.

Нормы советского социалистического права нередко прямо воспроизводят содержание тех или иных важнейших норм коммунистической нравственности. Такова, например, статья 12-я Сталинской Конституции об основных обязанностях граждан СССР, где говорится:

«Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: „кто не работает, тот не ест“.

В СССР осуществляется принцип социализма: „от каждого — по его способности, каждому — по его труду“».

По одной этой статье можно судить об общности ведущих принципов коммунистической морали и социалистического права. Следует отметить, что как раз на примере этой статьи можно видеть такую особенность Сталинской Конституции, принципиально отличающую ее от буржуазных конституций, что она фиксирует в своих статьях уже добытое и завоеванное. Закрепленные в указанной статье великие принципы социалистической нравственности, ставшие в силу этого закрепления в Основном законе и ведущими принципами права, отражают установившееся в нашей стране новое отношение к труду, который в СССР является свободным от всякой эксплуатации, трудом на себя, на общество в целом, состоящее ныне лишь из трудящихся. Указанные нормы коммунистической нравственности и социалистического права говорят не о том, что только должно осуществиться, но являются нормами действительного поведения, ибо добровольное следование им уже составляет действительно повседневное правило в нашем обществе для подавляющего большинства граждан.

В социалистическом обществе нет и не может быть характерного и для капиталистического и для иных антагонистических обществ разрыва между нормами морали и права и действительностью. В капиталистическом обществе официально провозглашаемые господствующей в обществе моралью нормы,

как равно и многие нормы права, остаются мертвой прописью, действительным же регулятором жизни являются совсем иные нормы, применение к которым эпитетов «моральные» и «правовые» часто звучит как насмешка. Достаточно указать на нормы права в США, формально провозглашающие равноправие всех граждан США независимо от расы и национального происхождения, вообще все те нормы конституции США, которые лицемерно признают некоторые демократические права и свободы.

В социалистическом обществе нормы права и нераздельно господствующей коммунистической нравственности правильно отражают нормальные, применяющиеся повседневно правила поведения членов этого общества, являются действительными принципами деятельности государства и всех его органов.

Теснейшая неразрывная связь социалистического права и коммунистической нравственности отчетливо видна уже при ознакомлении с кругом основных прав и обязанностей граждан СССР, закрепленных Сталинской Конституцией. «Каждый гражданин СССР,— говорится в ст. 130,— обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

Каждая из этих обязанностей является не только юридической, но и моральной. В советских законах, в первую очередь в Основном законе СССР — Сталинской Конституции, являющейся юридической основой всех советских законов, всех вообще норм советского права, находит свое выражение воля всего советского народа. Советская Конституция и все советское законодательство, включая и подзаконные правовые акты, обеспечивают интересы всего общества в целом, гармоническое сочетание интересов личности и коллектива, интересов гражданина и государства, направлены на успешное продвижение общества к коммунизму, на неуклонный рост материального благополучия советского народа, на укрепление безопасности нашей социалистической Родины от нападений извне. Естественно, что коммунистическая нравственность предъявляет каждому члену общества соблюдение Конституции и исполнение законов социалистического государства.

Рассмотрим в этом свете такую основную обязанность граждан СССР, как соблюдение дисциплины труда.

Огромное экономическое, политическое и моральное значение дисциплины труда, сознательной социалистической дисциплины, было глубоко раскрыто В. И. Лениным еще в первые

годы Советской власти. Определяя диктатуру пролетариата, В. И. Ленин указывал, что «Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация»¹. «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»².

В статье «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко всероссийскому субботнику — маевке» В. И. Ленин, разъясняя все значение этого нового явления, выдвинутого творческой инициативой передовых рабочих, писал: «После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки социализма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного (а затем и международного) хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсживания, которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь — мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников при „вольном“ обмене между ними»³. Со свойственной ему прозорливостью В. И. Ленин уже в первых субботниках увидел ростки нового отношения к труду, новой, сознательной, товарищеской, социалистической дисциплины труда.

От первых субботников до могучего всенародного социалистического соревнования наших дней — таков путь, пройденный нашей страной в деле создания новой, социалистической дисциплины, превращения ее в нравственную потребность всего советского народа в целом, познавшего счастье созидательного труда на себя, а не на эксплуататоров. Утверждение в нашем обществе сознательной социалистической дисциплины пришло не самотеком, а явилось результатом огромной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы Советского государства под руководством большевистской партии. Советское право явилось огромного значения факто-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 343.

² Там же, стр. 386.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 102.

ром в деле укрепления и утверждения социалистической дисциплины. И в данном случае оно исходило из принципа коммунистической нравственности, которая включает в число своих важнейших норм требование блюсти дисциплину труда. Зафиксированная Сталинской Конституцией обязанность соблюдать дисциплину труда является таким образом и основной моральной обязанностью, а не только основной юридической обязанностью.

Это воспроизведение в праве требований коммунистической нравственности ясно выступает при рассмотрении и таких основных обязанностей граждан, как честное отношение к общественному долгу, уважение правил социалистического общежития. Но и все остальные основные зафиксированные в Конституции обязанности граждан СССР (ст. 131—133) столь же ярко свидетельствуют о единстве ведущих принципов социалистического права и нравственности.

«Каждый гражданин СССР,— говорится в ст. 131,— обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Закрепление в Основном законе страны этого важнейшего принципа коммунистической нравственности стало возможным именно потому, что он вошел в плоть и кровь советских людей, уже осознавших все преимущества строя, основанного на социалистической собственности.

Столь же ясно выражают морально-политическое единство нашего народа статьи главы X Сталинской Конституции, завершающие перечень основных обязанностей граждан: «Всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР» (ст. 132).

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» (ст. 133).

Невозможно с большей точностью выразить нормы коммунистической нравственности, определяющие отношение советских людей к их родному государству, к их социалистическому отечеству, их животворный советский патриотизм, чем это сделано в статьях Основного закона СССР. В этом замечательном документе с научной точностью выражены и основные черты морального облика советского человека.

Говоря о тесной, неразрывной связи советского социалистического права и коммунистической нравственности, об общности их ведущих принципов, обычно обращают внимание главным образом именно на статьи Конституции СССР, излагающие основные обязанности граждан СССР. Но то же самое можно видеть и из тех статей Конституции, которые закрепляют и всесторонне гарантируют основные права граждан. Великие права советских граждан на труд, на отдых, на материальную помощь в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование, гарантии равноправия женщин с мужчинами, как равно и всех граждан СССР независимо от их расы и национальности, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни и все остальные великие права и свободы граждан СССР, закрепленные Конституцией, имеют в своей основе вдохновенные принципы социалистической нравственности. Сталинская забота об интересах и нуждах трудящегося человека, о его росте, развитии, пронизывает собою все эти статьи, с такой силой свидетельствующие о преимуществах нашего строя, о его моральной красоте.

Все советское право в целом и каждая его отрасль в отдельности проникнуты духом коммунистической нравственности, полностью соответствуя понятиям советского народа о нравственном, справедливом.

Назовем, для примера, Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. В этом законе, как и во многих других, обращает на себя внимание, в частности, этическая мотивация норм, этические оценки, дающие возможность полнее уяснить связь его требований с нормами коммунистической нравственности.

Вводная часть Закона о пятилетнем плане говорит о великом трудовом подвиге, который совершил в Отечественной войне рабочий класс Советского Союза, о патриотизме советского крестьянства, о беспримерных трудовых подвигах женщин, советской молодежи и т. д., т. е. содержит этические оценки, этическую мотивацию содержащихся в этом замечательном законе правовых норм.

Закон 1951 г. о защите мира раскрывает в яркой формуле моральное значение установления суровой кары за пропаганду войны.

Можно привести длинный перечень различных нормативных актов, сама формулировка которых помогает уяснить неразрывную связь их с нормами коммунистической морали. Характерным в этом отношении является совместное Поста-

новление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мерсприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле», с предельной выразительностью раскрывающее высоконравственное содержание и благородную этическую цель устанавливаемых им правовых норм. Яркое выражение нашли нормы социалистической нравственности, направленные на укрепление советской семьи, в таких актах, как Указ от 8 июля 1944 г. и статьи Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Конечно, эта полная связь социалистического права и коммунистической нравственности не везде, не в любой правовой норме выступает так отчетливо, как в перечисленных выше правовых актах. Тем не менее, эта связь всегда имеется. Запрещаемые советским правом поступки являются одновременно поступками, осуждаемыми социалистической нравственностью. И, наоборот, поощряемые, культивируемые советским правом действия являются теми действиями, к которым призывает коммунистическая нравственность. Те действия, которые с точки зрения коммунистической нравственности являются наиболее вредными, наиболее заслуживающими порицания, рассматриваются и советским уголовным правом как наиболее опасные преступления со всеми вытекающими отсюда последствиями. С точки зрения коммунистической морали наиболее тяжкими преступлениями являются контрреволюционные преступления, измена социалистической родине, шпионаж и т. д. И советское уголовное право выделяет эти преступления в особую группу, предусматривая по ним наиболее суровые меры наказания.

Подавляющая часть норм уголовного права, по крайней мере особенной части УК, представляют одновременно и запреты коммунистической нравственности. Нужно только иметь в виду, что понятие нормы права не идентично с понятием статьи кодекса или закона. Одна и та же норма права может потребовать ряда статей для своего выражения, причем ни в одной из них, взятой в отдельности, она не получит полного выражения и, наоборот, в одной статье кодекса или закона может быть выражено две и более различных норм права.

Если не все запрещаемые коммунистической нравственностью поступки преследуются советским уголовным правом, то трудно, а вернее невозможно, обнаружить такой запрещаемый и караемый уголовным правом поступок, который одновременно не порицался бы коммунистической моралью. И это понятно. Преступление, как оно определяется советским уголовным кодексом, является действием, опасным для советского

общества, а все опасное для общества не может не противоречить господствующим в нем этическим взглядам. Ст. 6 УК РСФСР гласит: «Общественноопасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Совершенно ясно, что такое действие или бездействие, с точки зрения этической оценки его, не может не являться безнравственным. Всякое преступление в условиях социалистического общества является одновременно и нарушением нормы коммунистической морали, а не только права. В этом находит проявление одна из специфических особенностей соотношения права и нравственности в социалистическом обществе. Можно привести в качестве примера тот факт, что в дореволюционной России такие тягчайшие с точки зрения законодателя преступления, как пропаганда революционных идей, борьба против царизма, и т. п. отнюдь не признавались преступлениями в общественном мнении, с точки зрения усвоенных прогрессивной частью общества моральных взглядов.

В наших условиях не может быть разрыва между нравственным сознанием общества и требованиями права уже в силу того, что советское право в условиях победы социализма представляет собою выражение воли всего народа, а следовательно, выражение и его нравственных представлений, идей, взглядов. В основе самого правосудия в СССР лежат те же ведущие принципы коммунистической нравственности, которые в нашем обществе общепризнаны. Закон о судостроительстве СССР и союзных республик (ст. 2) так определяет задачу советского правосудия: «Правосудие в СССР имеет своей задачей защиту от всяких посягательств:

а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР».

Само наказание в советском праве приобретает иное качество, глубоко этический смысл, ибо советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но имеет своей целью также исправление и перевоспитание преступников.

Трудно лучше формулировать этическое значение социалистического правосудия, чем это сделано в цитированном законе: «Всей своей деятельностью,— говорит его ст. 3,— суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития». Выраженные здесь основные принципы социалистического правосудия являются одновременно и принципами коммунистической нравственности.

В зависимости от специфики общественных отношений, регулируемых различными отраслями права, теснейшая связь и общность требований нашего права и нашей нравственности выступает не всюду одинаково ясно, но внимательный анализ везде ее устанавливает. Такая связь в одних отраслях права проявляется более, в других менее отчетливо, но нет ни одной отрасли, где она совершенно отсутствовала бы. Такие принципы коммунистической нравственности, как принцип охраны и укрепления социалистической собственности, строжайшего соблюдения законности, государственной дисциплины, обеспечения законных прав личности лежат в основе всех отраслей нашего права.

Преимущественное внимание, которое уделяется законодателем закреплению и обеспечению в той или иной отрасли каких-либо определенных принципов коммунистической нравственности, объясняется спецификой отдельных отраслей права. Так, естественно, в нормах трудового и колхозного права особенно широко воплощены такие требования и принципы, как строжайшее соблюдение трудовой дисциплины, обязанность честно трудиться и т. п., в области семейного права на первый план выступает принцип укрепления советской семьи, забота о детях и т. д.

Возьмем к примеру трудовое право. Естественно, что здесь с особенной полнотой нашли выражение и подкрепление те нормы коммунистической нравственности, которые относятся к труду, к дисциплине труда. Правильно указывает Н. Г. Александров: «Советское право и советская мораль направлены к тому, чтобы социалистическое отношение к труду вошло в привычку всех членов общества, что составляет одно из необходимых условий завершения строительства

социализма и постепенного перехода советского общества от социализма к коммунизму»¹.

В любой области советского права находит свое проявление всесторонняя забота о человеке нашей страны — о его правах, нуждах, интересах, о его здоровье, отдыхе, образовании и т. д.

Как советское право, так и коммунистическая нравственность исходят из того сталинского положения, что «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»².

Говоря о теснейшей и неразрывной связи социалистического права и нравственности, нельзя ни на минуту упускать из виду, что, в конечном счете, определяющим наше право, как и любое право, является экономический фактор, материальные потребности общества. Общность основных принципов и многих конкретных требований права и нравственности объясняется прежде всего тем, что они имеют общую порождающую и обуславливающую их экономическую основу. Общественное устройство социализма объективно высоконравственно, и любые правовые нормы, содействующие его развитию и укреплению, укрепляют тем самым и коммунистическую нравственность, выражают ее ведущий принцип — подчинение поведения людей высшей цели, каковой является построение коммунизма.

То обстоятельство, что именно во второй фазе развития нашего государства в нормах права особенно широко получают выражение и подкрепление нормы коммунистической нравственности, объясняется именно закреплением в праве общественного устройства социалистического общества и выдвиганием на первый план хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции социалистического государства.

Закрепление в советском праве факта победы социализма и еще более широкое использование права в выполнении хозяйственно-организаторских и культурно-воспитательных задач приводит и к более широкому отражению в праве принципов и норм коммунистической нравственности. Задача еще большего использования права как орудия воспитания масс и подъема культуры потребовала и более широкого закрепления требований коммунистической нравственности в нормах права. Но при этом законодатель, формулируя волю народа в нормах права, строго учитывает при закреплении в них тех или иных требований коммунистической нравственности.

¹ Н. Г. Александров. Указ. соч., стр. 60.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 491.

практическую их выполнимость, и не предъявляет таких требований, применение которых при всей желательности на данном этапе нельзя достаточно обеспечить методами правового регулирования.

Изучение нормативного правового материала под углом зрения интересующего нас вопроса подтверждает бесспорность вывода, уже сформулированного ряд лет назад академиком А. Я. Вышинским: «Социалистическое право выражает собой те же принципы, что и социалистическая нравственность. Здесь никакой грани нет и быть не может»¹.

Именно потому так высок в массах авторитет нашего права, именно потому такую огромную и все возрастающую роль в применении правовых норм имеет у нас убеждение. Наш народ воспринимает советское право как воплощение справедливости.

Когда мы говорим о справедливости нашего права, мы имеем в виду не только субъективные представления членов социалистического общества, но в первую очередь обусловившую эти субъективные представления людей объективную справедливость нашего права, как права полностью отвечающего материальным основам общества, потребностям прогрессивного развития его и утвердившейся в нем коммунистической нравственности.

Оценивая социалистическое право как справедливое, советские люди исходят из объективных критериев. Таковыми являются прежде всего согласованность содержания всех конкретных требований, выраженных в нормах права, с благородной и возвышенной целью — построения коммунизма, последовательный развернутый демократизм нашего права, великие социально-экономические и политические права и свободы, закрепленное в нормах права социалистическое равенство. Конечно, как уже говорилось выше, это — еще не то равенство, которое будет обеспечено при полном коммунизме, ибо социализм не устраняет полностью имущественного неравенства. Но имеющееся у нас некоторое имущественное неравенство в условиях равного отношения всех к основным средствам производства, равного применения ко всем принципа: «от каждого по его способности, каждому — по его труду» и полного уравнивания всех граждан в основных правах и свободах, полностью отвечает понятиям справедливости у членов социалистического общества.

¹ Акад. А. Я. Вышинский. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, «Советское государство и право», 1939, № 3, стр. 8.

Оценивая наше право как справедливое, советский народ имеет в виду также отношения братского сотрудничества равноправных народов, которые оно закрепило в своих нормах, последовательное проведение правом в СССР ленинско-сталинской национальной политики.

Справедливость нашего права подтверждается его подлинным гуманизмом, всесторонней заботой о трудящемся человеке, отраженной в его нормах, культивированием уважения к труду, к трудящемуся человеку и его трудовым заслугам, строгим контролем права над мерой труда и потребления.

Справедливость социалистического права проявляется в его непримиримости к врагам народа, к ворам и расхитителям народного добра и другим преступникам.

Те своеобразные идеологические «ножницы», которые имеют место в антагонистическом строе между нравственным сознанием трудящегося народа, его правосознанием, его понятием о справедливости, с одной стороны, и действующим правом, с другой, в условиях социализма исчезли. Объективная справедливость нашего общественного строя нашла свое отражение в факте ликвидации векового разрыва между правом и нравственным сознанием трудящихся масс.

Во всех классовых обществах, характеризующихся антагонизмом в производственных отношениях, общественное сознание также неизбежно проникнуто антагонизмами.

В социалистическом обществе, где нет эксплуататорских классов, где общественный строй избавлен навсегда от антагонизмов в производственных отношениях, нет и бывшего антагонизма в развитии форм общественного сознания.

Советский народ единоклюбен в оценке социалистического права. На базе морально-политического единства нашего народа выросло и окрепло единое социалистическое правосознание. В отличие от всех антагонистических обществ в социалистическом обществе право закрепляет систему морали, признанную всем народом, ибо моральные воззрения рабочего класса, осуществляющего государственное руководство обществом, разделяются и дружественным ему классом крестьян и трудовой интеллигенцией. Наличие пережитков капитализма в сознании людей не может затемнить факта морально-политического единства народа и полного соответствия нашего права моральным воззрениям и правосознанию нашего народа в целом.

* * *

Диалектика самой жизни, отражающаяся в диалектике понятий, исключает решение проблемы соотношения права и нравственности по методу формальной логики с ее альтерна-

тивными и категорическими или — или, т. е. или советское право тождественно с коммунистической нравственностью, или они представляют не связанные между собой, независимые друг от друга части надстройки социалистического общества. Оба эти решения были бы неправильными. Еще более ошибочным было бы не видеть того значения, которое имеет для правильного понимания соотношения права и нравственности тщательный учет влияния на обе эти составные части надстройки всех других надстроечных явлений и самого базиса общества.

У В. И. Ленина в «Философских тетрадах» мы находим следующее замечательное место, имеющее прямое отношение к рассматриваемому вопросу:

в чем состоит диалектика?	=	= NB
	взаимозависимость понятий » <i>всех</i> » без исключения	Каждое понятие находится в известном <i>отношении</i> , в известной связи со <i>всеми</i> остальными
	переходы понятий из одного в другое » <i>всех</i> » без исключения.	
	относительность противоположности между понятиями...	
	тождество противоположностей между понятиями. ¹	

Эти ленинские высказывания, с такой ясностью раскрывающие существо диалектики, и являются ключом к правильному решению вопроса о соотношении и взаимодействии права и нравственности. В применении к социалистическому праву и социалистической нравственности они указывают на необходимость брать эти понятия не только в их тесной связи между собой, во взаимозависимости, переходе друг в друга, но и в их различии, в их специфике как регуляторов общественного поведения. Мы должны брать их в том жизненном контексте, в тех конкретных взаимосвязях и опосредствованиях, которые имеют место в советском социалистическом обществе на определенных этапах его развития. Таким образом, только отдав себе отчет в том, что представляет собой базис

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 170.

советского общества на различных этапах его развития, какова роль Советского социалистического государства в развитии и укреплении своего базиса, главного орудия построения социализма и обороны страны от нападений извне, какую роль играет в нашей стране партия Ленина — Сталина, политика которой составляет жизненную основу советского строя, в чем сила идей марксизма-ленинизма, как самой передовой революционной теории,— можно правильно понять соотношение и взаимодействие социалистического права и социалистической нравственности. Сам по себе, в отвлечении от всех указанных смежных понятий, вырод о наличии взаимодействия права и нравственности еще ничего не дает. Взаимодействие права и нравственности имеется всюду, где существуют эти оба регулятора поведения людей. В. И. Ленин в «Философских тетрадах», приводя выдержку из Гегеля, где идет речь о взаимодействии законодательства и нравов, подчеркивает «...недостаточность и пустоту *голо*го понятия „взаимодействия“»¹.

Там же В. И. Ленин указывает:

«Только „взаимодействие“ = пустота.

Требование посредства, (связи) вот о чем идет речь при применении отношения причинности»².

Этим В. И. Ленин подчеркивал необходимость не ограничиваться анализом взаимодействия законодательства и нравов, а проследить причины, обуславливающие это взаимодействие и его характер, т. е. изучать соотношение права и нравов, не изолируя эти явления от всего комплекса общественных явлений, а в той диалектической взаимосвязи, которая существует в реальной жизни.

Указывая в «Философских тетрадах», что «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий», В. И. Ленин тут же подчеркивает ограниченность Гегеля следующими словами: «Именно *угадал* не больше»³.

Гегель оказался неспособным раскрыть подлинную диалектику понятий права и нравственности и диалектику отражения в них реального права, и реальной нравственности в том виде, в каком они существуют в каждой данной стране и в каждую данную эпоху. Классовые позиции Гегеля, обусловившие реакционный характер его философии, и в данном случае являются причиной того, что у Гегеля по вопросу о нрав-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 138.

² Там же.

³ Там же, стр. 169.

ственности вообще наговорено, по выражению Ленина, столько «архипошлого идеалистического вздора»¹.

Лишь марксистско-ленинская диалектика дает действительный ключ к правильному уяснению любого вида взаимодействия, в частности взаимодействия социалистического права и социалистической нравственности. И. В. Сталин в своей замечательной работе «О диалектическом и историческом материализме» говорит: «При социалистическом строе, который осуществлен пока-что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципа: „кто не работает, тот не ест“. Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»². Отсюда и возникла такая движущая сила нашего общества, как морально-политическое единство нашего народа. Отсюда возникли такие специфические особенности взаимоотношения права и нравственности в СССР, как выражение в нашем праве подлинных нравственных воззрений, запретов, требований трудящихся масс, т. е. в условиях победы социализма — народа в целом.

Взаимодействие социалистического права и социалистической морали — это взаимодействие в процессе осуществления задач политических учреждений советского общества: коммунистической партии и социалистического государства, это — взаимодействие в условиях согласованной деятельности всех рычагов диктатуры рабочего класса, направляемых коммунистической партией, это взаимодействие — в условиях безраздельного господства в нашем обществе марксистско-ленинских взглядов, в соответствии с которыми строятся и действуют все политические, юридические и иные учреждения. Отсюда ясно, что проблема взаимодействия социалистического права и социалистической нравственности может быть правильно понята лишь в том случае, если ее рассматривать не изолированно от других частей надстройки, а с учетом живой, повседневной связи и взаимообусловленности всех этих частей, на фоне взаимодействия социалистической над-

¹ См. В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 221.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 558.

стройки в ее целом с социалистическим базисом, а через него с производством.

И социалистическое право и социалистическая нравственность, опираясь на социалистические производственные отношения, в утверждении и развитии которых они сыграли огромную роль, направляются и вдохновляются великими задачами, формулируемыми в политике коммунистической партии и Советского правительства.

Нравственный авторитет в нашем народе партии Ленина — Сталина, воплощающей в себе ум, честь и совесть нашей эпохи, нравственный авторитет государственной, подлинно народной власти, придает велениям социалистического права особую силу воздействия и помогает людям уяснить соотношение конкретных требований права с социалистической нравственностью даже в тех случаях, где эта связь не проступает с достаточной наглядностью. Советский народ на всем опыте своей борьбы знает, что все требования, предъявляемые в качестве норм права коммунистической партией и Советским государством, служат верховному принципу социалистической нравственности — принципу подчинения поведения людей задаче построения коммунизма. Уже в силу этого все такие требования являются высоконравственными.

Социалистическое правосознание отражает объективную справедливость социалистического общественного и государственного строя, социалистического права, полное соответствие его требований требованиям коммунистической морали. Социалистическое правосознание играет большую роль и в процессе установления законодателем новых и отмены старых норм права, и в процессе социалистического правосудия, и в повседневном добровольном применении норм права подавляющим большинством членов нашего общества, и в реагировании общественного мнения на правонарушения. Понятно отсюда, сколь велика роль социалистического правосознания в процессе взаимодействия права и морали советского общества как в формировании социалистического базиса, так и в создании материально-технической основы коммунизма, а равно и в коммунистическом воспитании масс.

«Базис,— учит И. В. Сталин,— есть экономический строй общества на данном этапе его развития»¹. На разных этапах развития общества имеют место те или иные изменения в базисе, которые находят свое отражение и в надстройке, претерпевающей соответствующие изменения как в своих частях, так и во взаимодействии между ними. Поэтому при

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 5.

анализе взаимодействия социалистического права и социалистической нравственности требуется строгий учет изменений, происходящих в базисе нашего общества в процессе развития Советского социалистического государства.

Взаимодействие советского права и коммунистической морали в условиях второй фазы развития нашего государства существенно отличается от взаимодействия их в условиях первой фазы, когда социалистический базис только формировался, когда существовали еще многоукладность нашего хозяйства и эксплуататорские классы, когда еще не было морально-политического единства всего народа нашей страны.

Создание социалистического базиса, победа социализма обусловили, таким образом, те или иные качественные изменения не только всех частей надстройки, но и взаимодействия этих частей. Гигантски выросла в условиях морально-политического единства народа мобилизующая и организующая роль передовых (в том числе этических и правовых) взглядов, утвердившихся безраздельно в нашем обществе, неизмеримо увеличилась сила творческого воздействия на базис со стороны политических, юридических и иных учреждений, укрепилось в огромной степени их взаимодействие и влияние в деле коммунистического воспитания масс.

Советское право на протяжении первой фазы, активно содействуя всеми доступными ему средствами победе социалистической системы хозяйства, обеспечивая в соответствии с директивами большевистской партии организационные формы борьбы масс за эту победу, содействовало перевоспитанию людей в духе коммунистической нравственности.

В условиях победы социализма право закрепляет сложившееся морально-политическое единство народа, содействует проникновению во все слои нашего общества принципов коммунистической нравственности и конкретизирующих их социалистических обычаев. В условиях второй фазы взаимодействие права и нравственности еще более углубляется и приобретает новое качество. Огромное значение приобретают в праве моменты морального воздействия: поощрение, стимулирование, культивирование благородных поступков и тому подобные средства воспитания, присущие советскому праву и ранее, но в условиях существования эксплуататорских классов не могущие получить такого большого удельного веса, как ныне. Еще большую роль, чем ранее, занимает в праве убеждение. Это не значит, что, как это проповедовали враги народа, при социализме репрессивные методы в праве начинают отмирать, сокращаться, что право в условиях социализма характеризуется заменой уголовной репрессии моральным осуждением со стороны общественного мнения. Эти враже-

ские проповеди давно разоблачены и разгромлены. Практика осуществления социализма в нашей стране доказала, что в силу повышения морального уровня народа повышаются и предъявляемые как правом, так и моралью к членам социалистического общества требования, что исключает какое-либо послабление в отношении совершающих преступления. Наличие же и в условиях социализма, хотя и во все уменьшающихся масштабах, преступности находит объяснение главным образом в известном отставании уровня сознания людей от изменений в материальных условиях общества и живучести пережитков старого, питаемых существующим еще капиталистическим окружением. С победой социализма наше право предусматривает в отношении ряда преступлений более суровые наказания (например, в отношении расхитителей социалистической собственности, хулиганов и т. д.).

Эта суровость права в отношении всех вредных пережитков старого свидетельствует об отражении в праве повышения моральных требований общества к своим членам и большем использовании методов правового воздействия в нравственном воспитании людей. Причем это не устраняет, но подчеркивает такое характерное при социализме явление, как широчайшее применение правом самых разнообразных методов поощрения действий, особая полезность которых вызывает к себе почет и уважение со стороны нашего народа. Широчайшее поощрение честного инициативного труда во всех его проявлениях, честного отношения к общественному долгу, героических действий на трудовом фронте являются выдающейся чертой права эпохи социализма. Метод поощрения закрепляется огромным количеством правовых норм. К этим нормам относятся статуты об орденах и медалях, о почетных знаках, положения о присвоении почетного звания Героя Социалистического Труда или Героя Советского Союза, матери-героини, законодательство, вводящее Сталинские премии за лучшие достижения в области науки, литературы, техники, искусства, изобретательства, законодательство, предусматривающее денежные премии за перевыполнение производственных показателей, законодательство об оплате труда рабочим и служащим и о начислении и оплате трудодней в колхозах. В развитии метода поощрения при социализме явно сказывается специфика взаимодействия права и нравственности на этом этапе. Этот метод в условиях первой фазы социализма не мог получить столь широкого применения.

Специфика соотношения права и нравственности при социализме заключается не только в том, что наше право выражает и закрепляет моральные взгляды и требования тру-

дящихся, т. е. всего народа, в то время как буржуазное право выражает и закрепляет лишь моральные взгляды и требования буржуазии, т. е. численно незначительной, эксплуататорской части общества. Специфика этого соотношения и в том, что наше право, закрепляя материальные и политические основы общества, воспитывает в людях непримиримость к эксплуатации человека человеком, ко всякому виду угнетения человека, нации, народа, воспитывает людей в духе подлинного демократизма, прививает им высокие благородные чувства. Буржуазное же право, закрепляя материальные основы, порождающие эксплуатацию, и государственный строй, обеспечивающий господство эксплуататоров, т. е. меньшинства, прививает людям ту волчью мораль капитализма, о которой предпочитают умалчивать официальные моралисты буржуазии,— эгоизм, взаимную вражду и недоверие, ханжество и лицемерие.

Сопоставление соотношения права и нравственности при социализме с соотношением права и нравственности в буржуазном обществе, особенно на данном этапе его истории, характеризующемся фашизацией права и моральной деградацией буржуазии, позволяет с особенной ясностью выявить великие преимущества нашего строя, ту пропасть, которая разделяет мир социализма, крепнущий и развивающийся с каждым днем, и мир капитализма, идущий к своему концу.

Там, в лагере империалистической реакции, тщетно ищущем выхода из глубокого кризиса капитализма, агония этого обреченного историей на крушение строя находит яркое выражение и во всех частях общественной надстройки, в том числе и в области права и морали. Право современного буржуазного общества выражает отчаянные потуги буржуазии отсрочить час своей гибели. Ее бессилие сохранить свое господство методами буржуазной демократии не могло не углубить, не усилить имевшийся и ранее разрыв буржуазного права с этическими взглядами подавляющего большинства трудящихся масс. Углубление разрыва неизбежно и в силу того, что трудящиеся массы капиталистических стран именно в последние десятилетия, а особенно в наши дни, самым ходом политической жизни и классовой борьбы все более и более освобождаются от идеологического плена буржуазной идеологии, буржуазной морали. Существование СССР и стран народной демократии является огромного значения воспитательным фактором, способствующим ускорению процесса духовного раскрепощения масс от ига враждебной им буржуазной идеологии и, в частности, буржуазной морали. Тщетно буржуазные политики и моралисты вкупе со своей агентурой в рабочем движении — правыми социалистами пытаются бороться

с влиянием великих идей марксизма-ленинизма. Всепобеждающая сила этих идей доказана фактом победы социализма и строительства коммунизма в СССР, фактом возникновения народно-демократических государств, она проявляет себя и в странах капитализма, привлекая все большее и большее число сторонников из среды широких народных масс. Идеи, овладевая массами, становятся материальной силой, как это давно указывали классики марксизма-ленинизма. Что может противопоставить буржуазия этим великим идеям марксизма-ленинизма? Тщетно мобилизует буржуазия для борьбы против марксизма-ленинизма все реакционные теории прошлого. «Сюда относится в особенности неокантианство, теология, старые и новые издания агностицизма, попытки контрабандой протащить бога в современное естествознание и всякую другую стряпню, имеющую целью подлатать и подкрасить на потребу рынка залежалый идеалистический товар. Таков тот арсенал, который в настоящее время пущен в ход философскими лакеями империализма, чтобы поддержать перепуганного хозяина»¹.

В этом арсенале немалое место занимают учения современных буржуазных юристов и моралистов, пытающихся скрыть, затушевать разрыв буржуазного права с этическими убеждениями подавляющего большинства народных масс, «этизировать», приукрасить буржуазное право, всеми мерами укрепить среди широких масс катастрофически падающий авторитет буржуазного права. Моралисты и юристы буржуазии в равной мере, хотя и различными аргументами, пытаются идеологически укрепить господство буржуазии. Но общий кризис буржуазного общества находит свое проявление и в идеологии. Достаточно отметить такие факты, как огромный размах пропаганды католических учений о государстве, праве, морали, учений, пытающихся существующие в капиталистических странах государство и право подкрепить лицемерной христианской моралью, якобы находящей в них свое воплощение (причем беззастенчиво восхваляется американский государственный строй и правопорядок как наиболее-де соответствующий принципам христианской морали). Столь же красноречивым свидетельством кризиса буржуазной идеологии является экзистенциализм с его человеконенавистническим учением о морали, с его иррационализмом и метафизикой. Всякие сартры, хейденеры, ясперсы и пр., являясь, как и их философия и мораль, отвратительным продуктом разложения и распада буржуазной идеологии, тщетно стремятся увести

¹ А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», М., 1947, стр. 21.

массы от основных проблем современности, от правильного их решения, подорвать в них веру в разум, в достоинство человека, в способность людей перестроить на разумных началах существующий строй. Правые социалисты — идейная опора империалистической буржуазии — выступают разносчиками всех этих реакционных идей, снабжая их при передаче социалистической фразеологией.

Независимо от того, выступают ли те или иные современные буржуазные авторы, пишущие по вопросу о праве и морали, с концепцией строгого размежевания того и другого (неокантианцы, в частности Кельзен, Радбрух, Блюм) или же с концепцией полного отождествления буржуазного права и «общечеловеческой» морали, под которой имеется в виду буржуазная мораль (например, итальянский юрист фашистского толка Дель Веккио, значительная часть юристов католического направления), — различие между ними лишь в приемах, способах «доказательства» необходимости повиновения действующему буржуазному праву. Антинаучность и реакционность являются равно характерными для всех этих «теорий».

Ни одна из буржуазных теорий не может вскрыть подлинное соотношение и взаимодействие права и нравственности в буржуазном обществе, ибо это означало бы вынесение смертного приговора и буржуазному праву и буржуазной нравственности. Только с позиции марксизма-ленинизма обеспечивается правильное освещение реального соотношения частей общественной надстройки. Сами материальные основы буржуазного общества — капиталистическая частная собственность на средства производства и капиталистическая система хозяйства — обуславливают как противоречие между правом, закрепляющим эксплуататорский строй, и этическими взглядами большинства народных масс, так и находящую отражение в праве внутреннюю противоречивость самой буржуазной морали с ее «двойной бухгалтерией» — разрывом между формальным провозглашением в целях идеологического оболванивания масс лицемерных христианских «общечеловеческих» норм морали и реальной волчьей моралью капитализма.

Право современного буржуазного общества, закрепляя неоправдываемый уже давно уровнем производительных сил экономический и политический строй, является одним из средств, способствующих искусственной отсрочке крушения капитализма, усиливающих моральную деградацию буржуазного общества. История учит, что всегда, когда в силу тех или иных причин крушение изжившего себя политического и экономического строя задерживалось, происходило моральное вырождение, разложение господствующего класса, затрагивавшее и более или менее широкие слои других классов. Так,

моральная деградация современной буржуазии не может пройти безболезненно для других слоев общества. Не случайно, что именно в США, где эта моральная деградация буржуазии зашла особенно далеко, имеет место катастрофический рост преступности среди самых различных слоев населения, господство звериных нравов, такие показательные явления американского «образа жизни», как размах гангстерства, стирание граней между бизнесменами и гангстерами, разгул беззакония, учащение случаев линчевания, культивирование расовой ненависти, и т. д. и т. п. Право США, закрепляя пресловутый «американский порядок» и его «моральные» устои, не может не являться в свою очередь фактором деморализации масс. То же можно проследить на праве и остальных капиталистических стран.

Лишь в условиях, когда свергнуто господство капиталистов и помещиков, когда установлено государство социалистического типа и возникли новые, социалистические право и нравственность, право становится фактором морального воспитания людей, средством культивирования высоких моральных качеств человека, внедрения в общество подлинно общечеловеческой по своему объективному содержанию социалистической нравственности. В условиях победы социализма и установления морально-политического единства социалистическая нравственность стала подлинно всенародной. Если уже в условиях, возникших сразу после победы социалистической революции, соотношение нравственности и права коренным образом отличается от соотношения этих частей общественной надстройки в любом эксплуататорском обществе, то еще более оно отличается в условиях, созданных победой социализма. Право в первой фазе социалистического государства в нашей стране (а равно в странах народной демократии, ныне находящихся в первой фазе своего развития) выражало этические взгляды большинства, а именно рабочего класса и идущих под его руководством трудящихся других классов, противореча в то же время этическим взглядам эксплуататорских классов. Нужно также учесть, что именно в силу существования эксплуататорских классов и их влияния на известные слои трудящихся масс, имело место и влияние старых, эксплуататорских систем морали на отсталые слои и самого рабочего класса, и других трудящихся.

Во второй фазе нашего государства в силу ликвидации материальных основ, породивших и эксплуататорские классы и эксплуататорскую мораль, и установления на базе социалистических производственных отношений морально-политического единства народа, советское право полностью соответствует этическим взглядам всего народа, ибо социалистиче-

ская нравственность здесь общепризнана. Это не значит, конечно, что нет уже больше влияния эксплуататорских систем морали. Это влияние еще не искоренено полностью в силу отставания сознания людей от изменений в материальных условиях их жизни. Но нет уже эксплуататорских классов — носителей враждебной морали, нет уже частной собственности на средства производства, неизбежно порождающей эксплуататорскую волчью мораль. Ведя борьбу с пережитками старого в сознании и быту, советское право выражает этические взгляды и волю советского народа в целом, воплощает в себе понятие народа о справедливости. Это обеспечение морально-политического единства народа представляет такое всемирно-историческое значение, которое нельзя не подчеркнуть, ибо в одном этом, как в зеркале, находит отражение величайшее преимущество нашего строя перед любым несоциалистическим строем.

Учение Ленина и Сталина о коммунистической нравственности нашло воплощение и одновременно доказательство своей истинности и силы в реальной действительности в нашей стране.

Таким образом, соотношение и взаимодействие права и нравственности в условиях победы социализма приобретает новое качество.

Укрепление и утверждение в нашем обществе на данной фазе развития коммунистической нравственности ведет отнюдь не к ослаблению роли права, значения методов правового воздействия, а, напротив, к огромному возрастанию этой роли и значения. В условиях морально-политического единства народа и выдвижения на первый план задачи коммунистического воспитания советское право используется широчайшим образом как орудие построения коммунистического общества, создания его материальных и духовных предпосылок.

Ярчайшей иллюстрацией к сказанному могут служить правовые акты последних лет, направленные на преобразование природы, на строительство материально-технической базы коммунизма, на дальнейший расцвет культуры, науки, искусства.

И. В. Сталин учит, что надстройка оказывает воздействие на производство не непосредственно, а через базис. Это значит, что самый характер воздействия надстройки на базис, масштабы этого воздействия зависимы от сущности базиса.

По мере того как формировался социалистический базис, возрастала и активно-творческая роль социалистической надстройки, в частности роль Советского государства, права и коммунистической морали.

В условиях наличия уже сформировавшегося социалистического базиса все составные части социалистической над-

стройки, находящиеся во взаимодействии друг с другом, приобретают невиданную до этого, колоссальную силу воздействия на производство. Это взаимодействие и его эффективность могут быть прослежены на примере воздвижения величественных строек коммунизма. Нет ни одной части социалистической надстройки, которая стояла бы в стороне, не принимала бы активного творческого участия (в специфических для каждой части надстройки формах) в созидании этих великих строек сталинской эпохи под водительством большевистской партии и гениального зодчего коммунизма — И. В. Сталина. Проведение в жизнь установленных Советским государством правовых актов, воплотивших в себе директивы большевистской партии о создании материально-технической базы коммунизма, обеспечивается согласованной работой под руководством партии всех рычагов диктатуры рабочего класса, утвердившейся в нашем обществе передовой идеологией, расцветом науки, высоким моральным уровнем народа, целеустремленным теоретическим воздействием со стороны всех частей надстройки. В частности, взаимодействие советского права и коммунистической морали в строительстве материально-технической базы коммунизма особенно ярко проявляется в той роли, которую играет в осуществлении в кратчайшие сроки сложнейших творческих задач, начертанных в соответствующих правовых актах, гигантский размах социалистического соревнования, стахановского движения, укрепившееся в нашем народе коммунистическое отношение к труду.

Мы стоим в преддверии коммунизма. Зримые черты коммунизма уже налицо в нашей действительности. В неуклонном, все убыстряющемся движении нашей страны под водительством И. В. Сталина и большевистской партии к коммунизму решающая роль принадлежит Советскому социалистическому государству как главному орудию построения коммунизма. Но в осуществлении своей многогранной творческой работы по воплощению в жизнь начертаний большевистской партии Советское государство использует все составные части социалистической надстройки. Среди этих составных частей надстройки огромная роль в строительстве коммунистического общества принадлежит советскому праву и коммунистической морали, их взаимодействию.

Г л а в а 4

ПРАВО И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК РАЗЛИЧНЫЕ ЧАСТИ НАДСТРОЙКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Общность ведущих принципов и многих конкретных предписаний социалистического права и коммунистической нравственности бесспорна. Нельзя ли из этого факта сделать вывод, что в условиях победившего социализма устанавливается такое тождество права и нравственности, которое исключает возможность рассматривать их как различные части общественной надстройки. Не является ли одной из закономерностей социалистического общества, как общества нового, высшего, типа, такое исчезновение, уже на данном этапе, различий между указанными двумя регуляторами общественного поведения, которое означает растворение права в нравственности, либо нравственности в праве? Не является ли та совокупность норм нашего общества, которая именуется правом, лишь частью норм нравственности, за которой наименование права удерживается лишь по привычке, а не в силу каких-либо специфических отличий этих норм от норм нравственности?

На это следует ответить отрицательно. Наличие у прав и нравственности социалистического общества единой материальной основы — социалистических производственных отношений, единой идейной основы — марксизма-ленинизма, то обстоятельство, что и социалистическое право и социалистическая нравственность регулируют поведение одних и тех же людей, объединенных в морально-политическом единстве, что они исходят в регулировании этого поведения из одних и тех же ведущих принципов, все это, обуславливая их согласованное гармоническое взаимодействие, общность многих их требований, отнюдь не должно приводить к заключению об их тождественности, к забвению специфической роли, специфиче-

ского назначения права и нравственности, особых, присущих им характерных черт. Не случайно, что право отомрет при полном коммунизме в условиях, когда будет ликвидировано капиталистическое окружение, в то время как нравственность в коммунистическом обществе не исчезнет, напротив, роль ее как регулятора поведения людей колоссально возрастет. Разумеется, новые условия жизни людей вызовут и отпадение части тех действующих в социалистическом обществе норм коммунистической нравственности, наличие которых обуславливалось сохранением при социализме пережитков старого в сознании людей, появится и ряд новых норм нравственности, но в основном это будет та же коммунистическая нравственность, лишь на высшей ступени своего развития. Это различие в судьбах социалистического права и коммунистической нравственности обусловлено их спецификой.

Прежде всего следует указать, что если мораль представляет собою форму общественного сознания, то право, будучи также частью надстройки, не может быть сведено к форме сознания. Не случайно мы четко различаем право, т. е. совокупность соответствующих норм, и правовое сознание, т. е. систему правовых взглядов, в то время как нормы нравственности и моральное сознание представляются синонимами. Дело в том, что нормы права, отражая в себе правовое сознание господствующего класса, а в социалистическом обществе правосознание всего советского народа, образуют особую, не сливающуюся с правосознанием часть общественной надстройки. Это объясняется тем, что правовые нормы представляют особый вид социальных норм, отличающийся от моральных норм и способом своего установления, и способом своего обеспечения, гарантиями своего применения, и рядом других особенностей. В то же время правовые нормы отличаются и от совокупности взглядов, идей, представлений, в соответствии с которыми они устанавливаются и которые составляют содержание правосознания. Взгляды, идеи, представления, составляющие содержание морального сознания, имеют ту характерную для них особенность, что они сами по себе имеют нормативный характер. Понятия о добре и зле, стоящие в центре морального сознания, означают и требования делать добро и бороться со злом. Понятие честного и бесчестного, похвального и постыдного и т. д. также означает и требование определенного поведения.

Достаточно в обществе установиться моральному взгляду, что такое-то действие постыдно, как это означает и запрет такого действия моралью, т. е. появление соответствующей моральной нормы. Для того же, чтобы появилась новая правовая норма, недостаточно наличие соответствующего взгляда,

убеждения в общественном правосознании, а необходимо чтобы такая новая правовая норма была установлена государством с соблюдением соответствующего порядка, принятого для установления правовых норм.

Учитывая первостепенное значение для уяснения специфических особенностей права и нравственности понятия правовой нормы и ее отличия от моральных норм, остановимся подробнее на этом вопросе.

Советское социалистическое право представляет собою, как и всякое право, совокупность огромного количества самого разнообразного содержания правил поведения людей, т. е. норм. То же следует сказать и о коммунистической нравственности. Простейшим элементом того и другого является именно норма. Поэтому сопоставление этих элементов и сравнительный их анализ совершенно необходимы для решения поставленных выше вопросов, хотя, разумеется, не достаточны еще для полного ответа на них.

И норма социалистического права и норма коммунистической нравственности представляют собой в условиях победы социализма и установления морально-политического единства советского общества — выражение воли всего народа во главе с рабочим классом.

Советской правовой науке равно чужды как характерные для буржуазных нормативистов, и в частности Кельзена¹, попытки конструировать такое понятие юридической воли, которое бы ничем не напоминало о воле господствующего класса, так и требование применения в правовой науке термина воли только в том смысле, в котором он употребляется в психологии. Так, если следовать проф. Мартону, праву пришлось бы отказаться от понятия классовой, государственной, народной воли, ибо психологическая наука говорит лишь о воле индивида².

¹ Для Кельзена, как представителя крайнего нормативизма, характерно превращение понятия воли в праве, воли государства в нечто, отделенное пропастью от действительности, в своего рода условное обозначение «чистого долженствования нормы». Употребляя слова — государственная воля, воля в праве, воля государства, он всегда ставит их в кавычки, чтобы подчеркнуть условность применения слова «воля» (см. напр. Kelsen. *Reine Rechtslehre*, 1934, S. 144). Понятно это стремление апологета капиталистического строя выхолостить, выбросить все, что затрудняет маскировку классовой сущности буржуазного государства и права. Ведь когда речь идет о воле, естественен вопрос, чья воля, каких именно людей, какого класса? Если же под волей в праве, под государственной волей предлагают понимать «чистое долженствование» абстрактной нормы, стоящей над миром сущего, то здесь снимается основание для такого вопроса.

² См. Marton. *Les fondements de la responsabilité civile*, Paris, 1938, стр. 126.

Государственная воля в нашей стране и есть воля советского народа, выраженная в законах представителями советского народа — депутатами Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик. В. И. Ленин еще на первых этапах Советского государства говорил: «Единая воля не может быть фразой, символом. Мы требуем, чтобы это было на практике». «Воля сотен и десятков тысяч может выразиться в одном лице. Эта сложная воля вырабатывается советским путем... Взять простое число съездов,— ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю»¹.

Говоря о единой воле, В. И. Ленин имел в виду волю не всего народа в целом, поскольку тогда существовали эксплуататорские классы, а волю трудящегося народа, возглавляемого рабочим классом. Ныне в условиях социализма весь народ нашей страны состоит только из трудящихся. Это единство воли складывается не самотеком, а предполагает активную работу большевистской партии и Советского государства по убеждению масс путем разъяснения им стоящих задач и средств их разрешения. Решающая роль в формировании содержания этой воли, в достижении единства по каждому вопросу политики принадлежит, разумеется, коммунистической партии как ведущей и направляющей силе в системе диктатуры рабочего класса. Но свое качество *государственной* воли эта воля советского народа приобретает именно в силу того, что государство формулирует ее в соответствующих правовых актах. Воля, выраженная в советском праве второй фазы нашего государства, есть воля советского народа в целом, высказанная от имени государственной власти, т. е. как государственная воля, облеченная в особую форму, в форму закона. В. И. Ленин писал: «...воля, если она государственная, должна быть выражена, как закон, установленный властью; иначе слово „воля“ пустое сотрясение воздуха пустым звуком»². Право есть, таким образом, определенная форма выражения определенной воли.

Правильно пишет С. Н. Братусь, что «нельзя сводить психологические закономерности к социальным. Но не меньшей ошибкой было бы утверждение, что между волей как психологическим явлением и общественной волей существует полный разрыв»³. Но мы опасаемся все же, что ход дальнейших рассуждений ведет его именно к тому разрыву, против

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 476, 477.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 72.

³ С. Н. Братусь. Юридические лица в советском гражданском праве, М., 1947, стр. 13—14.

которого он сам предостерегает. Мы считаем вообще такие термины как «воля в психологическом смысле» и «воля в юридическом смысле» сбивчивыми, неясными. Совершенно прав, с нашей точки зрения, С. С. Студеникин, когда он, говоря о выраженной в советском праве воле советского народа, добавляет: «При этом воля понимается не в каком-то способе „юридическом смысле“»¹. Попытки противопоставить волю «в юридическом смысле» воле «в психологическом смысле» могут привести к выводу об условности и даже иллюзорности понятия классовой, государственной, народной воли. Напомним, что дореволюционный русский юрист П. Е. Михайлов, сторонник концепции Петражицкого, использовал это противопоставление воли в юридическом и в психологическом смысле для обоснования тезиса, что общая или социальная воля в праве — фикция. По Михайлову, социальную волю в праве нужно понимать «...не в буквальном, научно-психологическом смысле, а в иносказательном. Дело в том, — пишет он, — что под „волею“ в данной формуле понимается не „воля“ в научно-психологическом смысле..., а „воля“ в переносном смысле (как, напр., говорят о „воле господина“ в смысле господского „приказа“, „веления“ и т. под.), т. е. „веления“ одних по адресу других, согласно, вообще традиционному пониманию права, как „норм-велений“. Под выражением же „общая воля“ понимается условно некоторое, как бы, приблизительное, на самом деле, фиктивное совпадение „общей воли“ с волею большинства людей, или даже одного монарха и т. под.»².

Отметим, что резкое противопоставление в буржуазной литературе понятия воли в юридическом и психологическом смыслах связано со стремлением «стерилизовать» науку права, т. е. выхолостить из нее все социально-экономические, политические и т. д. вопросы под предлогом отграничения от науки права всего «мета-юридического», а главное — с выставлением тезиса о фиктивности, ненаучности-де такого основного понятия в праве, как воля определенного социального целого (класса, государства, народа). Это стремление выбросить за борт правовой науки понятие социальной воли в праве весьма характерно для эпохи империализма и присущей этой эпохе ломке законности. Традиционный тезис, выдвинутый буржуазией на заре капитализма о законе, как выражении общей воли народа, не может, естественно, обосновать открытое нарушение империалистической буржуазией

¹ С. С. Студеникин. Советская административно-правовая норма и ее применение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, М., 1949, стр. 8.

² П. Е. Михайлов. Проблемы права. Сб. «Новые идеи в правоведении», № 4. Пгр., 1915, стр. 20—21.

тех установленных ею некогда якобы от имени народа законов, которые ныне стали для нее стеснительными. Признать же, что законы являются в капиталистическом обществе выражением лишь воли буржуазии, значит раскрыть классовую сущность своего права, на что буржуазия не осмеливается. Понятно поэтому стремление буржуазных идеологов извратить или снять совсем вопрос о воле, выражением которой является буржуазное право. В марксистско-ленинском учении о праве подлинная сущность права раскрывается именно путем анализа того, чья воля находит свое выражение в праве, на что она направлена, чем обуславливается ее содержание. Советское социалистическое право является первым в истории человечества правом, в котором находит свое выражение подлинно всенародная воля.

Рассматриваемые как выражение воли рабочего класса и всего народа социалистические правовые нормы и нормы социалистической нравственности являются однотипными или однородными по своей социальной природе и своей конечной цели. Это находит, в частности, наглядное выражение и в большой общности конкретного содержания велений и запретов как социалистического права, так и социалистической нравственности. И все же — это нормы, которые не могут быть смешаны или отождествлены. Дело в том, что при классовой однородности и однотипности советские правовые нормы и нормы социалистической нравственности суть способы выражения различных форм проявления воли рабочего класса и народа в целом.

В советских правовых нормах находит выражение государственная воля рабочего класса и народа в целом. В нормах социалистической нравственности та же по своей социальной природе воля выступает не как государственная воля, а в форме общественного мнения. В правовых нормах общественное мнение также, разумеется, находит широчайшее отражение, но не иначе, как посредством специальных волевых актов законодателя. В результате этого, в каждом случае воспроизведения в праве морального требования общественного мнения, появляющаяся новая правовая норма в силу известных специфических качеств, характерных для правовой нормы и не известных норме нравственности, не является тождественной той самой норме нравственности, требование которой закреплено в этой правовой норме.

Любая норма советского права, как бы ни было ясно воспроизведено в ней то или иное требование нравственности, все же не есть норма нравственности в точном смысле этого слова. Мы подчеркиваем необходимость различать понятие нравственной по своему содержанию нормы права от нормы

нравственности. Единство как общих принципов, так и множества конкретных требований права и нравственности у нас является следствием отсутствия противоположности между обществом и государством. Но отсутствие этой противоположности не ведет к отождествлению общества и государства, общественной и государственной деятельности, государственных органов и общественных организаций, государственной воли и общественного мнения, а свидетельствует лишь об их полной и гармонической согласованности, в чем надо видеть одну из характерных особенностей социалистического строя.

Отсюда понятна невозможность дисгармонии, разрыва между социалистическим правом и социалистической нравственностью, но отсюда же понятно и сохранение различий между этими двумя видами социальных норм. Норма нравственности предъясняется общественным мнением, норма права — государственной властью. Та или иная норма нравственности, зарождаясь среди передовых слоев общества, становится общепризнанной и в качестве таковой общеобязательной лишь постепенно, по мере ее усвоения общественным мнением в целом. Норма права является общеобязательной с момента ее установления государственной властью.

Норма нравственности опирается на известное внешнее принуждение, но не со стороны органов государственной власти, а со стороны общественного мнения, причем это внешнее принуждение в смысле гарантии применения соответствующих требований, не составляет обязательного конститутивного элемента нормы нравственности, а лишь сопровождает ее. Общественное мнение, формулируемое определенными коллективами трудящихся или органами печати, зачастую может выбрать в однородных случаях самые различные формы этого принуждения, не будучи связано заранее определенными формами, лишь бы они не приходили в столкновение с правовыми нормами социалистического права, т. е. не нарушали бы установленного государством правопорядка. Конечно, надо иметь в виду, что представителями общественного мнения в случае тех или иных нарушений кем-либо норм социалистической нравственности выступают и определенные общественные организации (партия, комсомол, профсоюзы и т. д.), имеющие свои уставы, предусматривающие определенные меры воздействия на своих членов в случае нарушения ими норм социалистической нравственности. Но и в этих случаях мы не можем констатировать в определении в однородных случаях формы воздействия на нарушителя нормы коммунистической нравственности той строгой точности, которая имеет место при выборе формы воздействия

соответствующими уполномоченными на то органами государства в отношении правонарушителей. А главное сама мера воздействия, применяемая к нарушителю общественной организацией, членом которой он состоит, не является предусмотренною в самой норме нравственности, а представляет конститутивный элемент соответствующей уставной нормы данной организации, нормы, которая может лишь подкреплять ту или иную норму коммунистической нравственности, но не сливается с нею.

Напротив, государственное принуждение, как гарантия выполнения соответствующих требований, есть конститутивный элемент правовой нормы. Это, конечно, не значит, что в каждой статье кодекса или в каждом отдельном законе, предписывающем то или иное правило поведения, содержится обязательно и указание на меру принуждения в случае нарушения или обхода такого правила. Это значит лишь, что даже в тех случаях, когда предусматриваемое государством принуждение по адресу нарушителей правовой нормы не оговорено при ее изложении, эта норма, как часть органического целого, т. е. системы социалистического права, имеет свою точно определенную санкцию, изложенную в каких-либо других правовых актах. Формы принуждения в праве всегда заранее предусмотрены и точно определены с учетом тяжести правонарушения соответствующими правовыми нормами.

Норма нравственности, при всей конкретности и ясности ее предписаний, представляет все же скорее общий принцип поведения, чем детально сформулированное правило поведения предусматривающее точно определенные конкретные случаи. Детализация же этого общего принципа поведения, предписываемого коммунистической нравственностью, находит выражение в так называемых правилах социалистического общежития (в узком смысле этого слова, ибо в широком смысле этот термин, как уже отмечалось, охватывает все вообще, в том числе и правовые правила, характерные для социалистического общества), т. е., другими словами, в социалистических обычаях и нравах.

Для правовой нормы характерна несравненно большая конкретизация требований, запретов и дозволений, предписываемых ею.

Право ограничивает сферу своего вмешательства соображениями целесообразности этого вмешательства, его эффективности. Так, право выставляет не общее правило «не лгать», ибо мерами правового воздействия возможно бороться не со всеми видами лжи, а предельно четко формулирует те свои правила, которые направлены против отдельных проявлений этого порока. Такова, например ст. 95 УК РСФСР

о заведомо ложном доносе, а равно заведомо ложном показании, данном свидетелем, экспертом или переводчиком и аналогичные статьи УК других республик. Сюда же примыкают статьи УК о симуляции, как определенном виде лжи, о мошенничестве, о подлоге и т. д. Таким образом, общей моральной норме «не лгать» соответствует ряд правовых норм, каждая из которых направлена против какого-либо одного конкретного вида или формы лжи. И все же вместе взятые все эти несравненно более детализированные и конкретизированные правовые нормы охватывают лишь небольшую часть проявлений лжи, в то время как норма коммунистической морали запрещает все виды лжи вообще.

Таким образом, можно себе представить лживых людей, весьма часто обманывающих окружающих, и все же не проходящих в столкновение с правом, если в их лжи отсутствуют признаки преступления, предусмотренные уголовным правом, или признаки гражданского деликта, указанные в соответствующих нормах гражданского права. С точки же зрения морали, репутация таких людей в глазах общества будет крайне низка. В связи с этим, к таким нарушителям норм морали применяются не только неодобрение, но и весьма суровые меры общественного воздействия. Так, лицо, совершившее обман партии при вступлении в ее ряды, не будет посажено за это на скамью подсудимых и не подвергнется административному взысканию, но либо будет исключено из партии, либо понесет другое суровое наказание (отзыв с выборного поста, вынесение строгого выговора с предупреждением и т. д.) и встретит, к тому же, моральное осуждение со стороны всех беспартийных. Советские люди не прощают никому обман партии, в чем бы этот обман ни состоял. Ведь в партии Ленина — Сталина воплощены ум, совесть и честь нашей эпохи. Правдивость, честность — неотъемлемые черты морального облика советского человека, тем более большевика.

Не следует придавать моральному требованию «не лгать» тот сугубо ригористический характер, который отличает известную постановку вопроса о лжи у Канта, запрещавшего самую невинную ложь не только для спасения умирающего, но даже для спасения мира¹. Словом, как говорили римские юристы: «Fiat justitia, pereat mundus». Индивидуалистический эгоистический характер кантовской этики здесь с особенной ясностью раскрывается в его безразличном отношении ко всему тому, что выходит за пределы «я» индивидуального сознания личности.

¹ И. Кант. I. Об известной поговорке «Это, может быть, верно в теории, но не годится для практики», II. О мнимом праве лгать из человеколюбия, СПб., 1913, стр. 78.

Жизнь настолько сложна, что не всякая неправда, высказанная при конкретных обстоятельствах, может быть рассматриваема как ложь. Так, сообщение умирающей матери на ее вопрос о сыне-фронтовике, о котором она беспокоится, давно не получая сведений, что он жив, хотя бы сообщающий и знал о его гибели, нельзя назвать ложью. То же самое следует сказать о скрытии врачами и окружающими от больного точного диагноза в тех случаях, когда знание этого больным не вызывается необходимостью, а может лишь ухудшить состояние больного. В некоторых обстоятельствах неправда, скрытие правды — не только не ложь, но нравственная обязанность. Так, ни один нормальный человек не подведет под понятие лжи заведомо неправильные в целях дезориентации вражеской армии показания допрашиваемого пленного о дислокации советских войск. Наоборот, это будет не чем иным, как одной из форм выполнения высшей нравственной обязанности защиты социалистического отечества. Сказать во вражеском застенке, не боясь угрозы пыток, что ты не знаешь, кто предъявленный тебе человек, хотя бы ты отлично знал, что это — видный коммунист и что, выдав его, ты спас бы свою жизнь, это значит не солгать, а сказать именно то, что следовало в данном случае сказать каждому советскому патриоту. Словом, как не каждое лишение жизни может быть названо убийством, так и не всякая сказанная неправда является ложью в прямом и истинном смысле этого слова.

В условиях морально-политического единства социалистического общества и гармонической согласованности основных принципов социалистического права и коммунистической морали не может быть конфликтов между нормами права и коммунистической морали.

Когда говорят в отношении какой-либо системы морали о конфликтах между нею и правом, имеют в виду, что требования права противоречат требованиям морали, господствующей в данном обществе, или же системам морали угнетенных классов этого общества.

Возьмем к примеру капиталистическое общество, где эти конфликты еще более часты и резки, чем в любом добуржуазном антагонистическом обществе. В буржуазных странах конфликты между нормами права и нормами нравственности являются, во-первых и главным образом, результатом того, что буржуазное право, освящая капиталистическую эксплуатацию, закрепляя политический гнет, противоречит моральным воззрениям большинства, а именно трудящихся. Даже те слои трудящихся, которые еще остаются в плену буржуазной идеологии, буржуазной морали, ходом вещей при-

ходят к убеждению о несправедливости буржуазного права, по крайней мере многих его требований. Этому немало помогает пресловутое буржуазное «правосудие», усугубляющее несправедливость этого права путем такого применения норм права в каждом отдельном случае, которое сплошь и рядом оказывается на деле юридически «обоснованным» произволом, издевательством над законными правами трудящихся.

Во-вторых, в буржуазном обществе неизбежны и конфликты между правом и буржуазной же моралью. Это объясняется мозаичностью буржуазной морали в силу наличия в буржуазном классе различных по материальным условиям своего существования групп крупной буржуазии, средней и мелкой (достаточно сопоставить материальные условия существования Моргана или какого-либо другого представителя 60 семейств США и материальные условия рядового мелкого буржуа — какого-нибудь фермера или мелкого торговца), а главное, — делением буржуазной морали на показную «официальную», фальшивую и лицемерную мораль и действительную волчью мораль капиталистического строя.

В социалистическом обществе нет ни материальной, ни идейной основы для таких конфликтов. Морально-политическое единство народа — это такой факт, который обуславливает собою принципиально иное, новое соотношение между правом и нравственностью, коренным образом отличное от того, что имеет место в эксплуататорском обществе, и значительно отличающееся от соотношения права и нравственности в первой фазе нашего государства.

В тех случаях, когда та или иная правовая норма уже не отвечает потребностям развития общества, отстает от развития коммунистической морали, Советское государство своевременно отменяет или изменяет такую норму и предупреждает этим возможные конфликты между соответствующей правовой нормой и требованиями коммунистической морали.

Известны такие случаи, когда видимость конфликта между нормами коммунистической нравственности и советского права создавались в результате сознательно неправильного применения отдельными должностными лицами тех или иных правовых норм. Так, например, в прошлом замаскированные враги народа — троцкисты, бухаринцы и т. п., пробравшиеся в государственный аппарат, в частности, в органы юстиции, стремились путем заведомо неправильного применения тех или иных законов Советского государства вызвать недовольство масс, искусственно создать у них впечатление о несправедливости нашего права, противоречии норм права нормам социалистической нравственности. Видимость наличия конфликта между правом и коммунистической нравствен-

ностью в тех или иных вопросах может создать и неумелое применение норм права вследствие неопытности и недостаточной квалификации отдельных должностных лиц. Однако неуклонное проведение социалистической законности, развитие критики и самокритики, бдительность советских людей, систематическая работа партии и Советского государства по выращиванию юридических кадров, повышению их квалификации, ликвидируют почву и под этими псевдоконфликтами права и нравственности в нашей стране.

Неправильность смешения права и нравственности становится отчетливо видной при анализе понятий преступления и безнравственного поступка, моральной и юридической вины, морального и юридического обязательства, моральной и юридической ответственности в наших условиях. Любое нарушение нормы социалистического права, даже если оно, взятое само по себе, не дает оснований для вывода о безнравственности нарушителя, все равно аморально уже потому, что исполнение советских законов для члена социалистического общества является не только юридической, но и моральной обязанностью. В то же время далеко не всякое нарушение коммунистической морали является правонарушением.

Примечание к ст. 6 УК РСФСР гласит: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного»¹. С точки же зрения социалистической нравственности отсутствие состава преступления не является еще основанием для того, чтобы соответствующие действия, о которых идет речь в ст. 6 УК, не подвергались моральному осуждению. Человек, любящий посплетничать, вызовет всегда моральное осуждение в мнении окружающих, хотя бы его сплетни и не вызывали каких-либо вредных последствий. То же самое можно сказать и в отношении того, кто грубо обращается с членами семьи, эгоистичен, проявляет хвастливость, высокомерие, злорадство по поводу чужих неудач, нетерпимо относится к критике своих действий или мыслей и т. д. Однако при отсутствии состава преступления или вообще правонарушения в подобных поступках лиц, совершивших их, не посадят на скамью подсудимых, не оштрафуют и т. д. Таким образом, различие (притом не столько в оценке действий, сколько в реагировании на них) между правом и нравственностью существует. Советское социалистическое государство предостав-

¹ См. также ст. 8 УК РСФСР, очень близкую по своему содержанию к примечанию к ст. 6.

ляет самому общественному мнению воздействовать на лиц, совершивших проступки, бороться с которыми целесообразнее и эффективнее не методами правового регулирования, а методами общественного воздействия, развитием критики и самокритики (например, борьба с низкопоклонством перед буржуазной наукой).

Можно указать ряд действий, сурово осуждаемых нашей моралью, но не значащихся в перечне преступлений и вообще правонарушений, предусмотренных советским законодательством. Это объясняется тем, что как бы широко ни регулировалось право отношения между людьми, оно не может и не ставит своей целью охватить правовой регламентацией все без исключения поступки и взаимоотношения людей, сознательно предоставляет во многих случаях самой общественности и созданным ею нормам социалистической нравственности роль единственного регулятора поведения.

Наиболее ясно можно увидеть специфику роли права и нравственности, неправильность их отождествления в такой области отношений, как взаимоотношения между полами. И эта область отношений регулируется советским правом, причем и здесь оно исходит из тех же общих принципов, что и коммунистическая нравственность. Но, учитывая сложность этих взаимоотношений, доказанную опытом тысячелетий нецелесообразность, неэффективность и даже вредность слишком далеко идущего правового регулирования этих отношений, советский законодатель, правильно выражая волю народа, отказывается в ряде случаев от установления правовых велений и запретов по соответствующим вопросам, принадлежащим к сфере этих отношений. Так, советское законодательство не имеет в своем составе норм, запрещающих внебрачную связь, карающих за супружескую измену, за невыполнение обещания жениться и т. п.

Однако дело вовсе не в том, что, как писал проф. Люблинский, имея в виду отношения между полами: «безнравственное поведение, если оно действительно расходится с господствующей моралью, способно лишь уронить достоинство лица в глазах окружающих или навлечь на него стыд, но еще не делает его нарушителем тех социальных отношений, на страже которых стоит государство».

Это объяснение неверно потому, что неоправданно изымает отношения между полами из области социальных отношений, рассматривает их как чисто личные отношения, до которых якобы государству, обществу нет дела.

Советское право устанавливает ряд правовых норм, полностью соответствующих требованиям коммунистической нравственности в этой сфере взаимоотношений людей.

И если Советское государство избегает в области правового регулирования всесторонней регламентации отношений между полами, ограничиваясь самым необходимым, то отнюдь не из-за того, что безнравственные поступки в этой области не являются якобы антисоциальными, а исключительно по указанным выше мотивам и из убеждения, что в данной сфере, более чем где бы то ни было, решающая роль в деле охраны принципов коммунистической нравственности, в борьбе с антиморальным поведением отдельных членов общества должна принадлежать мнению и воздействию самой общественности.

Можно привести и другие примеры несовпадения правомерного и морального поведения. Так, вполне правомерное поведение гражданина, например, уплата алиментов по исполнительному листу, не исключает морального осуждения плательщика алиментов со стороны общественного мнения, ибо само наличие исполнительного листа свидетельствует, как правило, о том, что человека пришлось через обращение к суду заставить оказывать эту помощь. Суд, вынося решение о выдаче исполнительного листа, не предъявляет к ответчику обвинения за то, что он не пожелал добровольно оказывать материальную поддержку имеющему на то законные права лицу, и дело идет в порядке гражданского, а не уголовного судопроизводства. Судом карается лишь злостное уклонение от уплаты присужденных алиментов. С точки же зрения общественного мнения, в случае, если основанием получения исполнительного листа является забвение ответчиком своих моральных обязанностей, платеж алиментов еще не заглаживает факта нарушения данным лицом соответствующей нормы коммунистической нравственности.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. алименты на содержание детей, родившихся вне брака после издания Указа, не взыскиваются с их отцов, а оказание помощи одиноким матерям берет на себя государство. Отец внебрачного ребенка, родившегося после издания Указа, не помогающий матери ребенка в содержании его, не совершает тем самым правонарушения. Но советское общественное мнение всегда осудит такое безразличие отца к судьбе ребенка. Это — также показательный пример несовпадения моральной и юридической оценки.

Критерии правовой оценки у нас тесно связаны с критериями моральной оценки уже в силу того, что в советском праве широко воплощены этические требования и взгляды нашего народа, но так как коммунистическая нравственность предъявляет к поведению людей большие требования, чем право, то уже в силу этого не может быть полного совпадения во всех случаях жизни моральной и юридической оценки.

Это ясно видно на вопросе о различии между юридической и только моральной виной.

В условиях социализма резкого расхождения между той и другой виной, естественно, быть не может. Но это не означает полного их совпадения. Это положение подтверждают (если не прямо, то косвенно) приведенные в начале главы примеры. Если, скажем, уголовная вина в социалистическом обществе всегда есть и моральная вина, то далеко не всякая моральная вина является одновременно виной юридической. Иначе говоря, дело обстоит точно так же, как и с разобранным выше вопросом о различии между преступлением и безнравственным поступком. Это и понятно, если учесть органическую связь этих вопросов, ибо без юридической вины нет и преступления, как без моральной вины нет безнравственного поступка. Мы останавливаемся специально на этом вопросе, хотя принципиальное решение его и вытекает из сказанного выше о преступлении и безнравственном поступке, исключительно для того, чтобы развить подробнее ряд важных для его уяснения моментов.

Моральная вина в СССР влечет за собой юридическое наказание только в том случае, если она одновременно является и юридической виной. Ненаказуемость судом нарушений правил коммунистической морали, не включенных в право, есть одно из правил нашего правосудия. Это не означает, однако, неприменимости принуждения к нарушителям правил социалистической нравственности. Это означает только, что применение соответствующих мер воздействия в таких случаях является функцией не государственных органов, а самого общества в лице различных его организаций, самой среды, в которой находится нарушитель и что в этих случаях применяются иные, чем судом, формы принуждения (например, резкая критика нарушителя норм социалистической нравственности в печати, на собрании, вынесение выговора общественной организацией, в которой он состоит, исключение из членов этой организации, отзыв с выборной должности). Разумность такого правила не требует доказательств. Советский суд действует в соответствии с четкими указаниями закона. Если в законе не предусмотрена наказуемость того или иного деяния, подлежащего суровому осуждению с точки зрения коммунистической нравственности, то это значит, что Советское государство находит нецелесообразным на данном этапе (или вообще) вмешательство суда в такие отношения. Мотивы этого воздержания могут быть различны: это делается либо потому, что данное поведение не представляет значительной опасности для общества, либо потому, что самый характер этого поведения делает мало эффективным вмешательство суда,

либо, наконец, потому, что соответствующая новая норма коммунистической нравственности не освоена еще сознанием широких слоев народа, и потому включение требования этой нормы в право преждевременно. Наше право основывается отнюдь не на одном принуждении, а на сочетании принуждения и убеждения, т. е. принуждения меньшинства на базе убеждения большинства. Сила морального авторитета советского права объясняется в огромной степени именно тем, что советский народ убежден в правильности, справедливости предписаний нашего права. Включение в право требований новых норм социалистической нравственности производится при строжайшем выполнении ленинского завета «...сначала убедить, а потом принудить»¹, т. е., другими словами, сначала убедить большинство, а затем уже установить соответствующую правовую норму, предусматривающую принуждение в отношении ее нарушителей.

Но до тех пор, пока Советское государство не включило то или иное моральное требование в право, суд не может «поправлять» или дополнять законодательство под знаком «свободной оценки», так как иначе правосудие могло бы превратиться в произвол судей.

Вот почему судьям, прокурорам и адвокатам государство предъявляет требования не выходить при рассмотрении конкретных дел из рамок закона, не путать юридическую вину с виной неюридической. Характерно в этом отношении указание Верховного суда СССР по одному делу: «Использование вещей, заведомо добытых преступным путем, не может рассматриваться как соучастие в преступлении»². Обвиняемый по этому делу пользовался некоторыми предметами, незаконно полученными другим лицом, о чем обвиняемый прекрасно знал. С точки зрения коммунистической нравственности вина обвиняемого здесь несомненна, но так как в законе подобного состава преступления не содержится, — юридической вины нет.

Образцом четкого различения вины юридической и вины только моральной могут служить судебные процессы по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан» и по делу бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева³. Выступавший в качестве государственного обвинителя А. Я. Вышинский просил суд вынести оправдательный приговор по первому делу в отношении некоторых обви-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 189; см. там же, стр. 14.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1944, вып. 1 (VII), М., 1944, стр. 10.

³ См. А. Я. Вышинский. Судебные речи, М., 1938, стр. 168—169, 217—220.

няемых за отсутствием их юридической вины. Вместе с тем подробно охарактеризовав их поведение, А. Я. Вышинский ярко показал наличие моральной их вины и заявил, что оправдательный приговор этой моральной вины с них не снимет. По второму делу А. Я. Вышинский отметил, что хотя по делу было привлечено всего два обвиняемых, это не означает полную невиновность остальных членов коллектива, ибо самое поведение их после исчезновения погибшего доктора Вульфсона составляет моральную вину.

Нетрудно понять, что смешение юридической и только моральной вины способно было бы лишь искусственно умножать количество привлекаемых к судебной ответственности лиц, нарушало бы законные права людей, хотя и нарушивших чормы морали, но не являющихся правонарушителями.

Нельзя забывать, что коммунистическая нравственность предъявляет к людям более высокие требования, чем социалистическое право. Для примера предъявления нравственностью повышенных требований в сравнении с правом и вытекающим отсюда различием между виной только моральной и юридической, можно взять недоносительство. Советское право карает недоносительство лишь в строго определенных случаях (недонесение о готовящихся или совершенных контрреволюционных преступлениях, недонесение о готовящемся или совершенном разбое, о готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества). С точки же зрения коммунистической нравственности недонесение и в других случаях, когда лицу достоверно известно о каком-либо готовящемся или совершенном преступлении, сурово осуждается.

Различение только моральной вины и юридической вины, несмотря на общность целей и взаимопроникновение моральной и юридической частей надстройки, подсказывается соображениями укрепления социалистической законности и невозможности и нецелесообразности объявлять преступлением или вообще правонарушением всякое нарушение коммунистической нравственности. Но это различие не должно отодвинуть или затемнить специфический для социалистического общества огромной важности факт, что в глазах народа и каждого сознательного советского человека юридическая вина, поскольку она установлена, говорит и о моральной вине.

В этом факте находит яркое выражение единство ведущих принципов советского социалистического права и социалистической нравственности, их гармоническая связь, взаимная согласованность, а в строгом различии юридической и моральной вины — последовательное проведение принципов социалистической законности.

Нельзя не остановиться специально на различиях юридической и моральной обязанности. Конечно, в силу уже отмеченных выше специфических особенностей нашего права, юридические обязанности одновременно являются для всех граждан и моральными обязанностями. Особенно следует подчеркнуть, что основные обязанности граждан СССР, возлагаемые на них Конституцией, являющейся базой всего нашего законодательства, одновременно являются и основными моральными обязанностями, общепризнанными советским народом. Но и каждое конкретное юридическое обязательство также и морально обязывает давшего его гражданина СССР, а невыполнение этого обязательства при отсутствии уважительных причин, признанных законом, составляет не только правонарушение, но и упречное в моральном отношении поведение. Однако отсюда отнюдь не следует, что юридическая и моральная обязанности во всех случаях тождественны. Область, номенклатура моральных обязанностей бесконечно шире юридических уже потому, что мораль регулирует чуть ли не все виды и формы отношений, в то время как право, как бы ни были обширны и многочисленны его нормы, не может ставить такой цели.

Но различие между юридическими и моральными обязанностями заключается не только в этом. Основное различие их выражается в том, что юридическая обязанность возлагается государством, и невыполнение ее влечет за собой применение определенных юридических санкций (уголовных, гражданско-правовых, административных) со стороны государства, моральная же (не включенная в право) обязанность возлагается на людей общественным мнением, определенными общественными организациями.

Весьма существенным отличием юридического обязательства от обязательства только морального является большая определенность первого. Право предъявляет требование, чтобы каждое юридическое обязательство, даваемое физическим или юридическим лицом, было облечено в указанную законом форму, чтобы было точно определено, в чем это обязательство конкретно выражается, как именно, в какие сроки, в каком порядке оно будет выполняться. Моральное (неюридическое) обязательство может (и сплошь и рядом так и бывает) даваться в самых различных формах, не регламентируясь правом. При этом юридическое обязательство всегда сопровождается, в виде гарантии его выполнения, указанием на последствия его невыполнения, моральное же отнюдь не предполагает непременно точного определения этих гарантий.

Если моральное обязательство, данное хотя бы в самой общей форме, как, например, обещание умирающему другу помочь остающимся сиротам, несмотря на свою расплывчатость, отсутствие конкретных указаний, в чем именно эта помощь будет содержаться, сохраняет силу, то юридическое обязательство, без уточненного конкретного содержания, именно вследствие этого может оказаться недействительным. Если лицо, получившее от другого чисто моральное обязательство оказать ему помощь или воздержаться от каких-либо действий, не получает еще на основании этого права требовать через суд выполнения обязательства, то юридическое обязательство предоставляет лицу право такого требования.

Таким образом, существуют объективные различия между моральным (неюридическим) и юридическим обязательствами, между только моральной обязанностью и обязанностью юридической.

В буржуазной литературе очень часто можно встретить попытки объяснить различие между юридическими и моральными обязанностями посредством психологического анализа, выяснением различных эмоций у человека, дающего юридическое обязательство, и у человека, дающего только моральное обязательство, т. е. обязательство, не имеющее юридической силы.

Разумеется, это ни в коей мере не может объяснить различий между указанными видами обязательства. Эмоции, побуждающие определенного гражданина добровольно, во имя морального долга, материально помогать родным, конечно, отличаются от эмоций гражданина, уплачивающего пусть ту же сумму, но по исполнительному листу. Однако такое резкое различие эмоций при выполнении моральных и юридических обязанностей характерно лишь для определенной категории лиц, а не для всех, так как юридические обязанности выполняются большинством советских людей не из страха перед неприятными последствиями в случае невыполнения этих обязанностей, а из сознания справедливости, правильности требований советского права и налагаемых им обязанностей.

Сами эмоции, таким образом, следует рассматривать не как определяющие собой существо нравственных и юридических обязанностей, а как реагирование психики на объективно данные в жизни юридические и нравственные обязанности. Там, где в силу антагонистического строя между правом и нравственностью большинства общества вырыта пропасть, где, следовательно, юридические обязанности не могут быть одновременно и обязанностями нравственными, по крайней мере для большинства населения, там естественны и глубокие

различия в эмоциях, которыми сопровождается выполнение юридических и моральных обязанностей.

В наших условиях для большинства людей такое глубокое различие между эмоциями при выполнении ими своих юридических и моральных обязательств не может иметь места.

Для сознательного советского человека выполнение и юридической и только моральной обязанностей связано с одними и теми же благородными эмоциями — стремлением выполнить свой общественный долг, уважением к юридическим и моральным законам своей социалистической страны.

Различая нравственную и юридическую обязанность советского человека, недопустимо противопоставлять их. Необходимо исходить из того факта (объясняемого спецификой социалистического общественного строя), что исполнение любой юридической обязанности является у нас и моральным долгом. Различение (но ни в коем случае не противопоставление) моральных и юридических обязанностей вызывается лишь тем, что существуют и такие моральные обязанности, которые не являются юридическими, т. е. выполнение которых не предписывается в обязательном порядке нормами права.

Нельзя раскрыть характерные отличия социалистической правовой обязанности, обходя вопросы морали. Различение понятия моральной и юридической обязанности, будучи необходимым, позволяет в то же время глубже уяснить моральное содержание социалистических правовых обязанностей, моральную высоту нашего права, возлагающего на советских граждан только такие юридические обязанности, которые полностью соответствуют моральным воззрениям народа, их понятиям о справедливости.

Весьма важен для уяснения соотношения социалистического права и коммунистической морали, утвердившейся в нашей стране, и вопрос о мотивах поведения в праве и, в частности, о выяснении морального облика представших перед судом лиц.

Говорить о том, что нравственное настроение (о котором можно судить лишь ознакомившись с мотивами поведения человека) только «может стать» предметом юридической оценки в уголовном праве, значит отказаться от принципа субъективной вины. В советском социалистическом праве уголовная ответственность предусмотрена только в случаях наличия субъективной вины, а для выяснения ее наличия или отсутствия решающее значение имеют мотивы действий, являющиеся предметом рассмотрения суда. Но вопрос о мотивах поведения имеет большое значение не только для уголовного права. В широком смысле слова этот вопрос важен для уяснения всего нашего права в целом, поскольку оно все рас-

считано на культивирование подлинно нравственных, благородных мотивов поведения человека во всех областях отношений, на борьбу с такими мотивами поведения, которые представляют собой проявление пережитков старого в сознании людей.

В вопросе о роли мотивов в праве и нравственности нужно исходить из тезиса марксизма-ленинизма об определяющей, в конечном счете, роли материальных основ общества, из марксистско-ленинского тезиса о соотношении между бытием и сознанием, из развернутого И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о роли идей, взглядов, теорий.

Решающее влияние на мотивы поведения людей оказывает базис общества, определяющий и материальные условия жизни людей, как членов определенного класса. Но за этой материальной основой общества марксизм-ленинизм признает решающую роль лишь в конечном счете, отнюдь не сводя все решительно единственно к этой материальной основе. Необходимо при анализе мотивов поведения людей учитывать всю систему общественных отношений, уровень сознания людей и т. д.

В частности, в свете учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина с очевидностью выступает важность так называемых «умозрительных» мотивов поведения, поступков человека. Не приходится доказывать такой очевидный факт, как огромная роль марксистско-ленинского мировоззрения в деле мотивации поведения во всех случаях жизни сознательного советского человека. Социальный мотив — стремление наилучшим образом выполнить свои основные обязанности и все взятые на себя конкретные обязательства, свой общественный долг, оправдать доверие окружающей среды своим трудом и т. д. — является определяющим мотивом типичного советского человека, независимо от того, идет ли речь об отношениях, регулируемых правом или лишь одной нравственностью. Это отнюдь не означает утверждения об унификации мотивов всех членов нашего общества. Это означает лишь, что отсутствие противоположности между личностью и коллективом, между индивидуумом и государством в условиях социализма снимает разрыв между социальными и личными мотивами, если не говорить о таких личных мотивах, которые, как следствие пережитков старого в быту, в сознании людей, не характерны для членов социалистического общества и осуждаются коммунистической моралью.

Многообразие мотивов деятельности людей остается и в условиях социализма. Будучи чрезвычайно многообразными, проистекая из различных потребностей и интересов, они формируются у советского человека в процессе активного

участия в жизни общества. Мотивы поведения в огромной степени зависят от осознания советским человеком своих моральных обязанностей, задач, выдвигаемых перед ним общественной жизнью.

Вопрос о мотивах поведения в условиях социализма приобретает особую значимость именно потому, что хотя «...скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹ еще не завершен в полной мере, но люди здесь уже оторвались от той рабской зависимости от «слепой необходимости», которая играла такую исключительную роль для масс, скованных цепями эксплуататорского строя. Законы общественного развития, будучи познаны, превращаются из «демонических повелителей» в законы, сознательно используемые обществом в интересах всего народа.

К поведению человека, к мотивам его деятельности в условиях социализма предъявляются повышенные требования именно в силу того, что устранение такого детерминировавшего ранее действия людей фактора, как отношения эксплуатации человека человеком, устранило и возможность оправдания многих действий или смягчения их оценки ссылкой на этот детерминирующий фактор.

«Социализм,— писал А. Я. Вышинский,— выбил у преступности почву из-под ног. Социализм переделал общественные отношения, освободив новое общество из плена старых традиций, старых нравов и старой психологии, делавших человека человеку волком, порождавших ложь, своекорыстие, обман, эгоизм, приносящих в жертву этим низменным чувствам человека и настоящее, и будущее»². Наше право исходит из этого и, хотя учитывает и отставание сознания людей от изменения в их материальных условиях, и силу пережитков старого, но равняется, разумеется, не на отсталых людей, а на передовую часть общества. Оно опирается на факт морально-политического единства нашего народа и общего признания коммунистической нравственности, на факт построения социализма, означающий ликвидацию основной материальной причины, толкающей людей в эксплуататорском обществе на преступления.

Степень свободы, не только политической, но и внутренней, духовной, в условиях социализма настолько превосходит степень пресловутой «свободы» личности в самой «демократической» буржуазной стране, что, естественно, отсюда

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 143.

² Акад. А. Вышинский. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, «Советское государство и право», 1939, № 3, стр. 17.

огромное повышение требований к поведению человека, к мотивам этого поведения. Конечно, нельзя игнорировать огромную разницу между осуществляемым в нашей стране принципом социализма «от каждого по его способности, каждому — по его труду» и принципом полного коммунизма «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям». Осуществление первого принципа не устраняет еще известного имущественного неравенства людей, что предвидели Маркс и Ленин. Но, учитывая равенство в отношении к составляющим всенародное достояние основным средствам производства, в отношении гарантированных каждому советскому гражданину возможностей занять место в обществе в полном соответствии со своими способностями и трудом, наконец, политическое равенство, которое осуществлено в нашей стране, невозможно в факте сохранения известного имущественного неравенства найти основания для снисходительного отношения к таким мотивам поведения людей как алчность, стяжательство, лень и т. п. Эти мотивы могут быть объяснены лишь как пережитки старого в сознании тех или иных людей, в отставании их сознания от глубочайших перемен в материальных условиях общества. Те мотивы, которые лежат в основе преступных действий в капиталистическом обществе, не имеют объективной материальной основы в социалистическом обществе. Отсюда настороженное внимание советского права к мотивам правонарушения, свидетельствующим о степени опасности этого правонарушения и совершившей его личности. Так, например, совершение преступления из корыстных, или низменных побуждений рассматривается советским правом какотягчающее вину обстоятельство.

Борясь с правонарушениями, продиктованными подобными мотивами, наше право способствует и изживанию таких мотивов в психике людей. И наоборот, культивируя уважение и почет в отношении действий, продиктованных глубоко моральными мотивами, наше право способствует укреплению влияния коммунистической морали на все поведение людей, в том числе и на выполнение ими юридических обязанностей.

Критерий различения права и нравственности нельзя видеть в мотивах поведения хотя бы потому, что нормы социалистического права при их установлении или санкционировании законодателем ориентируются на определенные моральные мотивы поведения. Отступления же тех или иных индивидуумов в процессе применения права от этих мотивов являются, таким образом, не чем-то специфическим для права, а вызваны индивидуальными особенностями отдельных лиц, причем такими особенностями, которые в социалистическом обществе

не типичны, не характерны для него и не обусловлены им, а являются результатом пережитков старого в сознании этих отдельных лиц.

Неверно было бы, исходя из того, что признаком, отличающим право от морали, является элемент государственного принуждения, утверждать, что основным мотивом выполнения правовых обязанностей является страх перед этим принуждением. Как уже указывалось выше, элемент принуждения имеет место и в сфере морали, и меры принуждения, применяемого общественностью, отнюдь не всегда мягче правового принуждения. Поэтому и в числе мотивов выполнения нравственных обязанностей у отдельных людей может не только иметь место, но и быть решающим, мотив страха перед последствиями отступления от выполнения моральных обязанностей. Но в условиях социализма страх перед угрозой принуждения со стороны общественного мнения может быть решающим мотивом как при применении правовых, так и юридических норм лишь для меньшинства людей, для тех из них, кто внутренне не воспринял законы социалистической нравственности и не осознал справедливость и моральность требований социалистического права. А такие люди не могут рассматриваться как типичные для нашего общества, представляют собой исключение из общего правила.

Наше право не игнорирует и этого мотива, имея в виду эти немногочисленные категории людей. Но облик нашего народа определяют не они, а те подлинно советские люди, которые с такой силой проявили свой высокий моральный уровень, свою внутреннюю красоту, свое отношение к социалистическому государству и его праву и в годы великих испытаний военного времени, и в годы героической созидательной мирной работы.

Решающим мотивом поведения для типичного советского человека являются мотивы совершенно другого рода, как, например, уважение к социалистическому закону, выражающему волю народа и направленному на то, чтобы улучшить жизнь всех людей нашей страны, животворный советский патриотизм, отношение к труду, как к делу чести, сознательная социалистическая дисциплина и т. п. Конечно, нельзя отрицать, что и у сознательных людей нашей страны порой дают знать себя остатки старого в психологии, что сказывается и в мотивах тех или иных действий соответствующих лиц и в самом поведении в тех или иных конкретных случаях, в поступках, иногда неожиданных не только для окружающих, но и для тех, кто совершил эти поступки. Однако уже самый характер таких мотивов, или таких поступков, представляющих собой проявление неизжитых еще полностью пережитков ста-

рого в психологии, говорит о том, что они не являются характерными для советского социалистического общества.

Возвращаясь к вопросу о различии между правом и моралью в социалистическом обществе, необходимо подчеркнуть, что это различие нельзя обосновать различием мотивов поведения людей. Подлинно советские люди руководствуются одними и теми же благородными мотивами и при выполнении предписаний права и при следовании установившимся в нашем обществе нормам коммунистической морали.

* * *

Огромный интерес представляет вопрос о том, должен ли, и в какой мере, советский суд заниматься при рассмотрении дела выяснением морального облика обвиняемого или сторон в гражданском споре, давать оценку их поведения с точки зрения социалистической нравственности.

Что касается уголовных дел, то здесь вопрос ясен. Уже в процессе следствия эта сторона не может не привлекать внимания следователя. Суд, разбирая дело, не может игнорировать моральный облик обвиняемого. Установить степень социальной опасности преступника нельзя без учета того, что он представляет собою в моральном отношении. Необходимость выяснения судом морального лица обвиняемого прямо предусмотрена законодательством. Напомним ст. 18, 45, 47, 48 УК РСФСР и соответствующие им статьи УК других советских республик. В ст. 18 говорится, что наказания «...определяются для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности этого преступления и участвовавшего в нем лица». Но для того, чтобы определить степень опасности лица, надо выявить его моральный облик. Эта мысль воспроизводится и в п. «в» ст. 45. Суд назначает наказание «...исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступления». В ст. 47 подробно перечисляются отягчающие обстоятельства, каждое из которых само по себе фактом своего установления проливает свет на моральный облик обвиняемого. Среди них выделены вторичное совершение преступления, совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений, совершение преступления с особой жестокостью, насилием или хитростью или в отношении лиц, подчиненных преступнику или находившихся на его попечении, либо в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянии. С другой стороны, в перечне смягчающих обстоятельств, даваемом ст. 48, мы находим такие, как совершение преступления в первый

раз, совершение его по мотивам, лишенным корысти или иных низменных побуждений, либо под влиянием угрозы, принуждения, служебной или материальной зависимости, либо под влиянием сильного душевного волнения, либо в состоянии голода, нужды или под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий, либо, наконец, по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств¹.

Установление указанных мотивов требует изучения морального облика обвиняемого, всего его поведения, так как, например, заявление обвиняемого, что он действовал по мотивам, лишенным корысти, не может быть взято на веру, а требует подкрепления в данных, относящихся к его личности, в обстоятельствах дела. Всякое уголовное дело требует от суда обстоятельного изучения мотивов поведения и всего морального облика обвиняемого. Очень много для уяснения затронутого вопроса дают судебные речи А. Я. Вышинского, как государственного обвинителя по ряду крупнейших процессов.

Излагая обстоятельства рассматриваемого дела, А. Я. Вышинский, прежде чем перейти к определению степени виновности обвиняемого и к предложению о мере наказания, подробно останавливается на мотивах поведения обвиняемых, давая глубокий анализ морального облика каждого из них.

Так, выяснение морального облика одного из обвиняемых по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан» сделало очевидной неслучайность его преступного поведения, показало с предельной четкостью его социальную опасность².

Говоря об одном из главных обвиняемых по делу о вредительстве на электростанции — Лобанове — и дав развернутую картину его преступной деятельности, А. Я. Вышинский ясно показал облик этого нечистоплотного, потерявшего моральные устои субъекта. «Конечно, — говорил о нем А. Я. Вышинский, — это разложившийся тип, это тип и вредителя и шпика второго сорта. В нем воплотились, мне кажется, и все особенности того класса, представителем которого он является, класса, морально разложившегося, морально себя уже исчерпавшего. Отец — заводчик, брат — арендатор мельницы. Вот его родословная, которая определяет точки его моральной опоры. Знаем мы эти точки, знаем мы эту мораль, — она воплотилась и в Лобанове. Но Лобанов именно в силу этих свойств был особенно подходящим материалом для работы в

¹ Интересным примером строгого учета и различения мотивов преступления является постановление Пленума Верховного суда РСФСР о судебной практике по делам о детоубийстве («Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», М., 1931, стр. 438—439).

² См. А. Я. Вышинский. Судебные речи, М., 1938, стр. 178.

контрреволюционном вредительском направлении, тем более, что это полностью совпадало с его собственными взглядами и стремлениями. Тут имеются налицо факты, говорящие сами за себя, имеются показания, свидетельствующие о том, что Лобанов — и шпион и вредитель»¹.

Выяснение морального облика обвиняемого в делах подобного рода позволяет с непреложной очевидностью установить, что организаторы диверсионной работы в наших условиях могли находить себе агентуру, исполнителей именно среди лиц морально разложившихся и только среди них.

Именно в силу указанного должны быть особо отмечены такие дела, как дело троцкистско-зиновьевского террористического центра, дело антисоветского троцкистского центра, дело антисоветского правотроцкистского блока. В речах государственного обвинителя по этим делам с исчерпывающей полнотой была показана субъективная вина каждого обвиняемого и вся глубина морального падения вдохновителей и исполнителей преступных контрреволюционных планов, омерзительный облик всех этих зиновьевых, каменевых, троцких и т. д., сделавших, говоря словами А. Я. Вышинского, из маккиавеллизма и азефовщины источник своей деятельности, своих преступлений. Ложь, лицемерие, коварство, вероломство, цинизм, беспринципность, измена родине, организация и подготовка убийств руководителей партии и Советского государства — вот что характеризует облик этих презренных агентов немецкого фашизма, этих государственных преступников, задавшихся целью любыми средствами сорвать строительство социализма в нашей стране, сорвать достижения рабочих и колхозников, вызвать в народе недовольство Советской властью, помочь враждебному капиталистическому окружению реставрировать капитализм в СССР.

А. Я. Вышинский в речи по делу антисоветского троцкистского центра прекрасно сказал: «С этой шайкой убийц, поджигателей и бандитов может сравниться лишь средневековая каморра, объединявшая итальянских вельмож, босняков и уголовных бандитов. Вот моральная физиономия этих господ, морально изъеденных и морально растленных. Эти люди потеряли всякий стыд, в том числе и перед своими сообщниками и перед самими собой»².

Выяснение морального облика обвиняемого в любом уголовном деле необходимо и потому, что оно дает возможность установить, является ли обвиняемый «случайным» преступником, или же перед судом стоит преступник, хладнокровно

¹ А. Я. Вышинский. Судебные речи, М., 1938, стр. 333.

² А. Я. Вышинский. Судебные речи, М., 1938, стр. 414.

Обдумавший все заранее, подготовленный к преступному шагу всеми своими «моральными» устоями.

Напомним о хабаровском процессе в 1949 г. по делу японских преступников войны; материалы судебного следствия ясно показали всему миру внутренний облик этих хладнокровных человекоубийц, по приказу свыше расчетливо готовивших смерть массам ни в чем не повинных людей, изготовлявших бациллы чумы, холеры и прочие орудия бактериологической войны.

Если вопрос о задачах суда по выяснению морального облика обвиняемого, мотивов его поведения при рассмотрении уголовного дела достаточно ясен, то в отношении гражданских дел вопрос обстоит сложнее. А между тем и в гражданских делах вопросы нравственности, морального облика сторон могут быть, и часто бывают, чрезвычайно острыми.

Остатки прошлого еще дают себя знать в различных областях нашей жизни. Всякий, кто присутствовал на суде при рассмотрении таких, например, гражданских дел, как жилищные, алиментные, знает, как иногда сильно дает себя знать живучесть мещанских пошлых традиций. Советский суд осуществляет огромного значения воспитательные функции¹. Естественно, поэтому, что он не может при рассмотрении и этого рода дел замкнуться в пределах исключительно юридических фактов, но обязан разобраться во всех обстоятельствах дела, а в тех случаях, когда это подсказывается характером дела,— и в моральном облике сторон. Выяснение морального облика сторон необходимо, например, при решении вопроса о том, у кого из разведенных супругов останутся дети, а также в делах об отобрании детей у таких родителей, которые грубо пренебрегают своими родительскими обязанностями.

Так, в определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску гр-на М. к гр-ке Б. об отобрании у нее ребенка (1938 г.) мы находим указание судам о безусловной необходимости при решении споров о детях учитывать моральные качества родителей, личные привязанности ребенка. «При рассмотрении спора об изъятии ребенка,— читаем мы в этом определении,— суд должен исходить исключительно из интересов ребенка (ст. 44 Кодекса законов о браке, семье и опеке). При этом суд должен иметь в виду, что интересы ребенка не обеспечиваются одними материальными условиями его воспитания и моральными качествами родителя-воспитателя, но, принимая во внимание возраст, в

¹ О воспитательных функциях суда см. брошюру: И. Т. Голяков. О задачах правосудия в социалистическом государстве, М., 1945.

котором он находится, требуют также учета личной привязанности ребенка к одному из родителей»¹.

Насколько последовательно проводится в судебной практике по спорам о детях положение о необходимости выяснения морального облика родителей, можно было бы проиллюстрировать рядом судебных дел. Ограничимся лишь одним. Пленум Верховного суда СССР постановлением от 3 января 1940 г. отменил определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Т. к Д. об изъятии ребенка, указав как на самый серьезный и основной мотив отмены на то, что при вынесении определения не была достаточно тщательно выяснена личность родителей, их моральный облик. «Разрешение вопроса о том, у кого из родителей должен остаться ребенок,— подчеркнул в своем постановлении пленум,— требует учета не только жилищного и материального положения сторон, но и выяснение личности и характера родителя, будущего воспитателя ребенка»².

Затронутый вопрос является одним из тех вопросов соотношения социалистического права и социалистической нравственности, который привлек к себе внимание наших теоретиков и нашел освещение в литературе.

Г. М. Свердлов, подвергнув резкой критике еще неизжитый полностью среди юристов взгляд о недопустимости оценки нравственного поведения сторон в делах по спорам о детях, правильно указывал, что в такой точке зрения «...проглядывает какое-то непонятное противоположение судебного, правового решения нравственной, моральной оценке»³.

Мы остановились лишь на одной категории гражданских дел, наиболее ярко показывающих, какое большое значение имеет учет судом морального облика сторон. Но необходимость такого учета возникает в зависимости от обстоятельств и по другим гражданским делам, в частности иногда при рассмотрении судом вопросов об увольнении.

Учет моральных качеств лица имеет место не только в уголовных делах и гражданских спорах, но и в таких, например, случаях, как назначение опеки, усыновление, патронат и т. д. Ст. 76 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР подчеркивает необходимость при выборе опекуна принимать во внимание личные свойства предполагаемого к назначению и способности его к несению соответствующих обязанностей.

¹ Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.), М., 1940 стр. 190—191.

² «Советская юстиция», 1940, № 4, стр. 39.

³ Г. Свердлов. Право на воспитание и судебные споры о детях. «Советское государство и право» 1940, № 5—6, стр. 68.

Выявление судом морального облика как обвиняемых в уголовном процессе, так и сторон в гражданском деле важно и необходимо не только для вынесения правильного, соответствующего закону судебного приговора или решения. Оно имеет огромное значение для правильного выполнения судом своей воспитательной роли вообще, поскольку публичное выяснение морального облика обвиняемых или сторон гражданского дела имеет резонанс далеко за стенами суда, способствует мобилизации общественного мнения в определенном направлении и служит предостережением для неустойчивых в моральном отношении людей.

На примере разобранный вопроса можно ясно видеть, что различие права и нравственности, как особых частей социалистической надстройки, обладающих своей спецификой, отличающихся друг от друга и от остальных надстроечных явлений, в то же время позволяет глубже уяснить неразрывную связь и взаимодействие советского права и коммунистической морали. Нельзя говорить о советском праве, обходя вопросы коммунистической морали, как равно нельзя трактовать вопросы коммунистической морали, обходя молчанием вопросы советского права, общность исходных принципов этих двух систем социальных норм, гармоническую увязку их требований, их согласованное и эффективное взаимодействие в осуществлении политики большевистской партии и всей деятельности Советского государства.

Г л а в а 5

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА В ДЕЛЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Необычайно важная в теоретическом отношении и огромной политической актуальности тема о роли советского социалистического права в деле коммунистического воспитания масс еще не получила полного освещения в нашей литературе, хотя роль эта давно осознана и фрагментарно эта тема задевалась и освещалась довольно часто. Поднять эту тему во всей широте на основе обобщения неисчерпаемого материала, который представляет собой практический опыт разно-стороннего участия нашего права в переделке сознания и жизни людей, можно лишь соединенными усилиями советских юристов различных специальностей.

Само собой понятно, что в гигантском процессе переделки людей такая составная часть надстройки, как советское право, является лишь одним из слагаемых в том многообразном комплексе рычагов, организационных средств, путем которых возглавляющая этот процесс партия Ленина — Сталина выполняет свою историческую миссию.

О том, что право может явиться могучим рычагом воспитания масс, усовершенствования нравов, писалось немало с давних пор. Особенно много писали на эту тему французские энциклопедисты. Дидро, например, неутомимо пропагандировал мысль о том, что посредством одних только законов, «правильно построенных», можно улучшить коренным образом нравы людей, добиться нравственного усовершенствования человека¹.

Французские материалисты XVIII в. правильно понимали, что, как формулировал Маркс, излагая их взгляды, «если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало

¹ См. Дени Дидро. Соч., т. VII. М.—Л., 1939, стр. 242, 266, 217.

быть, сделать обстоятельства человеческими»¹. Но, оставаясь в области общественной науки на идеалистических позициях, они утопически представляли себе, что сделать обстоятельства человеческими можно посредством одного только издания справедливых и умных законов, посредством одного только права. Лишь на базе научного социализма и в условиях победы социалистической революции, положившей начало формированию социалистического базиса, право явилось действительно мощным рычагом в деле воспитания народа, воспитания в духе социалистической сознательности. Победа социалистической революции, вызвавшей в жизнь новый, высший тип государства и права — социалистическое государство и право, создала и необходимые предпосылки для осуществления перевоспитания масс.

В условиях антагонистического строя право хотя и используется господствующим классом в деле «воспитания» масс, но эта роль его отрицательна, ибо она сводится к воспитанию масс в духе, угодном господствующему эксплуататорскому классу, в духе уважения к частной капиталистической собственности, — этой основе эксплуатации человека человеком, в покорности надетому на них ярму, в духе, противоречащем подлинным интересам трудящихся масс. Нельзя ни на минуту забывать, что буржуазному и вообще эксплуататорскому государству несвойственна такая функция, как хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная, и что поэтому все используемые буржуазным государством средства идеологического воздействия на массы, вся работа его в области «культуры» является не чем иным как составной частью основной его функции — подавления трудящихся масс, т. е. большинства народа, одним из средств этого подавления. Яркой иллюстрацией к этому может служить печать, радио, кино и т. д. в США. Роль права в странах империалистического лагеря более реакционна, чем когда бы то ни было. Буржуазное право противоречит интересам культуры, прогресса в целом, превратилось в тормоз для прогрессивного развития человечества.

Держа миллионы детей трудящихся вне школы, лишая трудящиеся массы возможности получить не только высшее и среднее, но в значительной мере даже низшее образование (напомним вынужденное признание Трумэна в посланиях к конгрессу о состоянии народного образования), империалистическая буржуазия оболванивает массы посредством законодательства, радио, печати, кино, церкви, школы и т. п. рычагов своего идеологического господства. В сознание масс буржуазия

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 160.

вбивает нужные ей идеи, взгляды, убеждения, тормозящие развитие общества, направленные на борьбу против всего передового, идущего на смену капиталистическому строю.

Совершенно по-новому вопрос о воспитательной роли права встает в условиях социалистического государства, особенно в условиях победы социализма. Прежде всего нужно иметь в виду ту новую закономерность, которая характерна для общества, свергнувшего капиталистический строй, и которая заключается в качественно новом характере и в гигантском росте силы обратного воздействия общественной надстройки на экономику, на материальные условия общества и на сознание людей. Причина этого заключается прежде всего в природе нашего государства, его функциях, в руководящей роли коммунистической партии, вооруженной передовой теорией и обеспечивающей правильную, научнообоснованную политику нашего государства. В условиях победы социализма роль общественной надстройки, в том числе и права, еще более усиливается. Огромная воспитательная роль социалистического права обязана указанным особенностям нашего государства и осуществляемой им большевистской политики.

Цельное и законченное учение И. В. Сталина о социалистическом государстве, вобравшее в себя идейное наследие Ленина по вопросу о социалистическом государстве и весь опыт социалистического строительства, дало теоретическую основу для правильной постановки и развития вопроса о роли политико-юридической надстройки в воспитании масс. Указание И. В. Сталина о наличии в числе функций Советского государства новой, самостоятельной, неизвестной эксплуататорским государствам функции хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы объясняет новое качество воспитательной роли нашего права. Воспитание масс является для нашего права не подсобным средством осуществления функции подавления, как в буржуазном обществе. Для нашего права коммунистическое воспитание с самого начала представляло самостоятельную задачу.

В пределах первой фазы, как указывал И. В. Сталин, хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция нашего государства не получила серьезного развития. Однако это не значит, что в тот период государство (а следовательно, и право) мало делало в этом направлении. Сталинское указание надо понимать как сравнение со второй фазой развития нашего государства, где эта функция превращается в основную, выступает на первый план, получая гигантский размах. Масштабы осуществления культурно-воспитательной работы в первой фазе были несравненно меньшими, чем во второй фазе. Это и понятно, если учесть,

сколько сил уделялось в первой фазе осуществлению функции подавления свергнутых классов и обороны страны и как недостаточны были тогда материальные ресурсы государства.

Говоря о роли права в коммунистическом воспитании, надо иметь в виду, что самая специфика его методов не могла не определять и на том этапе весьма важную роль права в воспитании масс, в борьбе с вредными пережитками старого, во внедрении в общество новых правил, новых идей, новых отношений между людьми. Понятно, что при этом нужно учитывать колоссальную разницу в условиях первой и второй фаз, в классовой структуре общества, в конкретных задачах, выдвигавшихся перед правом, в степени развития хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции Советского государства.

Вступление страны в период социализма означало огромное возрастание воспитательной роли права именно вследствие победы социалистического общественного строя, ликвидации эксплуататорских классов и могучего размаха хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов во всех ее формах и видах.

Вместе с тем это означало и гигантское увеличение объема задач права в воспитании масс уже в силу того, что в условиях победы социализма оказались ликвидированными такие основные социальные источники преступности как существование эксплуататорских классов и эксплуатации человека человеком, безработица, нищета. Следовательно, главным источником еще не изжитой преступности в новых условиях являются именно остатки старого в психологии и сознании людей, в силу отставания сознания от изменения в материальных условиях общества и наличия капиталистического окружения. Отсюда понятно, какое гигантское значение в этих условиях приобретает воспитательная роль права.

Всеми своими методами, формами, средствами советское социалистическое право активно содействовало и содействует созданию в обществе здоровой моральной атмосферы, развитию социалистической демократии, созданию и укреплению сознательной социалистической дисциплины, культивированию животворного советского патриотизма, пролетарского интернационализма, социалистического гуманизма, укреплению советской семьи, утверждению новых передовых взглядов, принципов, норм поведения, развитию большевистской критики и самокритики.

Наши советские законы, начиная с первых декретов Октября, несли в массы эти новые идеи, принципы, взгляды, убеждая массы в справедливости нашего строя, в возвышен-

ности целей и задач государства и права, расширяя кругозор людей, поднимая, обогащая их сознание. Наше право через все свои каналы — законодательство, суд, юридические консультации, административные распоряжения — воспитывало в людях чувство собственного достоинства, сознание обеспеченности своих прав, полноты и гарантированности своих побед.

Советское право, закрепляя формы государственного устройства нашей многонациональной страны и гарантируя равноправие граждан независимо от расы и нации, культивировало братское отношение между народами и способствовало выкорчевыванию былого взаимного недоверия наций, все более и более тесному сближению их вокруг великого русского народа и укреплению в обществе животворного советского патриотизма, сплачивающего все нации нашей страны в едином чувстве любви к своей советской родине и взаимоуважении.

Наше право, выполняя исключительно большую роль в осуществлении функции охраны социалистической собственности от воров и расхитителей, тем самым содействовало и содействует укреплению в обществе соответственной нормы коммунистической нравственности, требующей от каждого гражданина СССР беречь и укреплять социалистическую собственность.

Требую неукоснительно от каждого исполнения его служебных и общественных обязанностей, карая тех, кто нарушает их, окружая почетом и славой тех, кто с особым успехом их выполняет, наше право содействовало и содействует укреплению в обществе такой нормы нравственности (являющейся одновременно и правовой нормой), как требование честного выполнения общественного долга.

Борясь против вредных пережитков капитализма в экономике, быту и сознании людей, наше право способствовало и способствует укреплению в обществе норм коммунистической морали, социалистических правил общежития.

Для уяснения огромной и благотворной роли советского права в нравственном воспитании народа необходимо учитывать соотношение в наших условиях права и нравственности с политикой, качественно новое отношение в советском обществе политики и экономики, а равно политики и всех многообразных форм общественного сознания.

Политика всегда и всюду воздействовала на идеологическое развитие. Господствующие политические воззрения в любом обществе оказывают огромное влияние на науку и искусство, на нравственное состояние общества, на господствующую в нем систему морали и правосознание. «Ни одна

область общественного сознания не находится вне воздействия политики»¹.

Как право и нравственность буржуазного государства не могут быть поняты в отрыве от политики этого государства, так и социалистические право и нравственность должны рассматриваться в тесной связи с политикой социалистического государства. «Благотворное воздействие политики Советского государства на развитие общественного сознания определяется самой природой этой политики...»². «Политика советского социалистического государства имеет своей прямой целью и одной из основных своих задач воспитание людей в духе высшей нравственности — нравственности коммунистической, развивающей в человеке благородные социальные чувства, дружбу и сотрудничество между народами, преданность делу социализма, самоотверженное служение народу, ненависть к реакции во всех ее видах»³. Это объясняет как содержание, так и действенность и размах воспитательной роли социалистического права.

Дисциплинированность во всех ее видах и формах (самодисциплина, трудовая, государственная, военная и т. д.) является одним из важнейших качеств советских людей, как волевых и сознательных членов социалистического общества. Заслуга нашего права в укреплении дисциплины чрезвычайно велика.

Моралисты, социологи, политики, юристы всех времен уделяли огромное внимание значению дисциплинированности людей. Во многих работах по этике можно найти так или иначе выраженную мысль о том, что первым элементом морали является дух дисциплины и что все моральное воспитание можно рассматривать как воспитание дисциплины.

Это, конечно, верно, но все дело в том, о какой дисциплине идет речь в действительности. Ближайшее родство права и нравственности сказывается уже в том, что обе эти части общественной надстройки служат средством дисциплинирования и самодисциплинирования людей. Но в условиях эксплуататорского строя требования права и господствующей в обществе морали о дисциплинированном поведении имеют своей целью духовное подчинение эксплуатируемых масс кучке эксплуататоров. Дисциплина палки и голода поддерживалась и орудиями идеологического воздействия. Понятно, что те люди, которые в условиях векового рабства привыкли

¹ «Значение идеологической работы в современных условиях» (передовая). «Большевик», 1946, № 9, стр. 7.

² Там же.

³ Там же, стр. 7, 8.

видеть в дисциплине ненавистное ярмо, не могли сразу отрешиться от этого взгляда. Советское право во взаимодействии с коммунистической нравственностью явилось в руках партии и социалистического государства огромного значения фактором воспитания качественно новой, а именно сознательной дисциплины и самодисциплины, установления в обществе той дисциплины труда, без которой, как неоднократно указывал В. И. Ленин, невозможен никакой успех в построении общества, не знающего эксплуатации человека человеком¹. В наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Особенно следует отметить при обсуждении вопроса о восстановлении дисциплины и самодисциплины трудящихся ту важную роль, которая выпадает теперь на долю судов»². С другой стороны, само по себе право не могло бы добиться существенных успехов в создании и укреплении дисциплины без вдохновляющей силы принципов коммунистической нравственности, без моральной силы примера, показываемого передовым отрядом рабочего класса — большевистской партией, без огромной повседневной работы большевистской партии по воспитанию масс. В борьбе с нарушениями дисциплины право опиралось и опирается всегда на коммунистическую нравственность, на моральный авторитет партии Ленина — Сталина.

Как в этом, так и в других вопросах коммунистического воспитания для нравственности и права характерны взаимопроникновение и взаимодействие.

Уже сейчас основная масса советских людей выполняет, как правило, требования права не в силу неприятных для себя последствий в случае нарушения или обхода этих норм, а из моральных убеждений и в силу самодисциплинированности.

М. И. Калинин, выступая на XVIII съезде партии, указывал, что по мере продвижения общества к коммунизму все более будет возрастать роль моральных норм как регулятора поведения масс³. Тем не менее, еще не скоро отпадет необходимость правовых методов воспитания и поддержания дисциплины. Социалистическое право и коммунистическая нравственность выполняют и будут еще долго выполнять в тесном сотрудничестве и взаимопроникновении огромную роль в дисциплинировании и воспитании воли людей.

Можно говорить об известном разделении роли права и нравственности в данной области. Коммунистическая нрав-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 191.

² Там же.

³ См. «Правда» от 18 марта 1939 г.

ственность формулирует общее содержание требования дисциплины, ставит это требование в связь с другими нормами, раскрывает моральную значимость этого требования, т. е. мотивирует его. Социалистическое право, исходя из принципов коммунистической нравственности, разрабатывает и выдвигает конкретные требования дисциплины применительно к различным сферам деятельности людей и регламентирует такие условия, которые не только обеспечивают дисциплину, но и укрепляют привычку к дисциплинированному поведению.

Результаты этого взаимодействия права и нравственности уже в настоящее время весьма ощутительны. А. С. Макаренко в статье по вопросу о дисциплине хорошо сказал, что дисциплина входит, укореняется у нас как необходимая форма нашего политического и нравственного благополучия. Он выразил также всю глубину изменения взглядов в нашем обществе на дисциплину: «Человек недисциплинированный в старом обществе никак не рассматривался как человек безнравственный. В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и мы рассматриваем его не только с точки зрения внешнего технического удобства, но и с точки зрения политической и нравственной»¹.

В этом — одно из величайших достижений победившего социализма. Успешное внедрение в общество такого взгляда на дисциплину во многом обязано также нашему праву. Наше право смогло резко повысить во второй фазе развития государства требования в области трудовой, государственной, воинской и т. д. дисциплины именно потому, что оно имеет надежную опору в общественном мнении.

Может возникнуть вопрос, как можно посредством специальных методов правового воздействия на нарушителей дисциплины способствовать укоренению в обществе соответствующих норм коммунистической нравственности? Не согласиться ли с теми, кто считает, что люди, повинующиеся дисциплине исключительно из-за боязни неприятных последствий нарушений, безнадежны с точки зрения морали, что их внешняя дисциплинированность представляет собой лишь лицемерие? Нет, конечно, с этим нельзя согласиться, ибо такое утверждение исходит из неверия в возможность перевоспитания людей и из архиневверного представления о якобы прирожденности, наследственности моральных и аморальных свойств человека.

¹ А. С. Макаренко. Педагогические сочинения. М.—Л., 1948. стр. 142; см. также стр. 276.

В первом из двух поставленных выше вопросов мы сталкиваемся с новым и весьма интересным вопросом — о роли привычки в деле воспитания масс, о возможности превращения в привычку выполнения социальных норм. О силе привычки знает каждый. Сила старых вредных привычек не раз упоминалась В. И. Лениным как огромная помеха в деле продвижения нашего общества вперед. «Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила», — писал он¹. Но Ленин знал и благодетельную силу привычки и в книге «Государство и революция» подчеркнул ее, говоря о превращении в будущем выполнения правил общежития в привычку для всех членов общества².

Разумеется, нельзя согласиться с теми, кто рассматривает поведение в силу привычки как якобы лишенное нравственного содержания, как нельзя считать, что привычка исключает норму. Если мы ежедневно умываемся в силу привычки, почти автоматически, без всякого взвешивания мотивов, то это не значит, что мы не следуем правилу, т. е. норме. Все дело лишь в том, что разумность такого правила раз навсегда нами осознана и поэтому не требуется каждый раз вновь решать вопрос следует или не следует так поступать.

Привычность выполнения любого нравственного требования без всяких внутренних споров, колебаний говорит не об автоматизме поведения, не о механической рефлекторной реакции, а о прочном навыке, как результате сознательной деятельности человека, т. е. о нравственной зрелости человека, для которого не существует сомнений и колебаний в том, что он должен всегда поступать хорошо, справедливо.

А. С. Макаренко, уделивший в своих педагогических и литературных трудах огромное внимание вопросам коммунистического воспитания, правильно указывал, что мало еще осознать справедливость и красоту коммунистической морали, проверить каждый свой поступок с точки зрения соответствия ее принципам. «Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками». «Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 27.

² См. В. И. Ленин, т. 25, стр. 446.

привыкли. И воспитание этих привычек гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания»¹.

Внедрение в привычку нравственного поведения, привычного исполнения норм социалистического общежития, представляет собой одну из целей, к которой стремятся и коммунистическая нравственность и советское право.

Право присущими ему методами форсирует выработку подобной привычки. Опыт педагогики достаточно убедительно говорит о необходимости активно воздействовать как путем убеждения, так и разумного принуждения на человека, чтобы выработать у него нужную привычку. Право и выступает в роли своеобразного воспитателя общества, настойчиво требуя от каждого его члена выполнения установленных государством общеобязательных правил и тем самым не только дисциплинируя его волю, но и способствуя постепенно выработке у него привычки выполнять эти строго определенные правила, выражающие волю советского народа. Когда же этот воспитательный процесс дойдет до той стадии, которая не будет уже вызывать необходимости в мерах принуждения со стороны государства и права, в силу того, что люди привыкнут к соблюдению требуемых социалистическим обществом правил общежития, «...тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе...»².

Мы остановились более подробно на вопросе о дисциплине и привычке потому, что в этом — стержень воспитательной роли советского права. По мере все большего укрепления сознательной дисциплины как трудовой, так и всех других видов, и привычки выполнять правила, предъявляемые социалистическим обществом к индивиду, добровольное выполнение и моральных и правовых норм получает все больший и больший удельный вес.

Борясь против вредных и старых привычек, культивируя новые, внедряя их путем методов убеждения, поощрения, принуждения и предупреждения (превентивная сила наказания), приучая людей к точному выполнению возлагаемых на них обязанностей, наше право выступает как сила огромной действенности. И здесь нельзя не напомнить очень меткое замечание А. С. Макаренко, что: «В нашем обществе точное выполнение обязанностей — нравственная категория»³.

¹ А. С. Макаренко. Педагогические сочинения. М.—Л., 1948, стр. 69.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 446.

³ А. С. Макаренко. Педагогические сочинения, М.—Л., 1948, стр. 68.

Для успеха коммунистического воспитания огромное значение имеет наличие в обществе здоровой моральной атмосферы.

Советское социалистическое право, изолируя от общества преступные личности, содействует все большему оздоровлению моральной атмосферы в обществе. Этому же содействует применение советским судом мер наказания к правонарушителям, превентивное значение этих мер.

Ненависть к врагам народа — священное чувство. Решительная борьба нашего права со всем, что враждебно нашему народу, государству, лишь укрепляет его авторитет в массах, сознание его справедливости. В то же время это в огромной степени содействует культивированию в обществе принципиальности и непримиримости к врагам, т. е. одного из важнейших принципов коммунистической нравственности.

Бывают преступления, настолько глубоко потрясающие общественную совесть, что применение в отношении совершивших их недостаточно сурового наказания может подорвать доверие к справедливости права. И, наоборот, самое суровое наказание этих преступников благотворно влияет на общество. Вспомним глубочайшее удовлетворение, которое вызвали в нашем народе приговоры в отношении врагов народа или гитлеровцев — военных преступников.

Применяя смертную казнь в интересах трудящегося народа против врагов народа, не остановившихся в своей звериной ненависти перед самыми тяжелыми преступлениями, Советское государство всегда рассматривало ее лишь как временно применяемую меру наказания. Как только внутренняя и международная обстановка сняли необходимость в этой мере наказания, Советское государство тотчас отменило ее. Указ от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» в своей вступительной части разъясняет отмену в мирное время смертной казни в нашей стране исчерпывающим образом: «Историческая победа советского народа над врагом,— читаем мы в Указе,— показала не только возросшую мощь Советского государства, но и прежде всего исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких

общественных кругов,— Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени»¹.

Три года спустя после издания этого указа, Президиум Верховного Совета СССР, ввиду поступивших заявлений от национальных республик, профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры о необходимости внести изменения в указ об отмене смертной казни, издал 12 января 1950 г. указ о применении, в виде изъятия из этого указа, смертной казни, как высшей меры наказания, к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам. Это следует, в частности, объяснить тем огромным возмущением, которое вызвали в массах разоблаченные на хабаровском процессе чудовищные злодеяния японских военных преступников, применявших бактериологическое оружие. Материалы процесса показали целесообразность и справедливость применения впредь к определенным, наиболее опасным преступникам смертной казни, учитывая конкретную международную обстановку, планы поджигателей новой войны.

Такова диалектика жизни,— все зависит от условий, места и времени, от того, где, кем, к кому и в каких целях применяется смертная казнь. Это требование глубокого и всестороннего учета объективной значимости данной меры наказания в данных конкретных условиях. Принципиально враждебное отношение к смертной казни вообще отнюдь не должно мешать видеть ее справедливость и оправдывать ее в известных конкретных условиях, когда она является необходимым средством, применяемым народом для защиты своих кровных интересов.

Беспощадность к врагам сочетается в нашей стране с подлинным гуманизмом, невиданным нигде по широте реализации, с всесторонней заботой о людях.

Многочисленные правовые акты, изданные в полной согласованности с коммунистической нравственностью, свидетельствуют об этой заботе о рядовом человеке, его нуждах, его интеллектуальном росте, ревниво охраняют его права, преследуют их нарушение. Наше право тем самым культивирует в обществе благороднейшие гуманные чувства. Даже наиболее рьяные критики СССР вынуждены признавать далеко идущую в СССР заботу о здоровье человека, о его регулярном отдыхе, о его образовании, о детях, стариках, инвалидах. Наше социальное законодательство не имеет по своей гуманности равных себе в мире. Воспитательное значение подобных норм права очевидно. Возьмем, к примеру, Указ

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 17.

Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. об увеличении помощи многодетным матерям, а также об установлении пособий одиноким матерям, об установлении звания «мать-героиня», орденов и медалей многодетным матерям. Этот Указ отразил уже установившееся в нашем обществе отношение к женщине-матери. В то же время он имеет могучее моральное воздействие на общество в смысле дальнейшего культивирования в нем уважения к женщине-матери, заботы о ней. Он благотворно проявляется в повседневной действительности, укрепляя в каждой матери чувство собственного достоинства, наряду с чувством ответственности за свои родительские обязанности, а в муже, детях и обществе в целом — уважение к ней, помогая всем лучше осмыслить благородную роль женщины-матери в воспитании нового поколения.

Столь же благотворны для нравственного воспитания масс правовые нормы, обеспечивающие заботу об инвалидах труда и войны, об их семьях, о детях-сиротах. Эти нормы права также отправляются от уже утвердившихся принципов коммунистической нравственности. Но они в свою очередь не только подкрепляют эти принципы, но и вызывают возникновение новых социалистических обычаев или правил социалистического общежития. Например, нормы права об организации специальных домов и училищ для сирот, родители которых погибли в Отечественную войну, о патронировании или усыновлении осиротевших детей — вызвали в нашем обществе ряд таких замечательных конкретных правил социалистического общежития, как «усыновление» сирот тем или иным коллективом, шефство предприятий и учреждений над детскими домами, организация таких же домов колхозами и т. д.

Мобилизующую, организующую и воспитательную роль социалистических законов, вызывающих разнообразные формы инициативы масс, можно наблюдать в самых различных областях нашей жизни. Взять хотя бы закон о послевоенном пятилетнем плане. Оживленное обсуждение этого закона массами, вызванный им подъем, воодушевление, множество ценных проявлений инициативы рабочими, колхозниками, интеллигенцией, направленной на лучшее выполнение и перевыполнение этого плана, размах социалистического соревнования и ударничества как ответ масс на этот закон — все это свидетельствует об огромном воспитательном значении закона. Нам памятно то благотворное влияние, которое сыграли в свое время в укреплении коммунистического отношения к труду правовые нормы, направленные на ликвидацию уравниловки в оплате труда, на борьбу против рвачей и летунов, на поощрение хорошо, инициативно работающих.

Участие в социалистическом соревновании, этом замечательном движении современности, свидетельствующем об укреплении в обществе коммунистического отношения к труду, как уже указывалось выше, не является юридической обязанностью советских людей, не предписывается правовыми нормами. Но только политически слепой человек может не заметить мощного воздействия на развитие соревнования таких правовых норм, как, например, нормы о поощрении передовиков производства, нормы устанавливающие награждение передовых предприятий и отличившихся участников соревнования, значение всего нашего трудового законодательства, осуществляющего закрепленный Конституцией основной принцип социализма «от каждого — по его способности, каждому — по его труду».

Огромна воспитательная роль таких правовых норм, как установление звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, а равно награждение орденами и медалями за проявление героизма в деле обороны, за военные подвиги и заслуги, за выдающиеся достижения на трудовом фронте, в частности присвоение звания Героя Социалистического Труда и награждение орденами и медалями колхозников и работников совхозов за получение высоких урожаев, за достижение высокой продуктивности животноводства.

«Мы, — говорил М. И. Калинин, — не только сочувствуем, аплодируем и прославляем наших героев, но и делаем все возможное для того, чтобы они умножились и качественно росли, твердо памятуя при этом, что героизм в его широком проявлении есть продукт нашей социальной системы»¹.

Публичное признание Советским социалистическим государством, советским народом заслуг отдельных членов общества стимулирует награжденных на дальнейшее эффективное служение своему народу, повышает их чувство ответственности.

Правовые нормы, вроде перечисленных выше, и опирающиеся на них акты об индивидуальном награждении содействуют концентрации внимания народных масс на содержании действий, отмеченных высокими правительственными наградами, усиливают эмоциональное влияние этого личного примера на массы, вызывают у каждого стимулирующее дальнейший труд гордое сознание, что в нашем обществе так высоко ценится честный и самоотверженный труд и что личные способности, личные заслуги, личный труд могут каждому принести заслуженную славу.

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, Л., 1947, стр. 25.

Тысячи передовиков-колхозников, которым за выдающиеся результаты в деле повышения урожайности и других производственных показателей, сельскохозяйственного труда присвоено звание Героя Социалистического Труда, десятки тысяч колхозников-передовиков, награжденных орденами и медалями, являются в глазах всего крестьянства живым свидетельством того, на какую высоту поднят советской властью труд. Сила личного примера вызывает появление тысяч и тысяч новых героев и орденосцев, перекрывающих показатели труда в результате окрыленного, вдохновенного труда. Где, когда в истории физический труд, да еще труд землероба, пастуха, доярки, окружался почетом? Где, кроме как в социалистическом государстве, возможны такие правовые нормы, как нормы о присуждении Сталинских премий за выдающиеся достижения в области науки, техники и изобретательства, литературы и искусства, нормы, в процессе применения которых ежегодно, наряду с крупнейшими учеными, деятелями искусства, награждаются многие рабочие и колхозники? Впервые в истории труд, и притом любой профессии, лишь бы он был инициативным, высокопроизводительным, получил должное признание, стал определять собой положение человека в обществе. Выступая на VIII съезде Советов, И. В. Сталин выразил это в следующей замечательной формуле: «Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе»¹.

Советское социалистическое государство — самое демократическое в мире. Советское право гарантирует всему советскому народу величайшие демократические права и свободы, обеспечивает на деле подлинное народовластие, действительное и притом решающее участие народных масс в управлении государством. Нетрудно понять, какое воспитательное значение имеет в силу этого советское право, помогая воспитанию в массах чувства ответственности за судьбы своей страны, инициативность, организованность, предоставляя широкий простор для критики недостатков, стимулируя борьбу против них.

Как указывал И. В. Сталин, большевистские критика и самокритика лежат в основе режима диктатуры пролетариата. Критика и самокритика воспитывают в массах чувство хозяина своей страны. Особенно важное значение получает критика и самокритика в условиях победы социализма, морально-политического единства народа, являясь формой вскрытия и изжития противоречий между старым и новым, одной

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 517.

из движущих сил нашего общества, мобилизуя творческую инициативу масс на преодоление старого, на утверждение и развитие нового. «Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги, как тормоз нашего великого дела»¹.

Советское право, гарантируя свободу печати, слова, собраний, подотчетность депутатов избирателям, право отзыва избирателями депутатов, не оправдавших доверия народа, предоставляя всем гражданам широчайшие права обжалования любых неправильных действий должностных лиц, активно содействует развитию критики и самокритики.

Право и в данном случае выступает во взаимодействии с коммунистической нравственностью, как один из факторов коммунистического воспитания масс.

Закрепляя государственное устройство нашей страны, обеспечивающее подлинную братскую дружбу и равноправие всех народов, советское право культивирует пролетарский интернационализм и советский животворный патриотизм, гармонически сочетающий в себе национальные традиции отдельных народов СССР и общие интересы всего советского народа.

С предельной выразительностью эта гармоническая согласованность советского права с социалистической нравственностью, враждебной всякому национализму, шовинизму, отражена в ст. 123 Сталинской Конституции: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

Одна эта статья дает ясное представление всему человечеству о превосходстве социалистических нравственности и права над нравственностью и правом капиталистических государств.

Советское право, с первых дней своего возникновения служившее присущими ему методами осуществлению задачи подавления сопротивления эксплуататорских классов, а затем и их полной ликвидации, закрепившее факт победы социализма в нашей стране, отсутствие эксплуатации человека

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 110.

человеком, воспитывало и воспитывает советских людей в духе ненависти ко всем проявлениям эксплуатации людей. Закрепляя социалистические производственные отношения, установлению и развитию которых оно всячески способствовало с первых дней победы социалистической революции, советское право тем самым закрепляет материальную основу коммунистической нравственности, благоприятные условия для ее дальнейшего развития.

Закрепляя режим диктатуры рабочего класса, главным в котором является руководящая роль коммунистической партии, советское право тем самым закрепляет важнейшую предпосылку успешного коммунистического воспитания людей.

Право, закрепляя советский социалистический строй, широчайшую свободу и демократию народа, его роль суверена, хозяина своей судьбы, условия для всестороннего развития членов общества, культивирует священное чувство любви к Родине, вызывает жажду подвига во имя ее безопасности и процветания.

Необходимо особо подчеркнуть воспитательное значение нашего права в такой области, как семья, брак, взаимоотношения полов. Наше общество сильно продвинулось вперед в смысле упорядочения столь сложной и трудно доступной для своего регулирования сферы человеческих отношений.

Подходя с чрезвычайной осторожностью к очень сложной вообще, а особенно на первом этапе Советского государства, задаче регулирования семейных отношений, наше семейное право стремилось с самого начала к созданию семьи на новых, высших, противоположных буржуазной семье, принципах.

Установленные нашим семейным правом с первых дней формирования его основные принципы являются непоколебленными до сих пор, несмотря на ряд серьезных изменений правовых норм. Этими принципами являются: равноправие женщины с мужчиной во всех сферах политической, хозяйственной и общественной жизни, юридическая действительность только светского брака (т. е. недействительность церковного брака), полная добровольность брака, равноправие мужа и жены в воспитании детей и в имущественных вопросах. С самого начала, советское право энергично выступило против проституции, содержания притонов разврата, против использования материальной или служебной зависимости женщины. Обеспечивая всестороннее равноправие женщины с мужчиной, оказывая в порядке помощи женщинам в освоении ими своих прав особое внимание в устройстве их на работу, в повышении квалификации, выдвижении на ответственную работу, наше право шло единственно правильным путем

в налаживании правильных, с точки зрения социалистической нравственности взаимоотношений полов.

«Семейная обстановка, отношения между детьми и родителями,— писал М. И. Калинин,— настолько изменились к лучшему, что никакому сравнению не поддаются — они значительно продвинулись к социализму. В капиталистическом мире эти отношения черствы и эгоистичны, грубы и жестоки, а у нас они очеловечились в лучшем смысле этого слова. Вероятно, этому много способствует равноправие женщин»¹.

Последовательное проведение принципа равноправия мужчин и женщин, одного из важнейших принципов нашего права, сыграло, естественно, большую роль как в укреплении семьи, так и в упорядочении отношений между полами, во внедрении и в эту область отношений принципов социалистической нравственности.

Изменения правовых норм в области семьи и брака отнюдь не отменяют указанных принципиальных установок, а способствуют лучшей реализации их при новых условиях. Приравнение ранее фактического брака к зарегистрированному было вызвано вескими в условиях первой фазы нашего государства соображениями защиты интересов женщины, состоящей в фактических брачных отношениях с отказывающимся зарегистрировать брак человеком. Оно было вполне оправдано в условиях того периода, когда еще не могла быть обеспечена фактическая экономическая независимость женщин, когда женщина в массе еще не осознала факта своего юридического равноправия, когда еще сильны были старые взгляды на «незаконный брак», как позорящий женщину.

Приравнение фактического брака к зарегистрированному было, следовательно, вызвано именно указанными реальными условиями того периода, а вовсе не установлено в качестве какого-либо постоянного принципа нашего права. При этом именно судебная практика того периода, а не законодательство, уравнила почти полностью фактический брак с зарегистрированным².

Но то, что было правильным в условиях того периода, стало нецелесообразным в позднейших условиях, характеризующихся укреплением советской семьи, отпадением всего того, что раньше оправдывало приравнение фактического брака к зарегистрированному. Укрепление советской семьи сделало особенно недопустимым в глазах советских людей

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, М., 1947, стр. 29.

² См. «Социалистическая законность», 1946, № 3, стр. 43—45. (Изложение доклада Г. М. Свердлова в Институте права Академии Наук СССР).

легкомысленное отношение к браку и разводу. Указ от 8 июля 1944 г., не отменяя принципа свободы развода, внес соответствующие изменения в законодательство о браке. Направленный как раз против тех, кто легкомысленно относится к браку и разводу, указ заставляет людей серьезно подумать, прежде чем подать заявление о разводе, и предусматривает такую процедуру, при которой создается возможность примирения супругов еще до рассмотрения дела в суде, либо в процессе судебного рассмотрения.

Ряд буржуазных юристов считает, что право бессильно бороться с легкомыслием в данной сфере отношений. Так, известный русский дореволюционный цивилист И. А. Покровский в работе «Основные проблемы гражданского права» подверг резкой критике мнение, что законодательство о разводе может и должно ставить себе целью борьбу с легкомыслием. Советский юрист Г. М. Свердлов, правильно критикуя И. А. Покровского, пишет: «Конечно, это (т. е. точка зрения И. Покровского.— М. К.) — неприемлемая точка зрения, так как она отрицает влияние закона, государства на сознательную деятельность людей. Было бы, разумеется, неправильно думать,— добавляет Г. М. Свердлов,— что могут быть какие-то абсолютные гарантии. Но известные гарантии есть, и они даны в Указе от 8 июля 1944 г. Судебная форма развода, обязанность суда выяснить в каждом случае мотивы развода и предпринять меры к примирению сторон, обязанность предварительной публикации о возбуждении дела о разводе, обязанность, как правило, личной явки обеих сторон в суд, уплата значительной суммы при регистрации развода — все это представляет серьезные гарантии против легкомысленного отношения к возбуждению вопроса о разводе»¹. Уже сейчас можно говорить о благотворном влиянии норм Указа от 8 июля 1944 г. на укрепление этики социалистического общества, укрепление советской семьи. Искоренение встречающихся еще порой в этой области отношений вредных пережитков прошлого в сознании и быту отдельных людей требует не только методов правового воздействия, но и создания надлежащей моральной атмосферы и морального бойкота со стороны общественного мнения в отношении тех, кто относится с неуважением к семье. Само собой разумеется, что роль социалистического права в создании такой моральной атмосферы в обществе весьма велика.

Тот факт, что советская семья, выдержав суровые испытания военного времени, не оказалась потрясенной как семья

¹ Г. М. Свердлов. Брак и развод, М.—Л., 1949, стр. 82—83.

в буржуазных странах, находит объяснение в моральных основах советской семьи, закрепленных нашим правом. «Гражданский брак с любовью» (по ленинскому выражению)¹, лишенный всяких меркантильных расчетов и не связанный с экономической зависимостью жены от мужа, оказался, как и следовало ожидать, несравненно более устойчивым, чем брак по расчету, типичный в буржуазном обществе.

Моральные преимущества советского строя сказались и в том факте, что в то время как повсюду в буржуазных странах в годы второй мировой войны и последующие за ней, еще более возросла профессиональная проституция, наша страна, за полным отсутствием для этого экономических и моральных предпосылок, не знает этого отвратительного явления.

Отмечаемый повсеместно в капиталистическом мире рост распушенности нравов в военные годы не задел нашей страны, что опять-таки подчеркивает крепость моральных устоев социалистического общества. В этом отношении за советским правом, имея в виду все сделанное им с первых лет революции, должна быть признана немалая роль.

* * *

Говоря о воспитательной роли социалистического права и социалистического правосудия, необходимо специально остановиться на вопросе о борьбе с пережитками старого у отсталых в прошлом национальностей восточных окраин СССР, перешедших к социалистическому строю, минуя капиталистическую стадию, непосредственно от феодально-байского строя с многочисленными остатками родового патриархального строя. Нравственная мощь многонационального народа нашей страны особенно ярко проявилась в годину тяжелых бедствий в связи с нападением на СССР фашистско-гитлеровских банд. В это грозное время, явившееся серьезным экзаменом для всех народов, вошедших в братскую семью советских республик, было показано на деле, насколько крепко морально-политическое единство нашего общества, насколько твердо вошли в повседневную жизнь всех многочисленных народов СССР в качестве регулятора поведения нормы коммунистической нравственности. Большая роль в этом принадлежит и советскому праву. Советская власть всегда

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 140.

бережно относилась ко всему, что связано с национальными особенностями. В то же время она со времени своего возникновения повела решительную борьбу с теми национальными обычаями, которые имеют своим источником эксплуататорские интересы и являются вредным пережитком старого феодально-байского строя или патриархально-родового быта, мешающим данному народу в создании и развитии его национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Вот почему уголовные кодексы ряда наших республик включили специальную главу или статьи о преступлениях, составляющих пережитки родового быта. При этом признание определенной группы пережитков феодально-байского и патриархально-родового строя преступлениями не было навязано народам национальных республик. Включению в уголовные кодексы соответствующих норм предшествовала большая подготовительная работа по выяснению взглядов на то или иное явление самого населения восточных окраин. Надо сказать, что в передовой части этого населения еще до Октябрьской революции сложилось убеждение о необходимости борьбы со многими вредными обычаями. Так, еще в июле 1917 г. в Казани был созван I мусульманский женский съезд, которым были приняты резолюции, требовавшие запрещения многоженства, кровной мести, калыма, баранты и т. д.¹ Осенью 1917 г. всемусульманский съезд, собравшийся в Москве, поддержал эти предложения, причем в своих резолюциях указал, что перечисленные выше обычаи в корне противоречат принципам человечности и справедливости и должны быть совершенно уничтожены. При Советской власти передовые слои населения восточных окраин нашего государства могли уже опереться на поддержку со стороны государственной власти. При этом инициатива вынесения соответствующих решений была мудро предоставлена государственным органам национальных республик. I всекиргизский съезд Советов объявил калым и многоженство преступным деянием, подлежащим преследованию в уголовном порядке. Аналогичные решения выносились соответствующими органами других восточных республик и областей. Таким образом, соответствующие правовые нормы, направленные на борьбу против названных и им подобных пережитков старого, опирались на ясно выраженную народами нашей страны волю.

20 лет назад проявление этих пережитков старого было весьма многочисленно. В 1927 г. выездная сессия Верховного суда Киргизской АССР (г. Фрунзе) констатировала наличие многих пережитков родового быта и сохранение за старыми

¹ См. «Рабочий суд», 1928, № 20, стр. 1505.

обычаями значения регулятора самых различных взаимоотношений между гражданами. По обычаю разрешались все споры как между отдельными лицами, так и между родами. Расследование показало, насколько живучесть старых обычаев, противоречащих советским законам, тесно связана с классовой борьбой. Тот факт, что население в соответствующих местностях обращалось не к советским законам, а к обычаям дореволюционного прошлого, в первую очередь объясняется не столь авторитетом этих обычаев (хотя, конечно, для известной части населения они были авторитетны), сколько засилием в некоторых районах замаскировавшейся под советских и партийных работников антисоветской националистической группы¹. То же самое можно отметить по прошедшим в Узбекистане в 1927 г. процессам, разоблачившим целое гнездо националистов, ставивших, между прочим, целью и дискредитацию советских законов и искусственное поддержание влияния ряда старых обычаев. Но не всегда эта живучесть старых обычаев и противоречащих советским законам норм религиозного права (шариата) объяснялась только искусственным поддержанием их влияния со стороны врагов Советской власти, как это было в указанных и многих других случаях. Определяющую роль сыграло то, что в течение ряда лет оставались незыблемыми материальные основы этих обычаев. Особенно трудной оказалась борьба против тех обычаев, которые связаны с взглядом на женщину, как на собственность мужчины. Очень интересно, например, постановление пленума главного суда Дагестанской АССР (1928 г.) об ответственности за непредоставление горцами своим бывшим женам развода по шариату после расторжения брака в органах загса. Пленум установил, что, несмотря на оформленный в загсе развод, многие горцы, не давая женам развода по шариату, тем самым отнимают у них возможность, вопреки советским законам, выйти замуж вторично.

В начальные годы Советской власти влияние старых норм (шариата) и унаследованных старых обычаев (адатов) было очень сильно в ряде национальных республик.

О том, насколько велики были родовые пережитки в Казахстане даже 10 лет спустя после революции, свидетельствует доклад, сделанный по материалам обследователя судебных органов Казахстана на пленуме Верховного суда РСФСР (1928 г.), где говорилось, что в ауле как политическая, так и экономическая власть находилась фактически в руках родовых начальников, которые держали под своим влиянием население и употребляли это влияние в целях со-

¹ См. «Судебная практика РСФСР», 1927, № 6, стр. 25.

хранения выгодных для кулацкой верхушки древних обычаев¹.

Проведенное в 1928 г. обследование организационно-массовой работы советов в автономных республиках и автономных областях установило на многочисленном материале, что там «...еще сильны адат и шариат и еще крепки патриархально-родовые связи...»² Выявились, что враждебные элементы, проникшие в низовой аппарат советских органов, препятствовали преследованию бытовых преступлений, давая обвиняемым ложные справки, вводя в заблуждение органы следствия и т. д. По материалам органов юстиции Сыр-Дарьинской области были установлены замаскированные факты продажи девушек.

Обследователи установили сохранение в Киргизии и Казахстане суда родового вождя — манапа. Манапы стремились всеми доступными им средствами изолировать население от советского суда.

Так обстояло дело 20—25 лет тому назад. В настоящее время положение резко изменилось в результате коренного преобразования материальных устоев общества, ликвидации кулачества, укрепления органов низовой власти, общего подъема культурного и нравственного уровня всех без исключения народов нашей страны. Судьи и прокуроры восточных национальных республик отмечают крайне незначительное число дел, связанных с пережитками феодального строя. Дела об уплате и принятии калыма в настоящее время исключительно редки. Давно уже исчезли из суда дела о кровной мести, так как этот старый и вредный обычай изжит.

Высшие судебные органы всегда уделяли большое внимание судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки родового быта. Так, в начале 1941 г., т. е. когда уже были очевидны успехи в деле искоренения пережитков феодально-родового строя, давалась установка судам не делать из этого факта вывода, что по таким делам можно применять более мягкие меры наказания. В постановлении пленума Верховного суда СССР от 10 апреля 1941 г. говорилось: «...некоторые суды недооценивают политического и общественного значения преступлений, связанных с пережитками родового быта, и их социальной опасности. Это сказывается, в частности, в применении мягких мер наказания, а в отдельных случаях — даже в прекращении дела при доказанности состава преступления, что создает представление о полной безнаказанности подобных преступлений,

¹ См. «Судебная практика РСФСР», 1928, № 11, стр. 18—19.

² «Рабочий суд», 1928, № 20, стр. 1505.

с которыми суды обязаны вести самую суровую борьбу»¹. Пленум указал судам на необходимость не ограничиваться осуждением лишь непосредственных исполнителей преступления, но выявлять и наказывать также подстрекателей и организаторов, так как именно они в ряде случаев действуют из противогосударственных побуждений и представляют поэтому несравненно большую социальную опасность, чем непосредственные исполнители.

Пленум обратил особое внимание на факт недопонимания некоторыми судами повышенной опасности изредка встречающихся еще тогда случаев вовлечения в брак малолетних, с чем свидетельствовала судебная практика.

Пленум Верховного суда, предостерегая судебные органы от недооценки воспитательного значения судебных процессов по этой категории дел, напомнил о необходимости мобилизовать вокруг них общественное мнение, освещать судебные процессы в печати и увязывать свою профилактическую работу с общественными организациями, в первую очередь с комсомолом.

Говоря о борьбе советского социалистического права и социалистического правосудия с пережитками патриархально-родового или феодально-байского строя, нельзя упускать из виду трудность, заключающуюся в том, что в значительной части эти пережитки связаны с религией, с исламом. Так, те обычаи, которые предусмотрены и предписаны нормами шариата, являются священными в глазах последователей ислама. Нельзя забывать, что хотя шариат и содержит, наряду с чисто религиозными, также моральные и юридические нормы, он не признает различия между ними и любое содержащееся в нем бытовое правило поведения объявляет религиозным.

Советская власть, признав свободу совести и гарантировав ее своим законом, проявила огромный такт в борьбе за искоренение тех старых обычаев, которые являются тормозом в развитии национальностей советского Востока.

Из обычаев, в той или иной форме увязанных с моральными предписаниями шариата, имеются и такие, следование которым советское право объявляет преступлением. В отношении некоторых обычаев (например, ношение паранджи) право держит нейтральную позицию, предоставляя борьбу с ними культурно-просветительным организациям и воздействию общественного мнения. Наконец, в отношении некоторых безвредных обычаев вообще не может быть и речи о какой бы то ни было борьбе с ними.

¹ «Советская юстиция», 1941, № 21, стр. 24.

Гибкая тактика при высокой принципиальности в основном и главном, тщательный учет национальных особенностей, широчайшее использование методов убеждения — таковы характерные черты проводимой Советской властью правовой политики в искоренении пережитков старого феодально-байского и патриархально-родового строя в быту и сознании народов советского Востока. Переустройство материальной основы общества, победа социализма отняли главную почву, питавшую эти пережитки. В результате мы имеем теперь такие успехи в этой области, что встал вопрос о ненужности в Уголовном кодексе специального раздела о преступлениях, составляющих подобные пережитки. Это не означает, однако, что задача борьбы с этими пережитками уже не нужна. Как отмечалось недавно узбекской писательницей Зульфией¹, и ныне встречаются порой в качестве уродливых исключений из правила проявления таких пережитков феодально-байского быта, как принуждение к ношению паранджи, содержание женщины на положении затворницы в стенах дома, запрет мужем своей жене участвовать в общественной жизни, учиться.

Отклики, которые вызвала эта статья в самых различных слоях нашего общества, показывает, с каким возмущением относится широкая советская общественность к проявлениям подобных пережитков феодально-байского быта, являющихся нетерпимым анахронизмом в наших условиях. Совет профсоюзов Узбекистана в числе мероприятий, намеченных им для борьбы с этими пережитками, указал на необходимость «тщательно расследовать все факты многоженства, принуждения женщин к ношению паранджи, выдачи замуж несовершеннолетних девушек, отсева девочек-узбечек из школ, обсуждать эти факты на рабочих собраниях, привлекая виновных к строгой ответственности»².

Подобного рода факты ныне единичны. Но тем нетерпимее относятся к ним советские люди. Советское право в борьбе против этих, как и иных пережитков старого в быту и сознании людей, опирается, таким образом, на активную поддержку широких народных масс.

Было бы глубоко ошибочным ограничение задачи борьбы с пережитками старого только указанными видами пережитков. Опыт показал, что искоренение этих пережитков является гораздо более легкой задачей, чем искоренение пережитков капитализма в быту и в сознании людей.

¹ См. «Литературную газету» от 19 апреля 1950 г.

² «Литературная газета» от 24 мая 1950 г.

Пережитки капитализма в быту и в сознании людей весьма многообразны. Сюда относятся старые традиции, привычки, пережитки, порожденные частной собственностью, пережитки старого отношения к труду и к собственности, погоня за длинным рублем, стремление «урвать» от государства побольше и дать ему поменьше, казенное отношение к труду, как к неприятной обязанности, пережитки буржуазного индивидуализма у прежних мелких собственников, одиночников, некоторой части интеллигенции. К числу вреднейших пережитков старого в сознании людей относится также и низкопоклонство перед буржуазной культурой Запада и буржуазно-помещичьей культурой прошлого, пережитки частнособственнической, буржуазной, мещанской идеологии, буржуазной философии и морали, пережитки национализма, религиозные пережитки и суеверие и т. д. Одним из вреднейших пережитков старого является бюрократизм, столь чуждый природе нашего государства. Все эти пережитки находятся в непримиримом противоречии с советским социалистическим строем и должны быть полностью искоренены¹.

Говоря об этих пережитках, И. В. Сталин в докладе на XVII съезде партии указывал как на главные причины этого — на отставание сознания людей в своем развитии от их экономического положения и на факт существования капиталистического окружения, «...которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР...». В частности, И. В. Сталин указывал тогда, что «...эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов нашей партии»². Они сказываются на ряде вопросов, как, например, о построении бесклассового социалистического общества, о сельскохозяйственной артели и сельскохозяйственной коммуне, о лозунге «сделать всех колхозников зажиточными».

Руководящая роль в борьбе против пережитков старого принадлежит, как и во всех других сферах деятельности в нашей стране, коммунистической партии. Огромна в этой области роль права. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа, проводимая Советским государством под руководством партии, дала уже огромные результаты в искоренении этих пережитков. Государство чрез-

¹ См. М. Д. Каммари. Социализм и личность. — «О советском социалистическом обществе», М., 1949, стр. 344.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 349.

вычайно широко использовало советское право и суд. Пережитки прошлого в сознании людей проявляются особенно резко в фактах преступности (убийство, кража, растрата, мошенничество, грубое нарушение трудовой дисциплины и т. п.). Само наличие у нас неизжитой еще преступности свидетельствует о силе пережитков старого в сознании людей. Успехи в борьбе и с этими видами пережитков несомненны, но еще предстоит впереди немало работы по окончательному их искоренению.

К числу вредных пережитков старого, в борьбе с которыми партия и Советское государство добились особенно больших успехов, относятся такие, как национализм, шовинизм и, в частности, такая форма расового шовинизма, как антисемитизм.

И. В. Сталин давно указывал на то, что «...пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме»¹. В успехах в деле искоренения этих пережитков весьма большая роль принадлежит советскому социалистическому праву, воплощающему в себе принципы ленинско-сталинской национальной политики и ревниво охраняющему осуществленное в нашей стране подлинное равноправие рас и национальностей, тесную братскую дружбу народов.

Ст. 123 Конституции СССР во второй части гласит: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом».

Уголовный кодекс предусматривает суровую кару в отношении лиц, виновных в возбуждении национальной вражды и розни. Дружба народов является одной из движущих сил нашего общества. Естественно, поэтому, что в глазах всего советского народа, воспитанного партией Ленина — Сталина и знающего на собственном опыте великую ценность этой братской дружбы и взаимного доверия, указанные выше действия, как подрывающие одну из важнейших движущих сил советского общества, признаются тягчайшими преступлениями. Это и нашло правильное выражение в Уголовных кодексах всех советских республик.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 361.

Огромные успехи в искоренении националистических пережитков обязаны последовательному и широкому претворению в жизнь ленинско-сталинской национальной политики. Но эти успехи не дают еще оснований считать, что подобного рода пережитки, как бы редко они ни проявлялись, стали менее опасными, что вопрос о борьбе с ними, в том числе и методами уголовной репрессии, утратил свою актуальность.

Победа социализма подорвала материальные основы всех пережитков старого в нашем обществе. Идеологическая работа партии и государства, соединенная с активной борьбой права, резко уменьшила роль этих пережитков. Огромный размах, который приняли мероприятия в области коммунистического воспитания масс, является залогом того, что указанная задача будет успешно доведена до конца.

Советское социалистическое право как методами уголовной репрессии, направленными против вреднейших пережитков старого, так и методами широчайшего поощрения ростков нового, передового в отношениях между людьми, закреплении общественного и государственного строя социализма, культивированием лучших моральных качеств советских людей выполняло и выполняет огромную роль в воспитании людей в духе социалистической сознательности.

* * *

Весьма интересным для нашей темы является вопрос о моральном значении судебного приговора и судебного решения.

Не подлежит никакому сомнению, что значение любого приговора или решения суда не исчерпывается теми юридическими последствиями, которые они влекут за собой. «Всякий судебный приговор и всякое судебное решение,— писал академик А. Я. Вышинский,— имеют громадное значение. Это значение они имеют не только в силу формальных требований, которые предъявляются по этому поводу от имени государственной власти ко всем, кого касаются судебные решения и приговоры, но и в силу своего морального и общественно-политического веса»¹.

Для очень многих осужденных моральная тяжесть приговора советского суда более ощутительна, чем то конкретное наказание, которое предусмотрено приговором. Говоря

¹ Акад. А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1946, стр. 4.

о моральной тяжести, о моральном весе приговора, мы имеем в виду не только то, как воспринимается это самим осужденным, но и то, как воспринимает его общественность.

В условиях антагонистического общества лишь в глазах эксплуататорского меньшинства общества действующее в данном обществе право является воплощением морали, справедливости. Для большинства же, т. е. угнетенных классов, особенно на той стадии, когда они начинают освобождаться от влияния идей господствующего класса, осознание факта противоречивости права их этическим взглядам, естественно, влечет и совершенно другую оценку судебного приговора. Особенно это легко установить на примере приговоров буржуазного суда в отношении лиц, обвиненных в политических преступлениях. Вспомним, как расценивало общественное мнение в царской России судебные приговоры по политическим делам. Обвинительный приговор не только не порочил в глазах передовых слоев интеллигенции и широких масс трудящихся дореволюционной России моральный облик революционера, осужденного за политическое «преступление», но высоко поднимал его моральный авторитет. Даже приговор в отношении уголовных преступников в условиях антагонистического общества никогда не может иметь такого морального значения в глазах масс, как приговор в условиях социалистического общества. И это понятно, так как для масс ясна роковая роль волчьих условий эксплуататорского строя, нередко толкающих на путь преступления людей, безупречных в моральном отношении. Не случайно роман Виктора Гюго «Отверженные» был так горячо встречен самыми различными слоями общества, стал подлинно народным произведением. Несчастная жертва буржуазного строя и буржуазного правосудия, крестьянин с благородной душой, Жан-Вальжан явился одним из любимых «героев» в художественной литературе XIX в. Величайшие писатели — Лев Толстой, Максим Горький в России, В. Гюго, Диккенс и другие в Западной Европе — в своих произведениях дали яркую характеристику буржуазного «правосудия», с большой выразительностью показав, насколько приговоры буржуазного и буржуазно-помещичьего суда сплошь и рядом противоречат элементарным понятиям о справедливости всякого здравомыслящего честного человека.

Но еще показательнее становится это различие между эксплуататорским и социалистическим обществом, если обратиться не к литературным типам, а к живым жертвам несправедливого эксплуататорского суда. «От сумы и от тюрьмы не отказывайся», «С сильным не борись, с богатым не судись» — гласили народные пословицы. В этих горьких народ-

ных афоризмах отложился опыт суровой жизни угнетенных классов. Народ слишком хорошо знал царское правосудие, миловавшее и оберегавшее воров, взяточников, развратителей и убийц из привилегированных классов и засылавшее на каторгу и в ссылку лучших сынов и дочерей народа, боровшихся за правду. И потому-то приговор царского суда не мог опорочить в глазах масс осужденного, он порочил моральный облик его лишь в глазах «верноподданных» с их эксплуататорским идейным и моральным уровнем. Также обстоит дело и в современных эксплуататорских государствах. Недаром в США имеется такая поговорка: «Если вы украли булку — вас посадят в тюрьму, а если украли железную дорогу — вас выберут в сенат». Показательно, что недавно в Англии при обсуждении вопроса об адвокатуре один из участников этого обсуждения метко сравнил английское правосудие с отелем «Рица» (наиболее фешенебельный и дорогой отель в Англии), сказав, что оно «общедоступно» лишь для имеющих солидную чековую книжку.

Может ли иметь моральный авторитет в глазах трудящихся масс, в глазах всех честных и прогрессивных людей приговор буржуазного суда, в условиях, когда безработный бедняк, покусившийся на карманную кражу, приговаривается к десятилетним арестантским работам, а капиталист, укрывающийся от уплаты налога с миллионных доходов, остается безнаказанным? Могут ли иметь моральный авторитет безобразно мягкие приговоры, выносимые в США гангстерам (например, Аль-Капоне), и притом не за их многочисленные уголовные преступления, которые так и остаются безнаказанными, а за укрытие своих «доходов» от государства при уплате налогов, при очевидной для всех безнаказанности гангстерства, процветающего в США под дружеской опекой полиции и капиталистических монополий? Известно, что когда Аль-Капоне, «заработавший» гангстерством 70 млн. долларов и осужденный не за «гангстерскую» профессию, а за неуплату налогов, был вскоре освобожден, он заявил публично, что будет продолжать свою деятельность и даже при желании не смог бы прекратить ее, так как этого требуют крупнейшие банкиры, дельцы и политики. В романе Айры Уолферта «Банда Теккера», вышедшем в Нью-Йорке в 1943 г., хорошо показаны продажность суда, полиции, политиков в стране доллара, вся та деморализующая атмосфера, которая порождает гангстерство и способствует его процветанию. В книге Генри Ридса «Преступники, каких мы заслуживаем», вышедшей в США в 1937 г., эта связь между миром уголовных преступников, судом, полицией и политическими партиями показана еще глубже, чем у Уолферта. Гангстерство является одним из утвердив-

шихся в США бизнесов, а любой типичный капиталистический бизнес приобретает черты гангстерства. Еще Маркс, как указывалось выше, писал в «Капитале», что нет такого преступления, на которое не рискнули бы капиталисты, если оно сулит им огромные барыши. Попробуйте в этих условиях провести грань между преступлением и бизнесом! Неудивительно, что само понятие преступления в капиталистических странах очень расплывчато. Неудивительно и то, что преступность все более и более растет: ее порождает сама капиталистическая система хозяйства, развращающая головокружительная роскошь на одном полюсе и невыразимая нищета на другом. В нашей печати уже приводилось заявление одного из должностных лиц министерства юстиции США о том, что в этой стране «... каждые 21 секунду происходит серьезное преступление, каждые 44 минуты — убийство, каждые 9 минут — ограбление, каждые 100 секунд — кража со взломом, каждые 36 секунд — простая кража»¹. А ведь эта статистика учитывает лишь зарегистрированные преступления! Неудержимый рост преступности в тех же США доказывает бессилие буржуазного суда искоренить преступность, невозможность эффективной борьбы с нею. А широко известные «мероприятия» этого «правосудия», оставляющего на свободе фашистов, шпионов, привилегированных преступников, еще более снижают моральный авторитет суда в глазах масс.

Не случайно в современной буржуазной литературе, особенно в США, излюбленным героем стал убийца, сутенер, насильник, гангстер. Сегодняшний «герой» буржуазной литературы — преступник по призванию, по добровольно выбранной им профессии, гангстер, преуспевающий на этом поприще и нагло и открыто издевающийся над законом и правосудием. В этом изменении облика «героя» буржуазной литературы нашло выражение не только окончательное моральное разложение буржуазии, но также и банкротство буржуазной законности, буржуазного правосознания.

Разве не издевательством над самим словом «правосудие» является вынесение современным буржуазным судом оправдательных приговоров фашистам, военным преступникам и в то же время осуждение секретаря коммунистической партии США Денниса к году лишения свободы и 1 тыс. долларов штрафа лишь за то, что он отказался дать показания комиссии Томаса, комиссии, деятельность которой с точки зрения самой же конституции США незаконна, или осуждение к длительному тюремному заключению руководителей американской

¹ Цит. по Сб. «О моральном облике советского человека». «Московский рабочий», 1948, стр. 23.

компартии (в том числе и Денниса) исключительно за прогрессивный образ мыслей.

Таковы причины, обусловившие в совокупности то, что судебный приговор в буржуазных странах не может претендовать на моральный авторитет в глазах народных масс, в глазах всех честных прогрессивных людей.

Совершенно иное значение получает судебный приговор в условиях социалистического государства. Здесь он представляет собой применение к конкретному делу законов, выражающих волю рабочего класса и всего народа, законов, воплотивших в себя единственно правильные в глазах этого народа принципы социалистической нравственности. В этих условиях каждое преступление, как посягающее на общественный порядок, на правила социалистического общежития, установленные самим народом, не может не влечь за собой опорочение моральной репутации совершившего это преступление. Огромный моральный авторитет судебного приговора социалистического суда имеет большое значение для успеха воспитательной роли советского права. Моральная сторона судебного приговора, воспринимаемая обществом, выполняет исключительно важную роль в удержании неустойчивых в моральном отношении лиц от преступного шага. Насколько важнее эта, так сказать, профилактическая роль судебного приговора, неоднократно замечал В. И. Ленин. Так, говоря о необходимости борьбы с волокитой, он писал: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹. Здесь, как правильно отмечал А. Я. Вышинский, ясно проведена мысль о воспитательной роли советского судебного приговора, утверждающего в массах убеждение в том, что преступление будет всегда разоблачено и виновные будут наказаны по всей строгости закона².

Совершенно бесспорно, что сдерживающим моментом для неустойчивых в моральном отношении лиц является не только юридическая сторона приговора, не только определенное наказание, но и моральная значимость в глазах всего общества факта осуждения советским судом и такие последствия этого осуждения как моральное осуждение со стороны коллектива, общественности.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, стр. 412.

² См. А. Вышинский. Советский суд и социалистическое правосудие, М., 1938, стр. 29.

Сказанное выше о моральной тяжести приговора советского суда ни в коем случае не означает требование морального бойкота общества в отношении человека, отбывшего наказание. Но известное настороженное отношение к такому лицу и после отбытия наказания совершенно естественно и неизбежно. Это и значит, что моральное значение судебного приговора сохраняет силу и после того, как исчерпано его юридическое содержание. Институт снятия судимости ни в коей мере не опровергает, но лишь подтверждает сказанное, так как если бы моральное значение приговора автоматически утрачивало бы силу с момента отбытия наказания, не было бы нужды в последующем, отделенном длительным сроком, снятии судимости.

Выше говорилось лишь о приговорах обвинительных. Разберем моральное значение оправдательного приговора. Если иметь в виду приговор, которым установлена полностью невиновность обвиняемого и в юридическом, и в моральном отношении, то вопрос о моральном значении его не вызывает спора. Такой приговор полностью реабилитирует обвиняемого, снимает с него все подозрения. Но значительно сложнее вопрос, когда оправдательный приговор вынесен по мотивам недостаточности улик для обоснования виновности обвиняемого или когда со всей очевидностью установлена моральная вина, но нет вины юридической.

Когда оправдательный приговор вынесен за недостаточностью улик, он имеет в глазах всех совершенно иное моральное значение, чем при оправдании в силу очевидной невиновности. Совершенно ясно, что в первом случае приговор не приносит оправданному полную реабилитацию морального облика. Напомним замечательное место из речи государственного обвинителя по делу гибели парохода «Советский Азербайджан», которое непосредственно относится к данному вопросу. Обвиняя виновников трагической катастрофы, позорно бежавших от горящего парохода, вопреки прямому долгу спасения погибавших, А. Я. Вышинский говорил: «Я постараюсь показать, что ни с одного члена коллектива, ни с одного члена команды, кто не принял необходимых мер воздействия на шкурников, не снимается ответственность даже если вы оправдаете того или иного обвиняемого, сидящего на скамье подсудимых, а я буду просить вас в отношении некоторых лиц вынести оправдательный приговор. Даже оправданные должны будут выйти отсюда, из этого процесса, если вы вынесете им оправдательный приговор, не с высоко поднятой головой, а с низко опущенными глазами, стыдясь того, что совершилось на их глазах в трагическую ночь 28 мая, того, что они не сумели свою попытку организовать спасение

погибавших довести до конца и уступили оказавшимся во главе парохода „Совет“ негодьям»¹.

В этих словах нашел выражение единственно правильный в советском социалистическом обществе взгляд, который не сводит вопрос о виновности исключительно к юридической виновности и отказывает в полной моральной реабилитации лицам, оправданным судом за отсутствием или недоказанностью юридической вины, но при наличии моральной вины.

Моральное значение мотивов оправдательного приговора как для самих оправданных, так и для всего общества в целом имеет огромное значение. Напомним, что ст. 43 Уголовного кодекса РСФСР предоставляет суду право при вынесении оправдательного приговора (и только в этих случаях) применение предостережения, «...если суд усматривает, что поведение оправданного дает все же основания опасаться совершения им преступления в будущем». Таким образом, сам законодатель выделил такой вид оправдательного приговора, в котором отмечается моральная неустойчивость оправданного. Поэтому-то моральное значение такого рода оправдательного приговора совсем иное, чем приговора, оправдывающего обвиняемого на основании фактов, ясно показывающих безупречность поведения оправданного лица и с юридической, и с моральной точек зрения. И именно это воспитательное значение приговора обязывает к особенно тщательному формулированию его, так как небрежная формулировка может свести к нулю его воспитательное значение.

Укрепление в обществе правил коммунистической ответственности ведет к повышению эффективности правовых методов воздействия, усилению воспитательной роли правовых норм.

Возьмем хотя бы наиболее легкую из предусматриваемых УК мер наказания — общественное порицание. При всей ее мягкости по сравнению с другими видами наказания она является в глазах советского гражданина весьма тяжелым наказанием, ибо сам факт осуждения порочит в глазах всего народа моральный облик человека, его репутацию.

* * *

Чрезвычайно характерным для соотношения права и ответственности в стране социализма является как убежденность советского человека в том, что выполнение юридических обязанностей является его моральной обязанностью, уклонение от которой противоречит его совести, так и стремление не ограничиваться выполнением только того, что составляет

¹ А. Я. Вышинский. Судебные речи, М., 1938. стр. 176—177.

его юридическую обязанность. Так, выполнение установленной нормы выработки уже не удовлетворяет передового, сознательного советского рабочего. Он стремится не только выполнить, но и перевыполнить эту норму, ибо обязанность трудиться для него — не только юридическая обязанность, но и дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Для уяснения специфики взаимодействия права и нравственности в нашей стране многое дает размах социалистического соревнования, ударничества и стахановского движения.

Правовые акты, устанавливающие выпуск займов, не предусматривают никакой юридической обязанности граждан на подписку, и она является делом строго добровольным для каждого гражданина. Всему миру известен тот энтузиазм, который всякий раз вызывает в нашей стране постановление правительства о выпуске нового займа. Но было бы глубоко ошибочно объяснять успех наших займов лишь выгодностью для самих граждан подписки на заем, — успехи наших займов объясняются прежде всего советским животворным патриотизмом, благородным стремлением советских людей помочь своими сбережениями своему государству. Неписанное, но глубоко вкоренившееся в сердца людей правило коммунистической нравственности повелительно диктует каждому честному советскому человеку, независимо от всяких соображений о личной выгоде, подписаться на заем на максимум, позволяемый его бюджетом. Внедрению в массы такого отношения к займам в огромной степени способствует и право, закрепляющее расходование народных средств в строгом соответствии с интересами народа и охраняющее права займодержателя. Каждый советский гражданин знает, что поступившие по внутреннему займу средства государство употребляет на то, чтобы жизнь нашего народа становилась все краше, на повышение жизненного уровня масс и укрепление безопасности нашей страны.

В глубоком внедрении в наше общество норм коммунистической нравственности (в чем, повторяем, сыграло свою большую роль и право) содержится залог того, что задача коммунистического воспитания масс и полного преодоления остатков старого в быту и сознании людей будет успешно решена во всем объеме. Немалая роль в этом будет принадлежать и советскому социалистическому праву.

Огромная важность темы «социалистическое право и социалистическая нравственность» видна уже из того, что ее освещение дает возможность особенно убедительно расшифровать богатейшее содержание формулировки «советское социалистическое право — новый, высший, тип права», уяснить величие пронизывающих всю его систему принципов, понять

во всей глубине и значимости величайшее организующее, мобилизующее, воспитательное значение нашего права для социалистического общества. К советскому социалистическому праву полностью применимо указание И. В. Сталина о роли передовых идей, взглядов, политических убеждений. Советское социалистическое право, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, само воздействует потом на общественное бытие, на материальную жизнь нашего общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение этих задач. Это делает социалистическое право серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, силой, облегчающей продвижение общества вперед. Организаторская и воспитательная роль права велика как в годы войны, так и в годы мира. Эта творческая роль права не может быть правильно определена без учета его соотношения с коммунистической нравственностью.

В послевоенные годы, когда в результате победы над врагом была возобновлена прерванная войной созидательная мирная работа по завершению социализма и постепенному переходу к коммунизму и когда в силу этого коммунистическое воспитание выдвигается в качестве такой задачи, без решения которой немислимо наше продвижение вперед, тема соотношения права и нравственности приобретает особую актуальность.

Перед наукой права встает настоятельная задача детально разработать эту тему для выявления новых методов и приемов правового воздействия на сознание людей, на их поведение в различных сферах жизни общества, полностью отражающих возросшие моральные требования в нашем обществе.

Повышение воспитательной роли советского права требует и дальнейшего повышения квалификации и культурного уровня работников, на которых возложено применение норм права. Самые совершенные нормы, детально предусматривающие все гарантии проведения в жизнь тех или иных принципов социалистической нравственности, в случае неправильного применения их неквалифицированным некультурным судьей или работником милиции, не только теряют свое воспитательное значение, но иногда могут привести к обратному результату. Вот почему партия и советское правительство уделяли и уделяют такое огромное внимание повышению квалификации и культурного уровня работников суда, прокуратуры, милиции.

Взаимодействие советского права и коммунистической нравственности в деле коммунистического воспитания масс

будет тем успешнее, чем культурнее и квалифицированнее будет состав людей, призванных к охране и проведению права. Неуклонный же подъем культуры в нашей стране в целом, совершающийся при активном содействии права, в свою очередь с каждым годом облегчает благородную воспитательную функцию нашего государства, а соответственно — и роль права в ее осуществлении.

«Вопросы культуры и права,— писал академик А. Я. Вышинский,— органически связаны между собой. Недаром Ленин учил уметь культурно бороться за законность.

Культура требует уважения к закону и крепкой, устойчивой дисциплины в общественных отношениях»¹.

Последовательная, до конца развернутая демократия, равноправие всех граждан независимо от расы, национальности, пола, религии, социального положения и социального происхождения, полнота и всесторонняя гарантированность прав граждан, равноправие и великая дружба народов, населяющих нашу страну,— все эти условия, закрепляемые и охраняемые нашим правом, красноречиво свидетельствуют о высоте социалистической культуры и обеспечивают ее дальнейшее развитие.

В условиях социализма нет и не может быть столь характерных для буржуазного общества противоречий между технической культурой и культурой интеллектуальной и моральной. Развитие техники ведет у нас не к одичанию нравов, не к интеллектуальному регрессу, как это имеет место в США и других империалистических странах, а к прогрессу внутренней культуры личности, народа в целом. Социалистическая культура и социалистическая нравственность неотделимы друг от друга, развитие социалистической культуры означает и развитие социалистической нравственности, внедрение в сознание людей великих коммунистических моральных принципов. «Коммунистические принципы,— говорил М. И. Калинин,— если взять их в простом виде,— это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это — любовь к социалистической родине, дружба, товарищество, гуманность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому. Воспитание, выращивание этих свойств, этих высоких качеств и является важнейшей составной частью коммунистического воспитания»².

Право и правосудие являются одним из каналов, по которым партия Ленина — Сталина и советская власть внедряют в жизнь эти коммунистические принципы.

¹ А. Вышинский. Советский суд и социалистическое правосудие, М., 1938, стр. 52.

² М. Калинин. О коммунистическом воспитании. Л., 1947, стр. 52.

Нельзя, разумеется, полагать, что те высокие моральные качества, которые наш народ проявил в Великой Отечественной войне, обязаны именно наличию в нашем праве соответствующих норм, воспроизводящих и поддерживающих требование социалистической нравственности. Как правильно указывал А. Я. Вышинский, «никакими формальными условиями нельзя воспитать в людях чувство ответственности, чувство гражданского долга, умения и готовности жертвовать личными интересами и благами во имя общественного долга; эти высокие патриотические чувства создаются и крепнут в борьбе за создание социалистического общества, против капиталистического рабства, в борьбе за окончательную победу коммунизма»¹. Ясно в то же время, что «формальные условия», в которые наше право ставит людей, не могут не играть огромной роли в деле культивирования этих высоких качеств и чувств уже в силу того, что эти «формальные условия», выставляемые и гарантируемые нашим правом, поддерживают, укрепляют соответствующие принципы коммунистической нравственности и препятствуют действиям, нарушающим эти принципы.

Роль нашего права в коммунистическом воспитании масс надо рассматривать в трех аспектах.

Во-первых, огромная роль нашего права заключается в том, что оно закрепляет экономические и политические основы, на которых единственно и может получить свое развитие и утверждение в обществе коммунистическая нравственность.

Во-вторых, наше право, исходящее из тех же принципов, что и коммунистическая нравственность и поддерживающие ее требования, борется со всеми пережитками, сохранившимися еще в быту и сознании людей и затрудняющими развитие коммунистической нравственности, и тем самым способствует созданию здоровой моральной атмосферы.

Наконец, в-третьих, наше право культивирует благородные моральные качества, поощряя проявление героизма, инициативный и умелый труд на благо родины, служение общественному долгу, товарищескую взаимопомощь, внедряя в меру своих возможностей гуманные чувства, уважение к правилам социалистического общежития, сознательную дисциплину всех видов.

Свою воспитательную и организующую роль социалистическое право выполняет в тесном взаимодействии с социалистической нравственностью. Последней принадлежит огромная

¹ А. Вышинский. Советский суд и социалистическое правосудие, М., 1938, стр. 47.

роль в неуклонном возрастании авторитета советского права и эффективности методов правового регулирования поведения людей, в создании такой моральной атмосферы, которая в большой степени облегчает для советского права борьбу с преступностью, со всеми вредными пережитками старого.

И. В. Сталин еще в 1926 г., говоря о таком вреднейшем виде преступности, как расхищение социалистической собственности, указывал, что одними мерами уголовной репрессии этого зла изжить нельзя:

«Тут нужна другая мера, более действительная и более серьезная. Эта мера состоит в том, чтобы создать вокруг таких воришек атмосферу общего морального бойкота и ненависти окружающей публики. Эта мера состоит в том, чтобы поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра...»¹.

О том, какие успехи достигнуты в создании такой моральной атмосферы, свидетельствует уже тот факт, что огромное количество судебных дел у нас возбуждается прокуратурой по сигналам общественности или заявлениям отдельных граждан. Так, один гражданин, живущий рядом с детским домом, заметил, что служащие этого учреждения каждый раз, уходя домой, уносят какие-то подозрительные свертки. Советский человек не может пройти равнодушно мимо такого факта, который наводит на мысль о возможных злоупотреблениях. По поданному им заявлению была проведена ревизия, обнаружившая хищения, и в результате преступники понесли должное наказание. Таких случаев, когда злоупотребления, факты хищения и т. п. разоблачаются самой общественностью, — много. О чем это говорит? Это говорит о высокой бдительности советских людей, о правильном понимании ими своего морального долга, об успехах в деле создания такой моральной атмосферы в обществе, когда правонарушителю чрезвычайно трудно «запрятать концы в воду», остаться незамеченным.

Возрастающая нетерпимость к нарушителям советского права и социалистической нравственности закономерна в развитии социалистического общества. Советская общественность стоит на страже советских законов и социалистической нравственности. Ни одно из нарушений советских законов

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 136—137.

не ускользает от глаз общественности, которая помогает социалистическому правосудию в обеспечении социалистической законности. Советской общественности принадлежит огромная роль в деле укрепления норм социалистической нравственности, постепенного создания такой моральной атмосферы, которая исключала бы возможность нарушения советской социалистической законности.

Наша печать приводит яркие свидетельства неразрывного и эффективного взаимодействия советского права и социалистической нравственности, советского права, советского правосудия и общественного мнения в процессе коммунистического воспитания людей.

Советская общественность чутко реагирует на всякий случай, когда в том или ином судебном деле выявляются факты, вызывающие необходимость морального осуждения, хотя бы они и выходили за пределы рассматриваемого судом дела. В суде Краснопресненского района Москвы рассматривалось дело по иску Забелло к Забелло. Суть его с юридической стороны проста — она сводилась к разделу имущества между отцом и дочерью. Но в ходе рассмотрения дела выяснилось, что дочь неэтично вела себя по отношению к отцу, не заботилась о нем, грубо обращалась с ним, не разрешала общения с любимой им внучкой. И хотя все это не дает еще основания для привлечения такой дочери к уголовной ответственности, советская общественность не может пройти мимо такого поведения. И вот, в «Московской правде» появился фельетон под заглавием «Юриспруденция и мораль», в котором выносилось суровое моральное осуждение Ольге Забелло. «У советских людей,— говорилось в нем,— свои, совсем не схожие с устоями капиталистического мира, взгляды на жизнь, свое мерило для оценки человека, своя, воспитываемая в нас партией мораль... Нас интересует не только формально правовая, но и моральная сторона каждого дела, в том числе „дела по иску Забелло к Забелло“».

Воспитательное значение таких выступлений общественности для всех ясно. Наша печать является глашатаем благородных принципов коммунистической нравственности, острым орудием воздействия на нарушителей ее норм, она воспитывает советских людей в духе уважения к советским законам, стоящим на страже нашего социалистического общества и установленных в нем правил социалистического общежития. Наша печать оказывает огромную помощь советскому праву в его воспитательной деятельности, делая достоянием общества разбираемые судом дела и выносимые им приговоры и решения, разъясняя их смысл, сигнализируя о фактах, требующих вмешательства правосудия, выявляя общественное мне-

ние по соответствующим делам, требуя в некоторых случаях более строгого подхода к тем или иным делам.

Интересно в этом отношении выступление «Литературной газеты» по делу Валентины Михайловой. Газета писала: «По нашему уголовному кодексу преступное отношение родителей к детям подлежит осуждению и наказанию. Но прокуратура прибегает к этому редко. Она предпочитает передавать такие дела районным инспекторам по опеке для морального воздействия на родителей, а в случае безуспешности — для рассмотрения дела в гражданском порядке.

Прокуратура должна изменить этот снисходительный метод рассмотрения подобных дел. Там, где в распоряжении прокуратуры имеются проверенные сигналы общественности о преступных действиях родителей в отношении детей, прокуратура обязана привлекать таких родителей к уголовной ответственности со всеми вытекающими из этого последствиями»¹.

Это указание советской общественности было обсуждено в органах прокуратуры и признано правильным.

Разумеется, как бы ни были велики успехи в создании той моральной атмосферы, о которой говорил И. В. Сталин, задача еще не доведена до конца. Создание такой моральной атмосферы вокруг правонарушителей и в особенности вокруг расхитителей народного добра требует дальнейшего развертывания коммунистического воспитания масс, причем особенно важная роль принадлежит здесь школе и общественности. Серьезный успех в создании такой атмосферы вокруг определенных видов преступности уже налицо: повысилась бдительность, возросла нетерпимость к различного рода правонарушителям, повысилось чувство общественного долга, дисциплинированность. Все это свидетельствует о развитии коммунистической нравственности в нашем обществе в условиях победы социализма.

Великая Отечественная война советского народа была суровым экзаменом моральных качеств советского человека, советского народа в целом. Этот экзамен выдержан блестяще. Война не ослабила, а закалила советских людей.

«Люди,— говорил И. В. Сталин в ноябре 1942 г.,— стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей,

¹ «Литературная газета» от 14 января 1950 г.

исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше»¹.

Естественно, что в этом сыграло большую роль и наше право, но для эффективности тех повышенных требований к людям, которые право должно было выставить в условиях нависшей грозной опасности над страной, еще большее значение имела моральная атмосфера, сложившаяся в ходе войны. Именно на примере военных лет стала с особенной ясностью видна огромная роль коммунистической нравственности, моральной атмосферы в дисциплинировании людей, во всей жизни нашего общества, советского права. Никому не придет в голову объяснять великие ратные и трудовые подвиги нашего народа суровыми мерами, предусмотренными правом в отношении дезертиров на фронте и дезертиров труда. Напротив, эффективность самих этих правовых актов обязана моральной атмосфере в нашем обществе, характеризующейся уже тем, что героизм стал не чем-то исключительным, а общей нормой поведения, массовым явлением на фронте и в тылу, трусость же и дезертирство — исключительным явлением, вызывающим презрение и ненависть всех слоев общества.

Конечно, говоря о моральном уровне нашего народа и в первую очередь русского народа, не следует забывать его исконные моральные качества. Храбрость, готовность к жертвам на благо родины, правдолюбие, стойкость всегда отличали великий русский народ, как и другие народы нашей страны. И когда 7 ноября 1941 г. вождь нашего народа товарищ Сталин напутствовал своим словом идущие прямо с Красной площади на фронт войска, говоря: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»², то этим самым напоминалось каждому, что такие великие моральные качества, как любовь к родине, храбрость, незнание страха в борьбе, стойкость, непримиримость в отношении врагов родины, были испокон веков неотъемлемыми качествами лучших сынов русского народа. Хорошо сказал по этому вопросу М. И. Калинин: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1950, стр. 62—63.

² Там же, стр. 40.

советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа»¹.

Но то же можно сказать и в отношении ряда других моральных качеств, культивируемых коммунистической нравственностью и правом в нашем обществе. Так, например, то обстоятельство, что труд был ненавистным игом в условиях помещичье-эксплуататорского строя, вовсе не означает, что наш народ ненавидел сам по себе труд, был ленив по натуре. Он ненавидел труд на эксплуататоров, условия этого труда, обрекавшие его на положение жалкого раба. По своей же натуре наш народ всегда был трудолюбив, ценил умелость, ловкость в работе, «выдумку». Образ изумительного мастера «левши» у Лескова глубоко национален. Но условия эксплуататорского строя не давали простора для полного выявления подобных ценных моральных качеств, глушили их, вынуждая людей работать из-под палки. В условиях социализма, раскрепостившего труд от ига эксплуататоров, эти исконные моральные качества народа получили возможность раскрыться и развиваться во всей своей красоте. Только в этих условиях могло родиться новое, коммунистическое, отношение к труду, так великолепно проявившееся в массовом социалистическом соревновании, в стахановском движении. Капитализм, а до него крепостнический строй, уродовал, давил, мял нравственный облик людей нашей страны, как он давит и уродует людей повсюду в современных капиталистических странах. Тем более поэтому мы не должны забывать об исконных моральных чертах нашего народа и в первую очередь русского народа, которые он сумел все же пронести сквозь строй веков эксплуататорского режима. Но коммунистическая нравственность советского народа — это качественно новая нравственность. В результате победы социалистической революции, в процессе строительства социализма, в условиях победы социализма сформировался новый моральный облик человека в нашей стране. Моральные качества, получившие в условиях социалистического государства и утверждения социалистической нравственности возможность полного развития и проявившиеся с такой силой в годы Великой Отечественной войны, — это новые качества человека социалистического общества. «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны», — говорил

¹ М. Калинин. О коммунистическом воспитании, Л., 1947, стр. 86.

А. А. Жданов¹. Не просто трудолюбие, инициатива, творческая выдумка характерны для коммунистического отношения советских людей к труду. Для них характерна любовь к труду на благо своего народа, всего общества в целом, своего Советского социалистического государства, давшего ему радость творческого труда, освобожденного от эксплуатации. Не просто терпение, стойкость, выносливость, но такие терпение, стойкость, выносливость, которые свидетельствуют о высоком уровне социалистической сознательности, вере в правоту своего дела, в политику советского правительства. Не просто храбрость и готовность к величайшим жертвам, а такие храбрость и готовность к жертвам, которые диктуются великой любовью к своему социалистическому отечеству. Не просто любовь к родине, патриотизм, а сознательная любовь к социалистической родине, советский животворный патриотизм, сила которого «...состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны»².

Под руководством партии и Советского государства высокие моральные качества, которые были присущи лучшим представителям русского народа, не только развились в условиях победы социалистической революции и социалистической системы хозяйства, но и получили новое, социалистическое, содержание. Победа советского народа в Великой Отечественной войне показала не только его военное, экономическое, но и моральное превосходство над противником. Значение моральных качеств советского народа, и в первую очередь русского народа, в деле победы над врагом необходимо подчеркнуть со всей силой. Поднимая здравицу в честь русского народа, И. В. Сталин говорил: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». Именно «...доверие русского народа Советскому правительству,— продолжал И. В. Сталин,— оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества,— над фашизмом»³.

¹ А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная стенограмма доклада тов. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде, М., 1946, стр. 36.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1950, стр. 160.

³ Там же, стр. 196, 197.

Нравственный авторитет нашего права, как и успехи в деле внедрения коммунистической нравственности, не могут быть правильно объяснены, если не учитывать эти замечательные, воспитанные партией и Советским государством моральные качества советского народа, в первую очередь — великого русского народа, являющегося ведущей силой в дружной семье народов нашей страны.

Все сказанное не может, однако, ни на минуту заслонить тот факт, что «родимые пятна капитализма» (как и докапиталистического строя) в виде вредных пережитков старого в быту и сознании людей имеют еще большую силу, замедляя наше поступательное движение.

Задача коммунистического воспитания остается чрезвычайно важной, а актуальность ее в огромной степени возрастает. Именно успехи в коммунистическом воспитании будут иметь серьезное значение в определении темпов нашего продвижения вперед, к высотам коммунизма.

Единство принципов и конечной цели нашего права и коммунистической нравственности, при различии методов их воздействия, обеспечивая успех взаимодействия этих двух регуляторов общественного поведения, является фактом огромной теоретической и практической важности, в большой мере облегчающим указанную первостепенной важности задачу.

Укрепление нашего права, дальнейшее совершенствование его, систематическое повышение квалификации армии советских юристов, непримиримая борьба и впредь против всяких нарушений принципов законности — все это необходимые условия для успешной работы по коммунистическому воспитанию масс. Столь же необходимо развертывание научной и пропагандистской работы в области права, неослабная борьба со всеми отступлениями от марксизма-ленинизма в этой области, беспощадная критика любых проявлений буржуазного влияния в правовой науке (как и во всякой другой). К этим проявлениям буржуазного влияния, в частности, относятся разоблаченные нашей научной общественностью грубейшие космополитические ошибки в работах некоторых советских юристов, проявление низкопоклонства перед иностранщиной, забвение ведущей роли великого русского народа.

Естественно, что группки безродных космополитов, выявленные на различных участках нашего идеологического фронта, вызвали такое возмущение со стороны советской общественности и столь суровый отпор.

Правовая наука, как и любая другая общественная наука, формирует мировоззрение людей и поэтому играет огромную воспитательную роль. Наука о советском социалистическом

праве проникнута принципами животворного советского патриотизма и пролетарского интернационализма, она не может терпимо относиться к антинаучным и вреднейшим космополитическим положениям. Социалистическое право и социалистическая нравственность глубоко враждебны тлетворным идеям космополитизма, представляющего собой лишь оборотную сторону буржуазного национализма и расизма.

Перед советскими юристами стоит благородная и важная задача: показать на анализе различных отраслей советского права, как оно способствовало и способствует воспитанию людей в духе пролетарского интернационализма и животворного советского патриотизма.

Всякое проявление низкопоклонства перед буржуазной юридической наукой вызывает решительное осуждение со стороны советского коллектива юристов, широкой советской общественности.

Советская наука права, развивающаяся на таком непоколебимом теоретическом фундаменте, как марксизм-ленинизм, вобравшая в себя все идейное богатство учения Ленина — Сталина о социалистическом государстве, неизмеримо превосходит буржуазную юридическую науку. Как нельзя более уместно напомнить здесь замечательные указания А. А. Жданова: «К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?! Конечно, наша литература, отражающая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали»¹.

Советская юридическая литература может и должна учить народы других стран, раскрывая перед ними нравственную высоту советского права.

* * *

Воспитательная роль принципов, идей, пронизывающих всю систему норм как коммунистической нравственности, так и советского права, распространяется далеко за пределы нашей страны. Эти принципы и идеи Советское государство отстаивает на международной арене, проводит их в своих международных договорах.

Сталинская Конституция, воплотившая в себе эти ведущие принципы, со времени своего возникновения служит мо-

¹ А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 35—36.

ральной опорой всего передового человечества в борьбе против сил реакции. Представители СССР на международной арене являются глашатаями этих принципов, знаменосцами советской социалистической идеологии.

Передовое человечество всего мира вдохновляется, обогащается идейно и морально успехами страны победившего социализма, Сталинской Конституцией, запечатлевшей столь выразительно великие принципы государства, права, морали социалистического общества и являющейся живым свидетельством того, что осуществленное в СССР вполне может быть осуществлено и в других странах. Опыт стран народной демократии, успешно строящих фундамент социализма, это ярко подтверждает.

В современных условиях раскола мира на два противоположных лагеря — лагерь антиимпериалистический и демократический, возглавляемый СССР, и лагерь империалистический и антидемократический во главе с США — вдохновенные принципы коммунистической нравственности и советского права представляют мощное идеологическое оружие в борьбе против реакции, против поджигателей новой войны, за справедливый мир, безопасность народов, демократию и прогресс.

Советское право на всех этапах своего развития четко выражало в своих нормах благородные принципы коммунистической морали, легшие в основу деятельности Советского государства как внутри страны, так и на международной арене. Ныне, когда в центре внимания всего прогрессивного человечества стоит борьба за мир во всем мире, за обуздание империалистических поджигателей новой мировой войны, особенно уместно подчеркнуть, что Советское государство в числе самых первых правовых актов, принятых буквально на следующий день после его возникновения, провозгласило декрет о мире, заклеивший все виды агрессии. Все международные правовые акты, которые наше государство заключало в процессе общения с другими государствами, отражали неуклонное стремление СССР к миру, к предотвращению агрессии. Представители СССР на международной трибуне всегда выступали и выступают глашатаями и проводниками в сознание широчайших масс человечества великих нравственных и правовых принципов Страны Советов, свидетельствующих перед всем миром о моральной красоте научно обоснованной политики социалистического государства. В условиях возникновения наряду с СССР народно-демократических государств Советское государство оказывает братскую бескорыстную помощь этим государствам, вступившим на путь социализма. Международно-правовые акты, заключенные Советским

Союзом со странами народной демократии на основе строгого соблюдения принципа равноправия и взаимоуважения суверенитета договаривающихся государств, показывают всему миру образец тех подлинно справедливых, глубоко нравственных по своим целям и методам международно-правовых связей, которым принадлежит будущее во всем мире.

Огромное моральное значение для всего прогрессивного человечества имеют в числе других многочисленных правовых актов Советского социалистического государства такие акты, как принятый в ознаменование 70-летия со дня рождения великого Сталина Указ Президиума Верховного Совета СССР о присуждении премий мира наиболее отличившимся борцам за мир во всем мире, а равно Закон Верховного Совета СССР «О защите мира»:

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик,— говорится в Законе,— руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношений между народами,—

признает, что совесть и правосознание народов, перенесших на протяжении жизни одного поколения бедствия двух мировых войн, не могут мириться с безнаказанностью ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны и солидаризируется с призывом Второго Всемирного конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды.

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет**:

1. Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тяжчайшим преступлением против человечества.

2. Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников»¹.

Этот замечательный закон — новый вклад Союза ССР в дело борьбы за мир во всем мире, новый удар по поджигателям преступной войны, новое доказательство неразрывной связи советского права и коммунистической морали, воплощения в нашем праве благородных нравственных принципов социалистического государства и советского народа в целом. Знаменательна ссылка в законе на совесть и правосознание народов. Этим подчеркивается общая для всего прогрессивного человечества кровная заинтересованность в предотвра-

¹ «Правда» от 13 марта 1951 г.

щении новой мировой войны, развязываемой США, недопустимость отождествления правосознания народов капиталистических стран с «правосознанием» преступных правящих империалистических кругов, авангардная роль СССР в борьбе за мир, пользующаяся сочувствием и активной поддержкой миллионных масс участников всемирного движения за мир.

Закон Верховного Совета, выражающий справедливый гнев советского народа против поджигателей новой войны, закрывает наглухо дверь в Советский Союз любому лицу, выступавшему или выступающему в любой форме в качестве пропагандиста новой войны. Наш народ един в своем осуждении всех попыток развязать войну и пропагандировать ее. Издание закона о защите мира подчеркивает солидарность советского народа с развернувшимся во всем мире прогрессивным движением борьбы за мир, против поджигателей войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава 1. Советское социалистическое право как новый, высший, исторический тип права	23
Глава 2. Коммунистическая нравственность	48
Глава 3. Неразрывная связь и взаимодействие советского права и коммунистической нравственности	80
Глава 4. Право и нравственность как различные части надстройки социалистического общества	105
Глава 5. Роль советского социалистического права в деле коммунистического воспитания	135

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

Редактор издательства *Н. Н. Разумович*. Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР № 4435. Т-07809. Издат. № 2916. Тип. зак. 1298. Подп. к печ. 29/IX 1951 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 11,5. Бум. л. 5,75. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 20 000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
42	19 св.	примерный	Примерный
71	16 св.	обществах,	обществах
94	3 св.	главного орудия построения	государства как главного орудия построения
159	23 св.	показывает	показывают

М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе